

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Наумов Филипп Викторович

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМ
МНОГООБРАЗИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель

доктор философских наук, доцент

Найман Евгений Артурович

Томск – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Социально-этический анализ утилитарной модели языковой политики	13
1.1. Формирование и оценка проблемы культурного и языкового разнообразия: утилитарный ответ.....	13
1.2. Анализ практики регулирования общественных отношений в рамках утилитарной модели.....	62
Глава 2 Социально-этическая критика утилитарной модели языковой политики и предпосылки создания альтернативной модели языковой политики нейтральности	94
2.1. Критический анализ утилитарной модели языковой политики.....	94
2.2. Модель языковой политики нейтральности как альтернатива утилитарному подходу к языковому разнообразию	115
Заключение	130
Список использованных источников и литературы	140

Введение

Актуальность темы исследования

Современные общества все чаще сталкиваются с глобальными социально-политическими проблемами в области взаимодействия и коммуникации между различными группами людей, к числу которых в первую очередь относятся проблемы миграции и натурализации пришлого населения, проблемы расизма, нацизма и ксенофобии, проблема мультикультурализма и его политик, попадающих часто под справедливый шквал общественной и научной критики, например, знаменитый принцип affirmative action. Таким образом, очевидно, что большинство обществ сегодня хотя бы в некоторой степени отличаются культурным и языковым многообразием. Активные миграционные процессы, студенческая и профессиональная мобильность, а в последнее время также массовый приток мигрантов с Ближнего Востока приводят к тому, что в большинстве стран Старого и Нового света проживает сегодня значительное число людей, принадлежащих к разным культурам. Многие государства сегодня можно назвать разнообразными в культурном и языковом планах уже потому, что они открыты внешнему миру — представители любых народов могут туда свободно приезжать, уезжать, а иногда и оставаться.

В той или иной степени, большинство указанных проблем носят языковую природу, т.е. границы непонимания и конфликтов проходят преимущественно и в первую очередь по теме употребления защиты и сохранения языков. Следовательно, не будет преувеличением, если сказать, что сам дискурс языкового разнообразия определяет дискурсы проблем расизма, ксенофобии, национализма и пр. Поэтому, то, каким будет дискурс о языковом разнообразии (конструктивным или деструктивным), таким и будет дискурс всех прочих перечисленных проблем. Вместе с тем, сама ситуация языкового разнообразия также представляет собой проблему. В свете обозначенной проблематики, решение проблемы языкового разнообразия будет способствовать определению вектора развития политического действия для решения ключевых проблем, с

которыми сегодня сталкивается каждое мультикультурное общество (т.е. абсолютное большинство обществ).

Вопросами регулирования и решения проблемы языкового разнообразия занимается языковая политика, как особая форма общественной и профессиональной рефлексии и принятия решений в указанной сфере. Вместе с тем, не смотря на довольно долгий период напряженных размышлений относительно способов формирования приемлемой социальной среды сосуществования разных культурных и языковых групп до сегодняшнего дня вопрос о системном социально-философском анализе оснований языковой политики остается плохо разработанным. На сегодняшний день по теме языковой политики собрано огромное количество статистических данных и прочей эмпирической информации, написано большое количество работ, носящих описательно-исторический характер, которые не претендуют, в сущности, на раскрытие содержания понятия языковой политики и не стремятся структурно исследовать данный феномен. Кроме того, современные исследования (особенно российские), касающиеся темы языковой политики и планирования, игнорируют вопросы исследования различных видов регулирования в рамках социально-этического анализа. Ведь совершенно ясно, что для того, что языковое планирование стало действенной мерой регулирования общественных отношений, необходимо проводить ее, постоянно опираясь на фундаментальные этические представления о должном и неподобающем, опираясь, в конце концов, на международное право, в рамках которого этика выступает фундаментом международного общения. Именно поэтому не всякое эффективно решающее задачи языковое планирование является этически допустимым. Можно с большой долей уверенности предположить, что депортация большинства иноязычных меньшинств значительно снизит социальную напряженность в обществе, создаст условия для экономии средств и улучшит демографическое состояние коренных жителей, однако такую меру сегодня совершенно точно нельзя назвать приемлемой с точки зрения либеральной этики и международного права.

Именно поэтому социально-философский анализ современных моделей языковой политики сегодня является актуальной темой для исследования не только в теоретическом плане, но и с точки зрения практического приложения результатов исследования. Социально-философский анализ, выступая базовым методом наук об обществе, позволяет вскрыть структуру общественного явления, а исследование в контексте этики поможет понять границы применимости той или иной модели в современной ситуации. Таким образом, представляется очевидным, что в условиях мультикультурности особое внимание необходимо уделять совершенствованию теории и практики языковой политики и планирования, которая неизбежно должна проводиться в соответствии с высокими либеральными стандартами уважения личности и ее свободы, чем и обусловлена актуальность данной работы.

Степень разработанности темы исследования

Данное диссертационное исследование опирается, с одной стороны, на достижения отечественной и зарубежной социолингвистики, а, с другой – на достижения преимущественно зарубежной социальной и политической философии и этики. Таким образом, в работе представлен междисциплинарный подход к проблеме языковой политики в условиях мультикультурализма. Таким образом, в рамках работы используются источники по отечественной и зарубежной социолингвистике, а также источники преимущественно по зарубежной этической и политической философии.

В части исследования, касающейся социолингвистики, можно выделить следующие направления исследований, на основе которых осуществлялась работа над диссертацией:

Во-первых, теоретические работы по вопросам языковой политики, языкового разнообразия, языкового сдвига и диглосии представленные в творчестве: В. М. Алпатов, Б.А. Успенского, Е.А. Наймана, С.К. Гураль, В.М. Смокотина, Д.А. Катунина, Дж. Гамперца, Дж. Фишмана, Ч. Фергюсона, Э. Хаугена и др.

Во-вторых, теоретические работы и эмпирические исследования, посвященные вопросам языкового сдвига, полуязычия и языковой смерти, представленные в творчестве: Е.В. Головки, Н. Б. Вахтина, Х.-Ю. Зассе, Е. Смолича, П. Баккера, Н. Дориан и др.

В-третьих, теоретические работы по современным социальным процессам, глобализации и мультикультурализму, представленные творчеством: В.С. Малахова, В.М. Смокотина, З. Баумана, М. Кастельса, А. Сен, Г. Терборна и др.

В части исследования, касающейся моральной и политической теории, можно выделить следующие направления исследований, на основе которых осуществлялась работа над диссертацией:

Во-первых, теоретические работы, посвященные этической философии утилитаризма, представленные в творчестве: Дж. Бентама, Дж. Ст. Милля, Г. Сиджвика и др.

Во-вторых, теоретические работы, посвященные этической философии либерального эгалитаризма и либертариизма, представленные в творчестве: Дж. Роулза, Р. Нозика, Ч. Кукатаса, Э. Геллнера, Р. Дворкина, М. Кревельда, П. Розанваллона, Д. Белла, М. Сэндела, И. Берлина и др.

В-третьих, теоретические работы, посвященные правовой регламентации языковой политики и языковым правам, представленные в творчестве: В.М. Алпатова, У. Киммлики, А. Паттена, Т. Скутнабб-Кангас, Ф. Грина и др.

Таким образом, можно отметить значительные достижения в изучении разнообразных аспектов языковой политики. В то же время наблюдается определенная теоретическая разрозненность в осмыслении основ языковой политики. Так, например, исследования, посвященные социолингвистическим аспектам организации языковой политики, не опирается на достижения моральной и политической философии. Такая же ситуация и с исключительно философским подходом к проблеме. Таким образом, достигнутый уровень изучения разнообразных аспектов языковой политики с различных точек зрения нуждается в комплексном социально-философском осмыслении накопленного

материала, что позволит решать радикально значимые вопросы регулирования языкового разнообразия. Поэтому в изучении теоретических основ языковой политики так важно взаимодействие социолингвистического и философского подходов, что делает указанную тему важным объектом междисциплинарной рефлексии.

При этом, не смотря на уже проделанную работу по рефлексии над проблемами культурного и языкового разнообразия, на сегодняшний день не предложена новая релевантная концепция языковой политики, способная эффективно справляться с современными вызовами времени. Так, в качестве центральной проблемы можно выделить фундаментальное противоречие между идеологиями национального государства эпохи модерна (максимальное сокращение разнообразия ради целостности и идентичности социальной среды) и гибридным постмодерновым государством (мультикультурное и многоязычное общество, рассматривающее разнообразие, как интеграционный фактор). Вместе с тем очевидно, что существующие сегодня модели языковой политики не способны эффективно решать проблему языкового разнообразия. Так, одноязычная модель языковой политики, сформировавшаяся в эпоху становления национальных государств, сталкивается с трудностями современного языкового разнообразия, когда общественная интеграция не может строиться вокруг политики унификации только лишь одной нации и только одного языка. С другой стороны, современная языковая политика мультикультурализма также не дает релевантный ответ, т.к. в попытке сохранить языковые меньшинства и их языки существенно усложняет жизнь условного большинства (с политической, юридической, экономической точек зрения) и не меньше, чем одноязычная языковая политика, провоцирует конфликты в обществе. Таким образом, центральной группой вопросов в данной связи выступают:

Почему уже ставшие традиционными подходы в языковой политике (одноязычная и многоязычная) не могут решить проблему языкового разнообразия?

Какой должна быть модель языковой политики, отличная от традиционных подходов, способная эффективно решать современную проблему языкового разнообразия?

Цель и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является выявление наиболее релевантной модели языковой политики, ее социально-философских оснований, для решения проблем языкового разнообразия.

Основными задачами исследования являются:

1. Выявить основные проблемы культурного и языкового разнообразия в условиях современного глобализирующегося мира;
2. Рассмотреть социально-философские и этические предпосылки формирования утилитарных моделей языковой политики;
3. Проанализировать и систематизировать политико-правовой инструментарий (законодательную и правоприменительную практики) регулирования языкового разнообразия в рамках утилитарной модели языковой политики;
4. Провести критический анализ социально-философских основания утилитарной модели языковой политики;
5. Выявить альтернативную модель языковой политики нейтральности, как наиболее соответствующую модель языковой политики для решения проблемы языкового разнообразия.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования выступает языковое разнообразие как социальная проблема современного общества.

Предметом диссертационного исследования является языковая политика, – ее социально-философские основания и формы, – направленная на управление и регулирование языкового разнообразия.

Научная новизна исследования

В рамках работы впервые:

1. Систематизированы проблемы языкового разнообразия;
2. Дана классификация моделей языковой политики;
3. Дан критический анализ моделей языковой политики с позиции этико-философских оснований;
4. Выявлена релевантная модель языковой политики (доказана эффективность модели языковой политики нейтральности, как способа решения основных проблем языкового разнообразия).

Теоретическая и практическая значимость работы

1. Проведенное исследование позволяет системно взглянуть на проблемы регулирования языкового разнообразия и языковой политики через призму моральной и политической философии.

2. Данный подход расширяет имеющиеся теоретические рамки исследований по данной теме и предоставляет методологический аппарат, посредством которого возможно систематическое исследование проблем языковой политики и планирования, с позиции либеральной моральной и политической философии.

3. Кроме того, исследование учитывает крупные социо-культурные трансформации современного общества, позволяя адекватно моделировать основные положения языковой политики, основанной на либеральном понимании свободы и ценности культурного разнообразия.

4. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в практической деятельности по моделированию эффективных методов воздействия на языковой разнообразие в условиях глобальных миграционных процессов и эскалации международного напряжения. Кроме того, концептуальные наработки диссертации могут быть использованы для чтения курсов по теории и практике политических и социолингвистических исследований.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретико-методологической основой исследования выступают концепции: языкового разнообразия, диглоссии, языкового сдвига, полуязычия и языковой смерти (Дж. Фишман, Дж. Гамперц, Ч. Фергюсон, М. Вайнрайх, Е.В. Головкин, Н.Б. Вахтин и др.), негативной и позитивной свободы (Дж. Локк, М. Фуко, Т. Гоббс, И. Берлин, Ч. Тэйлор, З. Бауман и др.), утилитарной полезности, идеи общественного блага (Дж. Ст. Милль, Дж. Бентам, А. Сен, У. Кимлика и др.), либеральной нейтральности (Дж. Роулз, А. Паттен, М. Кревельд, Ч. Кукатас и др.)

В соответствии с поставленными задачами для выполнения диссертационного исследования определены следующие методы:

1. Метод социально-философского анализа, способствующий выявлению основных тенденций изменения общественных отношений по поводу культурного и языкового разнообразия в период глобализации;

2. Социолингвистический метод исследования, раскрывающий сущность трансформаций функционирования языков в зависимости от внешних внеязыковых феноменов, таких как власть и идентичность;

3. Метод сравнительно-правового анализа, позволивший проанализировать законодательную и правоприменительную практики современных государств в сфере языковой политики и планирования;

4. Метод этико-философского анализа, позволяющий проанализировать основания различных моделей языковых политик и вскрыть их фундаментальные противоречия.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения и результаты:

1. Основные проблемы языкового разнообразия происходят из социолингвистической проблемы взаимодействия разноуровневых по статусу языков в рамках одного общества, называемой диглоссией. Негативные последствия диглоссии, в первую очередь, приводят к появлению и эскалации языковых конфликтов между носителями разных по статусу языков в связи с неравномерным распределением сфер функционирования того или иного языка в

общественно-политической и межличностной сферах. В связи с неравномерным распределением сфер функционирования языковому разнообразию также угрожает ситуация языкового сдвига, приводящая в итоге к ряду неблагоприятных последствий, как для самого языкового разнообразия, так и для носителей языка – полуязычию и смерти языка. В связи с масштабностью указанных проблем государству отводится решающая роль регулирования языкового разнообразия посредством реализации языковой политики, модели которой необходимо подвергнуть исследованию и классификации.

2. В основу моделей классификации языковой политики положена концепция негативной и позитивной свободы, при этом выделены две основные модели языковой политики: утилитарная и нейтральная. В основе утилитарной модели лежит утилитарная теория, основанная на идее позитивной свободы, в основе нейтральной модели языковой политики – либеральная теория, основанная на идее негативной свободы.

3. На примере анализа корпуса нормативных источников (акты органов законодательной и исполнительной властей) различных современных государств продемонстрировано, что на сегодняшний день единственной моделью регулирования языкового разнообразия является утилитарная модель языковой политики, представленная двумя вариантами: языковой политикой одноязычия и многоязычия. Не смотря на разность подходов к проблеме языкового разнообразия, указанные варианты принципиально одинаковы и исходят из одних и тех же этико-философских оснований, которые можно подвергнуть критике в виду внутренней противоречивости и неэффективности.

4. Доказано, что модель утилитарной языковой политики является неэффективной для регулирования ситуации языкового разнообразия по причине того, что имеет ряд трудностей, связанных с противоречиями утилитарной этики, касающихся понятия блага, максимизации общественного блага и этического консеквенциализма. Кроме того, указанная модель языковой политики предполагает чрезмерное вмешательство в жизнь индивидов и языковых коллективов государства. Указанные противоречия делают модель утилитарной

языковой политики (ее варианты) малоэффективной в процессе решения проблем языкового разнообразия. Вместо нее предлагается более релевантная модель языковой политики нейтральности, основанная на идее либеральной нейтральности. Модель языковой политики нейтральности может быть представлена в двух формах: языковая политика равенства и языковая политика дерегулирования. Несмотря на то, что оба варианта исходят из принципа либеральной нейтральности, политике дерегулирования отдается предпочтение, т.к. она в наименьшей степени требует участия государственного принуждения, ограничивая его функциями посредничества и регламентации наиболее общих правил взаимодействия индивидов, коллективов и языков.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность полученных результатов обусловлена междисциплинарной методологией исследования, репрезентативностью источниковедческой базы, корректным применением общенаучных, частнонаучных и специальных методов.

Апробация результатов диссертации

Основные положения, научные результаты и выводы были изложены на заседаниях и научных семинарах кафедры истории философии и логики, XXVI ежегодной международной научной конференции «Язык и культура» 27-30 октября 2015 г. Национального исследовательского Томского государственного университета с 2013-2016 гг. и получили положительную оценку.

Публикации по теме диссертации

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в 3 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Объем и структура диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, 2 глав, 4 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, включающего 141 источник.

Глава 1 Социально-этический анализ утилитарной модели языковой политики

1.1. Формирование и оценка проблемы культурного и языкового разнообразия: утилитарный ответ

Языковое и культурное разнообразие всегда было естественным состоянием окружающей действительности и всегда привлекало внимание обществоведов и философов, потому как являлось серьезной социально-философской, культурологической, политической и правовой проблемой. Центральной проблемой культурного и языкового разнообразия является необходимость обеспечения приемлемых жизненных условий сосуществования различных в культурном и языковом плане индивидов и групп, а также недопущение конфликтов и дестабилизации общественной ситуации.

В рамках настоящего исследования делается попытка проанализировать методами социально-философского анализа эволюцию представлений о разнообразии, а также модели регулирования языкового разнообразия, в основе которых лежат различное понимание свободы. В рамках работы делается предположение о том, что современные подходы к регулированию языкового разнообразия стали неактуальными, а философский фундамент, на котором они основываются, значительно ограничивает свободу действия индивидов и коллективов. В работе выделяется два класса языковых политик: утилитарная и нейтральная. Однако, прежде чем перейти к подробному анализу указанных феноменов необходимо исследовать предпосылки формирования проблемы культурного и языкового разнообразия.

Исследование социально-философских оснований моделей языкового планирования требует комплексного подхода, ориентированного не только на анализ историко-философских предпосылок формирования языкового планирования, но и на этические идеи, лежащие в основе каждой из моделей. Дело в том, что, как и все другие общественные механизмы, языковое

планирование стремится регулировать общественные отношения, в которые вовлечены индивиды и целые коллективы и без оценки этической приемлемости того или иного решения невозможно проводить последовательную и эффективную трансформацию общественной ситуации. Да, можно предположить очень эффективное решение, например, депортация иноязычных, однако с этической точки зрения, такое действие будет неприемлемым. Кроме того, вполне определенные этические рамки задает сегодня и развитый корпус международно-правовых актов и институтов. Без оглядки на них, следовательно, любое такое «эффективное» решение будет подвергнуто критике и не признано. Именно поэтому по-настоящему полное исследование оснований языкового планирования должно включать в спектр своих предметов помимо анализа социально-политической обстановки также и анализ этических положений.

Тема языковой политики непосредственно связана с темой языкового и культурного многообразия. Вообще, языковое планирование по большей части является одной из социальных практик, призванной решать возникающие проблемы культурного многообразия, касающиеся употребления, передачи и сохранения языков. Оценивая сам феномен разнообразия можно сказать, что является естественным и необходимым для поддержания жизни. Разнообразие – это факт действительности, который нельзя не признавать и который существенным образом повлиял на развитие жизни на Земле и продолжает играть важнейшую роль. Культурное многообразие по своему значению сопоставимо с видовым разнообразием биологического мира и является неотъемлемой особенностью мира.

Демонстрируя выдающийся рывок в направлении созидательного развития, международное сообщество сегодня прекрасно понимает всю значимость культурного и языкового разнообразия, что нашло свое отражение в международно-правовой практике. Особое отношение к феномену культурного разнообразия отражено в ряде международно-правовых документов, среди которых особое место занимает Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. В ст. 1 Декларации культурное разнообразие определено, как

совокупность различных форм культуры, которые изменяются во времени и пространстве и которые проявляются в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Культурное разнообразие, таким образом, представляет собой источник обменов, новаторства и творчества, а также подчеркивает необходимость культурного разнообразия для человечества, как биоразнообразия для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно, по мнению авторов, быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений.

Эксплицируя термин «языковое разнообразие» можно сказать, что это понятие может подчеркивать количественную и качественную неоднородность языковой ситуации. Подчеркивая определенную связь между разнообразием биологических видов и языков, наиболее интересное представление о языковом разнообразии сформулировано в рамках подхода эколингвистики. Термин «языковое разнообразие» получил широкое распространение в рамках этой гибридной дисциплины, где он тесно связан с понятием биоразнообразия. Раздел эколингвистики, изучающий взаимодействие языков, языковых групп и индивидов с окружающей средой получил название лингвистической экологии.

У истоков данной проблемы стоял американский лингвист Э. Хауген, который в 1970 году в докладе «Экология языка» ввел аспект языкового мира человека и мира природы в социалингвистику и психолингвистику¹. Язык существует только в сознании говорящих на нём индивидов и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и природным окружением. Эколингвисты утверждают, что взаимодействие языка и природы происходит на двух уровнях: во-первых, это физиологический уровень, т.е. взаимодействие с другими языками в сознании говорящего. Во-вторых, на социальном, имея ввиду взаимодействия с социумом, в котором язык используется как средство коммуникации.

---

¹ Haugen E. The ecology of language. The Linguistic Reporter. Supplement 25, 19 – 26. Reprinted in Haugen 1972. – P. 324 – 329.

Согласно Ethnologue языковое разнообразие представлено всеми функционирующими («живыми») языками. «Живой» язык определяется, как тот, который имеет по крайней мере, одного носителя, для которого этот язык является первым. Точное число известных живых языков варьируется от 6000 до 7000, в зависимости от точности определения «языка», и, в частности, от того, как определяет различие между языками и диалектами. По состоянию на 2016 год, в соответствии с Ethnologue каталогизировано 7,097 живых человеческих языков. Далее, согласно Ethnologue, около 389 языков (около 6%) имеют более миллиона говорящих, которые вместе охватывают 94% населения мира².

Языковое разнообразие в рамках конкретного региона формирует определенную языковую ситуацию. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки определяют языковую ситуацию, как совокупность форм существования одного языка или совокупности нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований³. Кроме того, любую языковую ситуацию можно определить посредством трех признаков: количественных, качественных и оценочных. Так, количественные признаки языковой ситуации включают общее количество идиом, т.е. всех форм коммуникативных систем, которые включают языки, диалекты, говоры и пр. Качественные признаки характеризуют функциональное взаимоотношение идиом, их родство и пр. Оценочные признаки включают в себя коммуникативную пригодность, престижность, эстетическую ценность и пр.

Сами языковые ситуации могут быть по-разному классифицированы. Так, по качественному признаку языковые ситуации можно подразделить на одноязычные и многоязычные. К государствам, характеризующимся одноязычной языковой ситуацией, на сегодняшний день, относятся, без учета диалектных особенностей, около 6 стран, что составляет около 6% от общего числа государств, как уже отмечалось. Многоязычные государства, также, можно

---

² URL: <https://www.ethnologue.com/statistics/country>.

³ Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. – Санкт – Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». – 2004. С. 46.

подразделить, в зависимости от количества языков, но большинство, около 30%, всех стран занимают те, в которых количество языков варьируется от 11 до 50. Так, рассматривая языковое разнообразие, например, в Европе и сравнивая его с другими регионами, можно сказать, что европейский регион – самый лингвистически бедный регион. Последние подсчеты всех ныне живущих и многих вымерших языков дают число 275 языков (и большинство из них на территории бывшего СССР)⁴.

Таким образом, языковое разнообразие может быть определено по-разному и самым «простым» способом является статистическое наблюдение и подсчет числа автохтонных языков для данной территории. Это общее определение делает акцент исключительно на численной стороне местных языков: чем больше языков – тем больше языковое разнообразие. Так, например, Нигерия со своими более чем 400 языками имеет большее разнообразие, чем вся Европа. Зачастую, когда подчеркивают, что Нигерия имеет более 400 языков, а Европа – гораздо меньше, имеются ввиду только языки Нигерии или Европы, используемыми жителями Нигерии или Европы на протяжении веков. Языки, которые «пришли» в Нигерию или Европу вместе с иммигрантами и беженцами не учитываются. Большинство языков той же Нигерии местные, т.е. распространены только в пределах ее территории. В Европе, к примеру, немецкий не является местным языком только для Германии, а принят, как разговорный во многих государствах, к примеру, в Австрии, Швейцарии и Бельгии. На нем говорят люди, не являющиеся иммигрантами или беженцами, или их потомками. Таким образом, учет только автохтонных языков не дает точного представления о языковом разнообразии. Другим, наиболее полным является учет всех языков, функционирование которых на данной территории зафиксировано и связано с некоторой языковой группой.

Так, эксперты ЮНЕСКО указывают на тесную связь между языком и исконными знаниями, связанными с биоразнообразием. Например, все коренные сообщества разработали подробные системы классификации природного мира, на

---

⁴ Skutnabb – Kangas T., Phillipson R. A human rights perspective on language ecology // Encyclopedia of Language and Education / eds Angela Creese, Peter Martin & Nancy Hornberger. – 2nd edition. – New York: Springer, 2008. – Vol. 9: Ecology of Language. – P. 3 – 14.

основе собственных языков, что закономерно выражается в топонимах, фольклоре и пр.⁵

Исследователь Т. Скутнабб-Кангас подчеркивает, что существует корреляция, между уровнем биологического и лингвистического разнообразия. Языковое разнообразие исчезает сравнительно быстрее, чем биоразнообразие. Исследователь подчеркивает, что согласно пессимистическим оценкам, 20% биологических видов сегодня может вымереть к 2100 году. В соответствии с оптимистичными оценками эта цифра составляет 2%. Соединяя эти цифры вместе с показателями исчезающих языков, можно получить следующее сравнение: оптимистичный прогноз предполагает около 2% от биологического разнообразия, но 50% от языкового может быть потеряно в ближайшие 100 лет; пессимистический – около 20% биологических видов, но 90% языков⁶.

Языковое и культурное разнообразие, с одной стороны и биоразнообразие, с другой стороны, коррелируют – там, где один тип высокий, другой, как правило, тоже, и наоборот. Так, сравнивая топ-25 стран по количеству местных языков и число местных позвоночных, природных ресурсов Д. Хармон обнаружил высокую степень совпадений: 16 из 25 ведущих стран в обоих списках. Такой же результат при сравнении языков и фауны, языков и насекомых и т.д., что значит, что существует высокая корреляция между различными видами индикаторов биологического и языкового разнообразия⁷.

Таким образом, вопрос о языковом разнообразии неизбежно становится объектом дискуссий о его ценности, в связи с чем подчеркивают его культурную ценность т.к. любой язык, в той или иной мере, участвует в формировании целостного восприятия мира у его носителей, которое всегда является уникальным. В данной связи обычно упоминают о теории лингвистической

---

⁵ URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered – languages/biodiversity – and – linguistic – diversity/?q=fr%2Fculture%2Fthemes%2Fendangered – languages%2Fbiodiversity – and – linguistic – diversity%2F>

⁶ URL: http://www.tove – skutnabb – kangas.org/pdf/Tove_Skutnabb_Kangas_Keynote_presentation_at_Bamako_International_Forum_on_Multilingualism_Bamako_Mali_19_21_Jan_2009.pdf

⁷ Loh J., Harmon D. Biocultural Diversity: threatened species, endangered languages. – WWF Netherlands, Zeist, The Netherlands, 2014. P. 30 – 44.

относительности Уорфа-Сепира, радикально поменявшей взгляд на ценность языков меньшинств⁸.

Помимо прочего Т. Скутнабб-Кангас отмечает и экономическую ценность языкового разнообразия. Живя в индустриальном обществе, единственной по-настоящему важной основой производственной деятельности являются природные ресурсы, большей частью, что также очень важно, невозполнимые. По мере продвижения к информационному обществу, все большее экономическое значения начинают приобретать «нематериальные блага» – знания и ценности. Они передаются главным образом через язык. В таких условиях, те, у кого есть доступ к разнообразным знаниям, информации и идеям, будут преуспевать. Творчество предшествует инновациям, что справедливо и для товарного производства; помимо прочего, следствием творчества являются инвестиции. Кроме того, знания и идеи мало весят, а их передача практически безвредна для окружающей среды, по сравнению с сырьем, особенно с нефтью, продуктами питания, автомобилями и пр. Экономические теории спроса и предложения говорят, что цена некоторого блага изменяется в зависимости от удовлетворенности ими. Так, чем нужнее для потребителя это благо, тем больше он готов заплатить за него. В данном случае интересно рассмотреть ситуацию с глобализацией английского языка и вытеснением, как следствие, прочих языков из привычных сфер употребления. Когда относительная компетенция в английском языке, как престижном, незначительна, то данный языковой капитал легко можно реализовывать. При относительно высокой доле стран или регионов, где население имеет высокую компетенцию в английском, значение навыков в этом языке в качестве финансового стимула будет существенно уменьшаться. Таким образом, многоязычие в государстве может рассматриваться, как важнейшее условие экономического благополучия: обмена языкового капитала на экономический⁹

---

⁸ URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti

⁹ Skutnabb – Kangas T., Phillipson R. A human rights perspective on language ecology // Encyclopedia of Language and Education / eds Angela Creese, Peter Martin & Nancy Hornberger. – 2nd edition. – New York: Springer, 2008. – Vol. 9: Ecology of Language. – P. 3 – 14.

Языковое разнообразие точно также, как и культурное, регулируется на международном уровне рядом международно-правовых механизмов, на которые опирается сегодня языковая политика большинства развитых государств. Можно обозначить некоторые из них: Всеобщей декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года, Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года, Рекомендации ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия, и всеобщем доступе к киберпространству 2003 года, Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года, Декларации Комитета министров о правах человека и верховенстве права в Информационном Обществе 2005 года, Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 года, Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 года.

Таким образом, были проанализированы ключевые понятия, культурного и языкового многообразия с привлечением корпуса международно-правовых актов. Также в результате анализа была дана актуальная картина отношения к культурному, а также языковому разнообразию с точки зрения международного права. Кроме того, были названы некоторые проблемы поддержки многообразия в различных сферах общественной жизни, а также исследованы методы по их разрешению. Далее необходимо детально проанализировать ключевые проблемы, связанные с языковым разнообразием.

Обращаясь к проблемной стороне языкового разнообразия, необходимо еще раз выделить два, наиболее важных, на наш взгляд, вопроса, которые должны решаться в рамках языковой политики государства: вопрос о сохранении языкового разнообразия и вопрос о языковых конфликтах. В связи с этим, необходимо упомянуть о том, что в начале 2000-х годов ЮНЕСКО обратилась к международной группе лингвистов с просьбой разработать методологию, позволяющую определить жизнеспособность языка, чтобы способствовать использованию соответствующих мер по его сохранению, что является, по сути, главной целью языкового планирования в XXI веке. Эта группа экспертов,

специализирующихся на языках, находящихся под угрозой исчезновения, разработала ориентировочную концепцию документа под названием «Жизнеспособность и исчезновение языков»¹⁰.

При оценке угрозы выживанию для того или иного языка можно использовать, согласно исследованиям, ряд критериев. Нужно сказать, что, хотя ни один отдельно взятый критерий не позволяет с достаточной определённой судить о состоянии языка на конкретной территории, существуют основные факторы, влияние которых важнее, а все прочие находятся в логической и функциональной зависимости от них. Вместе же эти критерии могут определить жизнеспособность языка, его функцию в обществе и характер мер, необходимых для его поддержания или возрождения¹¹.

В результате работы экспертной группы, был сформирован перечень факторов, способствующих поддержанию и развитию языкового разнообразия. Влияние некоторых факторов представлено значениями от 0 до 5, в зависимости от степени влияния на устойчивость языкового разнообразия.

Государственные стандарты использования языка и наделение его правовым статусом является самым важным фактором устойчивости языкового разнообразия. В зависимости от степени поддержки языков, выделяют: Равная поддержка языков (5) характеризуется тем, что все языки находятся под защитой закона, и правительство поощряет использование всех языков путем реализации определенной языковой политики. Дифференцированная поддержка (4) оказывается в том случае, когда недоминирующие языки официально охраняются и имеют статус официальных/государственных. Правительство поощряет языковые меньшинства сохранять и использовать свои языки как можно шире, однако статусы языков уже не равны и имеет место доминирующий язык/языки. Пассивной ассимиляцией (3) экспертами называется ситуация, когда доминирующая языковая группа индифферентно относится к языкам меньшинств,

---

¹⁰ Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Гомского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. – С. 229-236.

¹¹ URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001836/183699E.pdf>

пока их язык сохраняет престижное положение в обществе. Хотя, формально некоторые языки могут быть равны в своем статусе, язык доминирующей группы, *de facto*, является единственным престижным языком. В процессе активной ассимиляции (2) правительство предпринимает попытки заставить меньшинства оставить свой язык, путем проведения образовательной политики исключительно на престижном и неродном для меньшинств, языке. Пользование родным языком в то же время не поощряется. В отличие от активной ассимиляции, направленная ассимиляция (1) обязывает проводить жесткую политику, направленную на использование одного единственного языка – языка большинства. Только этот язык обладает правовым статусом, остальные же языки не распространяются и не поддерживаются. Наконец, запрещение (0) предполагает, что все неофициальные/негосударственные языки меньшинств официально запрещены.

В этой связи необходимо коснуться проблемы диглоссии. Хотя многоязычие представляет собой явление не только значительное, но и достаточно обычное и распространенное, в обыденном сознании принято рассматривать одноязычие как норму, а многоязычие как нечто исключительное. У этого недостоверного взгляда есть ряд источников. Один из них – в желании экстраполировать опыт нескольких европейских и американских стран, которые в течение недолгого исторического периода приближались, к полной стандартизации языка как символу и орудию своего национального бытия.

На самом деле, языковые процессы в многоязычных регионах часто протекают стихийно и оформляются в различные диглосные варианты многоязычия – на данной территории сосуществуют два и более языков или две и более формы одного языка, употребляемые их носителями в различных коммуникационных ситуациях. Отличительной чертой диглоссии является несбалансированного двуязычия, когда один из языков или вариантов выступает в качестве «высокого» (*high level*) и употребляется исключительно в «привилегированных» сферах: публичной власти, науке и образовании, СМИ, а другой – «низкого» (*low level*), употребляемого в процессе межличностного и межгруппового общения, в семье. Первым, кто подробно изучил диглосные

ситуации был Ч. Фергюсон¹². Он описал ситуацию «несбалансированного» двуязычия с различными функциональными сферами употребления языков для классического арабского и разговорных местных вариантов, диалектов швейцарского и стандартного немецкого в немецкоговорящей части Швейцарии, а также креольского и французского на Гаити. Дж. Фишман, – другой крупный исследователь, – рассматривая различные сферы функционирования испанского и гуарани в билингвизме Парагвая, впервые распространил понятие диглоссии на неродственные языки, окончательно сформировав данное понятие¹³.

Таким образом, диглоссия это термин, используемый для описания ситуации функционирования двух и более языков на данной территории, с учетом того, что использование их связано с кодовым переключением в различных ситуациях с «высокого» кода на «низкий» и наоборот. Определенные обстоятельства и жизненные ситуации подразумевают, в таких регионах, предпочтительное использование одного языка или языкового варианта (общение в семье), тогда как некоторые ситуации жестко регламентируют использовать только один вариант и, как правило, «высокий» (проповедь). Следовательно, можно выделить первое свойство диглоссии – наличие кодового переключения и два режима: «высокий» и «низкий». Другим значимым свойством диглоссии является то, что для кодового переключения не обязательно наличие двух разных языков, т.к. она может существовать и в пределах одного языка, вернее между разными его диалектами. Таким образом, чтобы повысить престиж одного диалекта по отношению к другим требуется проводить направленную работу по его стандартизации, что является ключевым вопросом корпусного языкового планирования.

Одним из замечательных примеров диглоссии является арабская диглоссия. т.е. существование нескольких разновидностей арабского языка, каждая из которых, в свою очередь, представлена группой диалектов¹⁴. Отдельные

---

¹² Ferguson C. Diglossia. 1959. – Vol. 15. – P. 333 – 340.

¹³ Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. – Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». – 2004. С. 136.

¹⁴ Там же. P. 337.

разновидности арабского языка могут сильно отличаться от литературного стандарта, используемого на уровне государственного управления и международных отношений. Различия могут быть настолько велики, что говорящие на одном из арабских диалектов не понимают говорящих на другом. При этом средневосточные диалекты арабского в большинстве случаев не понятны носителям североафриканских диалектов и наоборот. Из шести основных диалектных групп в Северной Африке наиболее распространёнными являются египетский и магрибский арабский. При этом для общения с другими арабами, говорящими на диалектах, используется современный стандартизированный вариант арабского, на котором осуществляется проповедь, администрирование, обучение в школах. Местные варианты обычно письменной формы не имеют и используются в неформальных ситуациях и популярных телевизионных программах, включая рекламу. Арабская диглоссия представляет собой внутриязыковое двуязычие, при котором образованные арабы в разных социальных ситуациях используют различные варианты арабского языка, употребление которых не приводит к конфликтам. Высокий авторитет и престиж стандартного арабского языка, объясняемый в первую очередь его религиозным значением, как языка Корана и всего ислама (пожалуй, оспариваемый только Турцией) позволяет сохранить естественное разделение ролей между языками, которое устраивает большинство арабоговорящих.

В качестве другого, в чем-то похожего, примера можно выделить диглоссию на Руси, где, как показал Б.А. Успенский, разговорный и деловой древнерусский язык и церковнославянский язык культа и литературы значительно отличались друг от друга и употреблялись в разных сферах¹⁵. С одной стороны, религиозная литература, сочинявшаяся (или переписывавшаяся) на разновидности старославянского языка с некоторыми русскими элементами. С другой – деловая и частная переписка, которая велась на языке, близком к живому народному языку восточных славян, хотя и сюда могли проникать старославянские

---

¹⁵ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) 3 – е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 365.

элементы. Поскольку между двумя вариантами древнерусского литературного языка имелись общие черты, существовала возможность понимания образованными людьми того времени обоих вариантов, в то время как для остального большинства требовались многочисленные толкования непонятных слов из церковнославянского. Жесткое разграничение и генетическая близость этих языков также не давали поводов для прямых конфликтов, хотя и вызывали известные позитивные оценочные мнения в отношении «чистоты» церковнославянского и, соответственно, негативные в отношении народного языка.

За долгий период совместного существования на относительно небольшой территории Англия и английский язык постепенно вытеснили местный гэльские языки на периферию общественной жизни, что непосредственно не являлось поводом для вражды. В 1993 году закреплено равенство английского и валлийского языков в общественных и судебных делах законом «О валлийском языке»¹⁶. В Шотландии также действует аналогичный закон «О гаэльском языке в Шотландии» 2005 года, что также является фактором ослабляющем межэтническую напряженность¹⁷. Более того, одним из факторов мирного бытования разных языков являлся прагматизм этнических меньшинств: родители, понимая неоспоримое превосходство английского сами не желали, чтобы их дети, не обучившись в свое время «высокому» английскому, становились изгоями и поэтому сознательно пренебрегали обучением родному языку.

В соседней Ирландии, последнее время проводящей политику возрождения ирландского, и в конституции, которой ирландский признается первым и национальным языком, а английский вторым и официальным, существуют проблемы с претворением конституционных норм в жизнь, т.к. ирландский, официально признанный «высоким» вариантом, в большинстве регионов страны остается на уровне межгруппового общения и не так престижен, как английский, что соответствует «низкому» положению, либо не употребляется вовсе.

---

¹⁶ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

¹⁷ URL: <http://www.legislation.gov.uk/asp/2005/7/contents>

Доминирующее же положение продолжает играть английский, что объясняется и исторической привычкой, и практическим удобством и ролью английского, как признанного языка международного общения.

Таким образом, отсутствие прямого принуждения к смене языка и «естественность» языковой ситуации, когда каждый язык занимает свою нишу и не несет угрозы для языкового разнообразия данного региона, отличает многие диглосные ситуации. «Высокий» вариант занимает привилегированное положение в фиксированных сферах, практически не пересекаясь с «низким». Процесс коммуникации носители языка осуществляют посредством кодовых переключений с «низкого» на «высокий» и наоборот, в зависимости от конкретной ситуации. К примеру, языком официальной прессы и религиозной проповеди в мусульманских странах остается классический арабский, в то время, как в семейном кругу предпочтение отдается одной из диалектных форм. Кроме того, «высокий» и «низкий» языки, как правило, являются родственными и относятся друг к другу как «язык – диалект». В тех случаях, когда языки не родственны друг другу, их мирное сосуществование обусловлено общей историей и частыми, в первую очередь экономическими, контактами.

Фактором производным от государственной политики и также непосредственно связанным с диглоссией является использование языка в отдельных сферах. Где, кем, и по какому кругу вопросов используется язык, влияет на дальнейшее развитие языка. В зависимости от степени функционирования, экспертный комитет выделил следующие несколько уровней использования языка.

Универсальное применение (5) предполагает, что язык активно используется во всех сферах жизни языковой группы. Он является языком общения, мышления, творчества, идентификации, игры и т.д. Многоязычный паритет (4) устанавливается, когда один или несколько неродных для основного языков используются наряду с ним в основных сферах общественной жизни, при этом роль родного языка меньшинства продолжает сохраняться в таких важных общественных сферах, как богослужение, местные СМИ, малый и средний

бизнес, места общения данной языковой группы. Данная ситуация отвечает признакам диглоссии, т.к. уже имеется переключение регистров, в зависимости от престижности языков. Ограниченное функционирование (3) означает, что языки меньшинств все больше уступают место основному/основным языкам и активно развивается билингвизм у родителей и детей. Родной язык, тем не менее, продолжает сохранять за собой роль языка внутригруппового общения. Высокое ограничение функционирования (2) можно представить ситуацией, когда родной язык продолжает сохранять за собой лишь очень традиционные сферы функционирования: народные праздники, религиозные ритуалы, внутригрупповое и семейное общение; Критическое ограничение (1). Материнский язык постепенно забывается и употребляется лишь по случаю, а также для общения со старшим поколением. Наконец, когда язык перестает использоваться, приходится констатировать вымирание языка (0).

Наиболее очевидным негативным следствием диглоссии являются конфликты, которые приводят к крайне неблагоприятным последствиям, когда один язык искусственно «стремится» занять все ниши функционирования и претендует, таким образом, на универсальность.

Основными факторами, способствующими языковым конфликтам являются, во-первых, ситуация, когда «высокий» вариант претендует на привилегированность и занимает основные позиции в жизни общества. При этом происходит практически полное и насильственное вытеснение из официального оборота «низкого» языка, оставляя ему лишь сферу межличностного, межгруппового, внутрисемейного функционирования. Иногда, титульный язык также изгоняется и из сферы межличностного общения, тогда это ситуация языкового сдвига, которая в перспективе может привести к смерти языка. Наконец, во-вторых, «высокий» и «низкий» языки не являются родственными и часто «высокий» даже не принадлежат данному географическому региону. Для большинства языковых конфликтов характерно отсутствие родства «высокого» и «низкого» языков: английский и хинди в Индии, африкаанс и негритянские языки в ЮАР, французский и голландский в Бельгии, прибалтийские языки Латвии и

Эстонии и русский и т.д. Часто, эта особенность указывает на колониальное прошлое региона.

Помимо того, что в данной ситуации, диглоссия провоцирует конфликты, она также угрожает языковому разнообразию, т.к. усугубляет положение недоминирующих этносов что заставляет их либо отстаивать свое право на идентичность с оружием в руках, либо принимать «правила игры», насильно навязываемые им дискриминационной по сути политикой государства. Последний вариант, если он не будет изменен, может привести к таким негативным последствиям, как языковой сдвиг и, далее, возможна смерть языка.

Большое значение, таким образом, имеет также фактор передачи языка. Угроза передачи языка следующему поколению может быть представлена как континуум: от стабильности к вымиранию. Надо сказать, что даже безопасное и стабильное положение языка, который передается потомкам, не гарантирует жизнеспособность языка, потому что в любой момент языковое сообщество по тем или иным причинам может прекратить передавать свой язык.

Экспертная группа ЮНЕСКО выделила шесть степеней угрозы: Безопасное состояние (5), когда язык употребляется всеми поколениями и нет явных признаков угрозы его вымирания. Стабильное состояние (4) т.е. употребление языка в большинстве коммуникационных ситуаций повседневной жизни. Вместе с тем имеет место индивидуальное многоязычие, которое, разумеется, всегда прямо не угрожает существованию языка. Нестабильное состояние (3) характеризуется неравномерным распределением компетенций во владении материнским языком у различных групп носителей. Так, употребление языка в таких случаях ограничивается конкретными коммуникационными ситуациями, например, на уровне межличностного общения используется, как правило, материнский язык, тогда как в деловом и официальном – нет. Материнский язык находится под угрозой (2), когда выходит из употребления даже в ситуации межличностного общения между родственниками. Данная ситуация говорит о значительные потери лояльности языкового коллектива к своему языку, что в итоге приводит к тому, что старшее поколение может по-прежнему общаться с

младшим на варианте материнского языка, однако дети, как правило, уже этого не делают. Серьезная угроза (1) грозит языку, когда он употребляется и сохраняется, насколько это вообще возможно, только усилиями старшего поколения. При этом, если со старшим поколением еще возможно общение на материнском языке, то детей ему уже не учат. Критическое состояние (0) распространяется на те случаи, когда самое старшее поколение перестает регулярно употреблять материнский язык из-за того, что все последующие младшие поколения просто его не знают.

Фактором, связанным с предыдущим, является отношение членов языковых коллективов к своему языку. Естественно, существует целый спектр отношений к родному языку: от пренебрежения до почитания. В любом случае к родному языку не бывает нейтрального отношения. Отношение к языку также можно представить в виде ранжированной таблицы, где самое высокое значение (5) соответствует положительному отношению и поддержке языка, а самое низкое (0) – забвению своего языка.

Различные языковые варианты формируются в рамках языковых сообществ, которые в коммуникативном плане представляют собой речевые общества. Как подчеркивал Дж. Гамперц, процессы взаимовлияния языков речевого сообщества с внешними кодами происходит постоянно и часто сопровождается массированными заимствованиями, что зависит о множества прагматических и культурных факторов. В процессе взаимодействия в рамках речевого сообщества вырабатывается определенное отношение (*language loyalty*) к собственному языку. Именно уровень лояльности к своему языку оказывает существенное влияние на сохранение/утрату языка в рамках диглоссии¹⁸.

Оба этих фактора непосредственно касаются проблемы языкового сдвига, как следствия диглоссии. А. Паттен справедливо подчеркивал, что в рамках различных подходов к языковому разнообразию, оценка данного следствий диглоссии может быть различной¹⁹. Так, в рамках языковой политики одноязычия

---

¹⁸ Гамперц Дж. Речевая общность // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт – Петербурге, 2012. С. 84 – 97.

¹⁹ Patten A. Liberal neutrality and language policy // *Philosophy and Public Affairs*. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. – P. 335 – 336.

языковой сдвиг может рассматриваться как положительное явление, если оно происходит в пользу доминирующего языка. Однако, безотносительно к избранному взгляду, нужно признать, что потеря языка или его вытеснение представляет собой, хоть и естественную, но всегда достаточно болезненную процедуру для его носителей, ведь им приходится выучивать новый язык и поступать вопреки своим традициям и гордости.

Процесс утраты этносом своего языка определяют, как языковой сдвиг. Процесс языкового сдвига начинается тогда, когда к новому языку прибегают в тех сферах, где ранее использовался только родной. Можно выделить два типа языковых сдвигов: с сохранением знания своего языка, но ограниченно функционирующего и с полной потерей знания своего языка. Среди основных причин, ведущих к языковому сдвигу и смерти языков, отмечают следующие две: в результате прямого насилия или принуждения. Когда «высокий» язык агрессивно насаждается «сверху», при этом функционирование титульных языков крайне ограничивается (как минимум в официальной сфере, как максимум – полностью запрещаются); в результате самостоятельного выбора носителей языка. Кроме того, люди перестают говорить на родном языке потому, что перестают считать это для себя нужным. Люди оказываются в ситуации, в которой они по какой-то причине делают коллективный выбор в пользу доминантного языка, под давлением определенных обстоятельств и по определенным мотивам, по поводу которых ведутся споры²⁰.

Как подчеркивает Н. Дориан, лояльность конкретного языкового коллектива по отношению к своему языку в своей основе имеет два измерения: прагматизм и культурные особенности. Кроме того, часто именно культурная обособленность и высокий уровень внутригрупповой солидарности оказывает решающее значение в процессе сохранения языка²¹.

---

²⁰ Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – 2001. – № 1. С. 11 – 16.

²¹ Дориан Н. Утрата и сохранение языка в ситуации языкового контакта // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт – Петербурге, 2012. С. 382 – 402.

В качестве близкого примера можно отметить, что за свою историю Россия не раз сталкивалась с проблемами языкового сдвига и даже гибели языков. Два языка на территории страны уже исчезли: один из эскимосских языков исчез на Чукотке – язык сиреникских эскимосов. Еще один, керекский язык, исчез на Камчатке. Исчезновение языков на Севере России – результат языковой политики Советской России в конце 1950 — начале 1960 годов, когда по всему Крайнему Северу наблюдалась одна и та же ситуация, когда местные власти принудительно забирали детей из семей в школы-интернаты, часто вопреки желанию родителей, и учили их вместе с детьми других национальностей, а единственным языком, общим у детей и использовавшимся в общении между ними и учителями, был русский. В таких школах детей наказывали, если они говорили на родном языке, и заставляли говорить только по-русски²².

В Осетии, к примеру, русский язык постепенно превратился из средства межэтнического общения русских и осетин в язык межличностного общения большинства населения, вытеснив осетинский. Последнее время ведется политика по возрождению и сохранению осетинского, однако последствия языкового сдвига пока затрудняют этот процесс²³.

Политика языковой ассимиляции и дискриминации языков меньшинств в России имела место и раньше и сопровождалась принудительной русификацией в отношении языков завоеванных территориях, например, в Польше (Царстве Польском). Вошедшая в состав Российской империи Польша имела широкую автономию, однако в ходе революционных событий ноября 1830 года и, затем, января 1850 года был принят окончательный курс на русификацию. Было запрещено использование польского языка в школах, администрации и судах, коммерческой переписке и даже общественных местах, запрещались церковные книги на польском языке, простым полякам и шляхте было запрещено занимать государственные должности. Одновременно с этим поощрялось распространение

---

²² Вахтин Н.Б. Язык сиреникских эскимосов: Тексты, грамматические и словарные материалы. – München: Lincom – Europa. – 2000. С. 25 – 28.

²³ Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография / Под редакцией доктора филологических наук М.И. Исаева; Северо – Осетинский государственный университет. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. С. 125 – 129.

православия и ущемлялась католическая церковь (в частности католикам также было запрещено занимать государственные должности). Известна и показательна фраза графа М.Н. Муравьева, относительно польского дворянства и польского языка: «Что не доделал русский штык — доделает русская школа». Последствиями этой политики стало обострение отношений с Польшей и неприязнь к русскому языку и культуре. Похожая ситуация имела место в процессе русификации, в Советское время, Финляндии, Северного Кавказа и Осетии, Молдавии и Прибалтики.

Ближайшим следствием процесса языкового сдвига, в свою очередь, является проблема полуязычия, которая уже затрагивает непосредственно личность, находящуюся в ситуации многоязычного общества²⁴. Человека, владеющего минимум двумя языками, принято называть билингом, а само состояние — билингвизмом. Билингвизм в свою очередь бывает сбалансированным и несбалансированным. В первом случае, освоение языков происходит параллельно, а мыслительная деятельность осуществляется сразу на двух языках. Вопрос, сформулированный перед билингом на одном языке, воспринимается им непосредственно и ответ он формулирует также на языке, на котором был задан вопрос. Несбалансированное двуязычие, как правило, приобретает постепенно: сначала хорошо усваивается материнский язык, а затем второй. При этом, когда требуется ответить на втором языке, процесс обдумывания происходит на первом языке, с последующим переводом на второй. Проблема же полуязычной личности заключается в том, что иногда общение с носителями своего родного языка ограничивается, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации целостное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается ограниченно. Это явление и получило название полуязычия.

---

²⁴ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. — Санкт — Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». — 2004. С. 119.

Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена. Подобная ситуация приводит к появлению причудливых интегрированных друг в друга языков, на подобии украинского суржика, оценка в обществе которых, впрочем, невысока и воспринимаются такие варианты как нечто местечковое, даже неприличное. Полуязычие опасно тем, что с недостаточным усвоением одного из языков, происходит недостаточно усвоение долгой культурной традиции, что. В свою очередь, приводит к маргинализации личности.

Как отмечают эксперты ЮНЕСКО, язык попадает под реальную угрозу исчезновения, если нет больше его носителей или, если носители начинают говорить на другом, часто более престижном, языке. При самом худшем варианте развития событий язык может «умереть». Можно выделить два типа воздействий на любой язык: внешние (культурное, военное, экономическое и т.д.) и внутренние (негативное отношение носителей к родному языку, утрата части языка и т.д.)²⁵.

Процесс языковой смерти, по мнению Х.-Ю. Зассе, включает в себя целую систему разного рода факторов²⁶. Исследователь подразделяет все их совокупность на три группы. В первую очередь, всегда имеют место экстралингвистические факторы, именуемые внешней ситуацией, которые включают в себя культурные, социологические, этноисторические, экономические и прочие процессы, влияющие на лояльность языкового коллектива своему языку. Далее, ко второй группе относятся социолингвистические факторы речевого поведения членов языковой группы, которые включают использование разных языков в ситуации многоязычия, использование различных стилей одного языка, домены использования языков и стилей, отношение сообщества к различным вариантам и языкам, и пр. Наконец, к третьей группе факторов относятся структурные факторы языковой

---

²⁵ URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered – languages/biodiversity – and – linguistic – diversity/?q=fr%2Fculture%2Fthemes%2Fendangered – languages%2Fbiodiversity – and – linguistic – diversity%2F>

²⁶ Зассе Х. – Ю. Теория языковой смерти // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт – Петербурге. 2012. С. 433 – 439.

изменчивости, определенные структурные последствия, к которым относятся изменения в фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике языков, находящихся под угрозой исчезновения. Таким образом, процесс утраты языковым коллективом языка является сложным и требует учитывать все многообразие комбинаций факторов в каждой конкретной ситуации.

Одним из самых ярких примеров языкового сдвига, приведшего к смерти языка является пример айнского языка в Японии²⁷. В Японии существует только одно автохтонное этническое меньшинство: айны. Айны являются потомками самых первых поселенцев японских островов. Некогда они были широко расселены по японским островам, но позднее, с развитием японской культуры, они были оттеснены преимущественно на более северный остров Хоккайдо, Курилы и Сахалин. Веками айны продолжали жить традиционным укладом, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством ограничиваясь минимальными контактами с японским населением. При этом, в некоторые периоды айнам даже запрещалось говорить по-японски, что объяснялось презрительным отношением японцев, которые к тому времени обладали развитой культурой. Вместе с тем, пока большая часть Хоккайдо не была освоена японцами, они мало вмешивались в жизнь большинства айнов и именно в это время айнский язык был достаточно стабилен. Отмечали даже целое разнообразие диалектных форм айнского языка, в зависимости от территории проживания. Письменного выражения айнский язык не имел.

После революции Мэйдзи 1867-1868 гг. наступил период ускоренной индустриализации и вестернизации Японии, результатом чего послужила и активная колонизация Хоккайдо, закончившаяся к концу XIX в. В отношении айнов японское государство вело непримиримую и жесткую политику дискриминации: они лишались права владеть землей, запрещены были многие местные обычаи и т.д. Аналогичной ситуация была и в области языка. Так, не было создано письменности, а в связи с принудительным переселением курильских айнов на Хоккайдо был утрачен курильский диалект. Вместе с этим,

---

²⁷ Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003. С. 175 – 178.

айны подвергались активной ассимиляции путем обязательного изучения японского языка в специальных школах. Результатом такой языковой политики стала практически полная утрата айнского языка средним и молодым поколениями к началу Второй Мировой войны.

Лишь после поражения Японии во Второй Мировой войне американские оккупационные власти провели ряд очевидно демократических реформ, направленных на уравнивание айнов в правах с остальным населением. Однако, смена политики в отношении айнов на более гуманную дало в результате тот же эффект и только ускорила ассимиляцию. Пример айнского языкового сдвига показателен еще и тем, что многие носители языка самостоятельно отрекались от своей идентичности в пользу японской и японского языка, что очевидно сулило им не только формальные, но и реальные шансы на социальное благополучие. В результате айнский язык и все многообразие его диалектов, в послевоенный период стали быстро исчезать.

Помимо языкового сдвига, культурное многообразие зачастую приводит к конфликтам, в том числе к языковым. Языковой конфликт, как особый социальный конфликт, тем или иным способом связанный с проводимой языковой политикой, может иметь причины, лежащие в экономической, политической, социальной, религиозной и т. п. сферах, однако он приобретает конкретную форму в связи с проблемной языковой ситуацией, а доминирующая в социальном отношении группа, которая пытается ограничить социальные (экономические, культурные и т. п.) возможности других групп, будет в случае языкового конфликта рассматриваться именно как языковая группа²⁸. Иногда причины конфликта могут быть сосредоточены именно в языковой области, т. е. именно языковая политика доминирующего сообщества оказывается той точкой социального недовольства, из которой вырастает конфликт²⁹. Алок К. Дас, ссылаясь на работы П. Х. Нелда отмечает, что: «язык зачастую является лишь

---

²⁸ Наумов Ф.В. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 1. С. 25.

²⁹ Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. – Санкт – Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». С. 176 – 177.

символом конфликта, который в действительности происходит в других областях, таких как политика, экономика, управление или образование»³⁰.

Как отмечает Кондрашкина Е.А., можно выделить два типа языковых конфликтов: внутриэтнические и межэтнические. Первый возникает, как следует из названия, между языковыми коллективами одного этноса, например, при выборе литературной нормы, как это было со словацким языком, когда между двумя конкурирующими диалектами – западнословацким и среднесловацким, – в качестве общелитературной нормы был выбран среднесловацкий диалект. Межэтнические языковые конфликты, подчеркивает автор, представляют собой конфликт, возникающий между разными этническими группами в основе которого лежит борьба за распределение сфер функционирования между языками. Классическими примерами языковых конфликтов выступают ситуации, которые складывались на территориях бывших имперских колоний, в том числе на территории бывших республик СССР. Являясь серьезным фактором внутренней интеграции, бывшие республики СССР сразу принялись создавать собственное языковое законодательство, в результате чего на их территориях участились конфликты между автохтонным населением и преимущественно русскоязычным населением. Так, именно на языковой почве возникло военное противостояние 1992 г. между Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой, когда молдавская элита вознамерилась утвердить румынский язык в качестве официального языка республики, переименовав молдавский язык в румынский и предложив заменить кириллицу на латиницу³¹.

Таким образом, межэтнические языковые конфликты возникают на фоне общей межнациональной напряженности, однако могут становиться впоследствии мощным стимулом локального сепаратизма и межнационального противостояния³².

---

³⁰ Алок К. Дас Языковые конфликты и контакты в Индии // Решение национально – языковых вопросов в современном мире. – СПб., 2003. С. 130 – 136.

³¹ Кондрашкина Е.А. Языковые конфликты и их последствия в современном мире // Альманах современной науки и образования. 2016. – № 2 (104). С. 65 – 68.

³² Крючкова Т.Б. Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994. С. 125 – 130.

Помимо некоторых основных факторов устойчивости языкового разнообразия, выделяют также дополнительные, к числу которых относится в первую очередь появление новых (искусственных, типа Эсперанто и естественных, типа русенорск) языков.

Особенно интересен в данном контексте процесс пиджинизации. Пиджинизация языка происходит путем создания упрощенного смешанного языка для общения двух или более групп в экстремальных контактных ситуациях и который не является родственным ни для одной из говорящих на нем групп. Процесс креолизации обычно связан с созданием нового смешанного языка, который уже является языком новой идентичности. Кроме этого, языки могут смешиваться на всех уровнях, образуя смешанные языки более сложной природы, который также приводят к образованию новой идентичности. Нужно отметить, что решающим фактором формирования пиджинов, креолов и смешанных языков является необходимость построения коммуникации в ситуации, когда невозможно использовать готовый код. В связи с этим, П. Баккер выделял два типа наиболее развитых форм контактных языков (смешанных): «секретные» языки и языки новой идентичности³³.

Другим важным фактором является абсолютное число говорящих. Невозможно точно, приведя абсолютные цифры, представить число носителей языка, наиболее подверженное риску потери языка, но совершенно ясно, что небольшое языковое сообщество перманентно находится в опасности. Небольшая языковая группа гораздо более «чувствительна» к факторам, сокращающим численность носителей языка, среди которых можно выделить эпидемии, военные действия, стихийные бедствия и т.д. Кроме того, небольшое языковое сообщество может быть подвергнуто мирной или агрессивной ассимиляции со стороны более сильного сообщества, что также, относительно точно, влечет потерю языка и даже самобытной культуры.

---

³³ Баккер П. Смешанные языки, их общие черты и типы (отрывок) // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт – Петербурге, 2012. С. 548 – 565.

Пропорция говорящих относительно общего количества жителей представляет собой число говорящих на языке относительно общей численности населения – важный фактор языковой стабильности региона. Согласно таблице, приведенной в документе, каждый язык находится в той или иной «степени угрозы», от 0 до 5. Самая низкая степень угрозы наблюдается, когда количество говорящих на языке полностью эквивалентно общему количеству жителей. Далее, постепенно увеличиваясь, степень опасности принимает критическое значение, доходя до состояния, при котором нельзя установить минимальное число носителей языка.

Качество материалов для обучения языку и грамотности также имеет важное значение для жизнеспособности языка, но данный фактор тесно связан и с внелингвистическими обстоятельствами, которые определяют уровень социально-экономического развития, т.к. очевидно, что для создания качественных учебников и пособий, оплаты труда квалифицированных преподавателей требуются значительные материальные ресурсы. Этот фактор также ранжируется по шестибальной шкале: Безопасное состояние (5). Существует установленная орфография и правила грамматики, художественная и научная литература, словари и повседневное использование в СМИ. Также язык используется в государственном управлении и образовании; Стабильное состояние (4). Письменные материалы существуют, и в школе, дети развивают грамотность в языке. Использование языка не используется в администрации; Нестабильное состояние (3). Письменные материалы существуют, дети могут обучаться по ним, однако язык не транслируется через СМИ; Под угрозой (2). Материалы существуют, однако грамотность на данном языке не является частью школьной программы; Серьезная угроза (1). Орфография и прочие языковые нормы известны только членам данного языкового сообщества, но существует серьезный дефицит в письменных материалах; Критическое состояние (0). Языковое образование не доступно обществу.

Государственное регулирование использования языков, очевидно, является наиболее важным фактором, из которого как бы «вытекают» все прочие. И

действительно, к примеру качество передачи языка молодому поколению или качество образовательных материалов непосредственно связаны с языковой политикой государства, по формированию статуса и корпуса языков. Кроме того, процессы, способствующие или мешающие языковому сдвигу, зависят от уровня престижа того или иного языка, который напрямую зависит от его поддержки на государственном уровне: статей в основном законе и специализированных законах. Так, как уже упоминалось, не редки случаи отказа от титульного языка по причине его непрестижности и сокращения сфер его употребления. Языковой сдвиг, как было отмечено, выражается в вытеснении менее престижного языка/языков более престижным языком/языками из привычных сфер употребления. В результате становится невозможно получать образование на титульном языке или устроиться на высокооплачиваемую работу. По этим и многим другим причинам, родители сами отказываются от трансляции своего языка будущему поколению, чтобы они могли лучше устроиться в жизни.

Влияние четырех основных факторов в конечном итоге приводит к тому, что они совокупно влияют, как общее число носителей языков, так и на пропорцию их в данном обществе. Появление новых языков, в том числе искусственных, является единственным фактором, напрямую не зависящим от государственного регулирования, но надо сказать, что объективно он оказывает сегодня наименьшее влияние на устойчивость языкового разнообразия, в силу своей ситуативности и возможности коммуницировать на одном из языков-гигантов, вроде испанского или английского, который уже стал языком всемирного общения во многих сферах, особенно образования³⁴.

Таким образом, государственные стандарты использования языка, являются основным фактором, оказывающим существенное влияние на языковое разнообразие и прямо или косвенно, влияет на все прочие факторы. В этой связи особенно важным становится разработка и проведение взвешенной языковой политики, касающейся вопроса статуса языков, который, в конечном счете,

---

³⁴ Найман Е.А., Гураль С.К., Смокотин В.М. Английский язык в статусе языка всемирного общения в сфере образования // Вестн. Том. гос. ун – та. – 2013. – № 367. С. 158 – 164.

определяет все остальные аспекты его функционирования, о чем будет сказано ниже. Теперь необходимо проанализировать трансформацию общественно-политической ситуации в свете отношения к проблеме культурного и языкового разнообразия.

Обращаясь к истории нужно отметить, что вообще проблема регулирования общественных отношений по поводу использования языков появилась не так давно. Ей предшествовал очень долгий период полного безразличия к языковым проблемам, что обуславливалось как низким общественным сознанием элит, так и не разработанностью данной темы.

При этом, признание на самом высоком уровне необходимости поддержки культурного разнообразия появилось не случайно и является итогом идеологического сдвига конца XX – начала XXI веков. На эту метаморфозу указал М. Кастельс, проиллюстрировав свое наблюдение на примере отношения к культурному разнообразию политических элит и масс. Так, если на протяжении XIX и первой половины XX веков элиты преимущественно исповедовали националистическую идеологию, а массы были достаточно безразличны к проблеме разнообразия вообще, то с конца XX века точка зрения элит постепенно меняется в сторону мультикультурализма, тогда как массы становятся активными националистами в том смысле, что начинают формировать свою идентичность на этническом фундаменте и стараться выдвинуть за ее пределы все «чужое»³⁵.

Формирование современного взгляда на политику в отношении культурного и языкового разнообразия по мнению, В.С. Малахова, происходит в системе соотношения культуры и государства. Дело в том, что, как справедливо замечает исследователь, границы культуры и границы государства никогда не совпадали и более того, само понятие культура долгое время не употреблялось в современном значении до позднего Нового времени. Поэтому, ранние формы организации государственной власти, сталкивающиеся с культурным и языковым разнообразием, не обращали на него особого внимание. Позднее процесс

---

³⁵ Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. 2nd Edition. – Oxford: Blackwell Publishers, 2009. – Vol. 2. P.115.

складывания национальных государств заставляет власть добиваться культурной однородности на территории государства, что в конечном итоге привело к созданию направленных социальных практик и институтов, в том числе сделало необходимым появление языкового планирования. В целом, можно представить изменения отношения к культурному разнообразию в рамках трех этапов: домодерн, модерн и постмодерн³⁶.

Так, домодерновая политическая идеология отличается относительной индифферентностью к различным культурам, позволяя им существовать и развиваться, пока они явно не начинают противопоставлять себя метрополии. В данном случае речь идет преимущественно об идеологии имперских государств, которые в процессе своего развития присоединяли культурно чуждые регионы. В связи с этим, иллюстрируя отношение империй к культурному разнообразию, Ч. Кукатас выделяет несколько форм организации различных культурных сообществ, характеризующие терпимое отношение к инаковости³⁷. Так, он в первую очередь указывает на практику самоуправляющихся религиозных общин миллетов в Османской империи, когда им, не давая права на самоопределение, все-таки предоставляли возможность свободно исповедовать свои верования. Кроме того, похожим отношением отличается и традиция, которая философом именуется «метэкизмом». Метэками в античной Греции (за исключением Спарты) называли иностранцев, остававшихся в полисе на продолжительное время. Они занимали промежуточное положение между иностранцами и гражданами, пользовались правовой защитой в целом, однако, не могли вступать в ряд гражданских правоотношений и полностью были лишены политических прав. В данном случае, в рамках одного политического формирования сосуществуют различные культурные коллективы, способные самостоятельно решать внутренние проблемы и существующие как-бы наравне с доминирующей культурой. Именно это относительно равноправное положение культур в рамках

---

³⁶ Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 10.

³⁷ URL: http://econfaculty.gmu.edu/pboettke/workshop/fall04/theoretical_foundations.pdf

единой политике начинает стремительно меняться к XVII веку и обнажать проблему соотношения национальное-локальное.

Далее, во второй половине XVII века, в период модерна, начинается процесс образования национальных государств в связи с трансформацией государственного суверенитета из-за целого комплекса политических, экономических и культурных проблем, которые накапливаются в имперских государствах. Если раньше имперский суверенитет обосновывался религиозными соображениями и правом сильного, то после Великой Французской революции суверенитет государства начинает основываться уже на том, что называется «воля нации». Следовательно, признавая народный суверенитет империи оказываются в сложной ситуации, ведь если нация не представлена единой общностью, а состоит из конгломерата локальных культур, каждая из них имеет право на самоопределение и собственный суверенитет. Именно с такой проблемой столкнулась Российская империя после свержения династии Романовых, когда только путем предоставления фиктивных, по сути, суверенитетов регионам проживания культурных меньшинств, удалось предотвратить полный распад государства.

Поэтому, отношение к культурному многообразию в рамках национальной идеологии резко сменяется на ассимиляторское в интересах общественной однородности. В данном случае, уместно использовать метафору З. Баумана о «государстве-садовнике», которая подчеркивает переход имперских государств к новой модели общественной организации культурной неоднородности³⁸. «Государство-садовник», или национальное государство, сменяет «государство-лесника» или имперское государство, которое, как уже отмечалось, было в большей степени безразличным к культурному и языковому разнообразию и вмешивалось в жизнь культурных коллективов преимущественно по поводу налогов и создания местной администрации.

---

³⁸ Bauman Z. Gamekeepers turned gardeners / Bauman Z. Legislators and Interpreters. On Modernity, Post – Modernity and Intellectuals // Cambridge: Polity Press, 1987. P. 51 – 57.

Именно в этот период происходит, во-первых, процесс гомогенизации культуры в рамках одного государства и, во-вторых, происходит делегитимация локальных (народных) культур. Оппозиция локальное-национальное начинает реализовываться на территории всего государства посредством основных общественных институтов, например, институтов церкви, семьи, социальной мобильности и особенно, как отмечает Э. Гелнер, образования. Национальное государство, таким образом, прилагает усилия для формирования единой национальной культуры в то время, как культурное разнообразие на локальном уровне признаются «не-культурами», что подчеркивает огромную роль культуры в процессе трансформации государств³⁹.

Нужно также отметить, что в процессе формирования национальных государств формируется не только оппозиция «локальное-национальное», но также оппозиция «нормальное-ненормальное». Исследованием этого вопроса занимался М. Фуко, который проследил и предложил оригинальную концепцию механизмов реализации Власти, которая несомненно будет полезна для настоящего анализа.

Прежде всего, философ предлагает рассматривать Власть, как многочисленные силы конституирующие наиболее важные общественные институты, к которым он относил армию, тюрьму, школу, семью и пр.⁴⁰ Помимо тотального контроля, Власть устанавливает для индивида приемлемые модели поведения и функционирует как нормативный агент. Именно Власть производит социальную Норму посредством «дисциплинирования» индивидов (тел). При этом, Норма существует не изолированно, но как оппозиция не-Норме, которая проявляется во всем, что Власть запрещает. В этом смысле, М. Фуко приводит к выводу о том, что власть всегда тоталитарна. Однако для того, чтобы Норма была утверждена ей, как уже говорилось, необходим антипод, а значит она нуждается в Ином по отношению к Норме, поэтому постоянно производит и воспроизводит

---

³⁹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 105 – 117.

⁴⁰ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 192.

со-стояние не-Нормы. Парадоксально, но Власть, таким образом, одновременно и тоталитарна, и толерантна, в том смысле, что она терпима к не-Норме.

В своих рассуждениях далее М. Фуко приходит к раскрытию механизмов дисциплинирования индивидов и в качестве основного выделяют Язык. Понимание социальной нормы, как устойчивой и повторяющейся связи, организующей повседневное взаимодействие людей, заставляет Власть формировать онтологические рамки поведения и понимания индивидов посредством семантического контроля, организованного через язык, в полном соответствии с тезисом Л. Витгенштейна о том, что: «границы моего языка означают границы моего мира»⁴¹. Таким образом становится совершенно понятно, почему язык является важнейшим инструментом нормирования и почему идея языкового планирования возникает именно как часть модернистского проекта. Именно язык формирует картину мира, именуется все явления и объекты окружающей природной и социальной действительности Индивид, следовательно, воспринимает Норму, как благо, однако функционировать эта сложная дискурсивная среда может только, как уже говорилось, если в картине мира индивида есть так же четкое представление о не-благге. Таким образом, в сознании человека Норма и не-Норма представляют собой функционально единую оппозицию, где, с одной стороны, Норма определяет через дискурсы все возможные состояния этого мира, а не-Норма функционирует через отрицание самой жизни, внушая ужас перед неизвестностью. Бинарная оппозиция Норма/не-Норма обозначается Властью, которая, в свою очередь, включает в себя обе стороны и задает эту противоположность для своего функционирования⁴².

Анализ институтов Власти и механизмов нормирования общественной жизни, таким образом, позволяет выявить причину жесткой правовой регламентации, лежащей в основе, например, одноязычной модели языкового планирования, т.к. именно эти меры помогают искусственно сформировать национальную идентичность и индивида-гражданина, говорящего на конкретном

---

⁴¹ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 56.

⁴² Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 193.

языке. Именно язык в этих моделях позволяет отделять «нормированных» граждан от всех прочих, которым для того, чтобы стать полноправными членами общества требуется усвоить язык.

Оппозиция национальное-локальное долгое время существовала в рамках национальных государств, однако к XX веку происходят существенные изменения в общественной жизни, которые связаны с процессом глобализации. Национальные государства, как отмечает В.С. Малахов, довольно долгое время эффективно контролировали «процесс производства и циркуляции значений на своей территории»⁴³. Иначе, обращаясь к З. Бауману, можно сказать, что национальные государства единолично и успешно осуществляли «подведение баланса» на своей территории в пределах своего суверенитета⁴⁴. Философ отмечает, что период господства национальных государств воспринимался как однозначное и стабильное время порядка, когда создавалась видимость одинаковости культурных и государственных границ. С «приходом» глобализации же З. Бауман говорит об эпохе «нового мирового беспорядка». Он также говорит о смене оппозиции локальное-национальное, когда национальное, отождествляемое с процессом культурной универсализации, превращается в локальное в контексте глобализации. Понимая государство, как организацию, обладающую правом принудительного наведения порядка на определенной территории, философ подчеркивает, что: «в этих условиях «мировая арена» служила театром межгосударственной политики, чьей задачей – выполняемой путем военных конфликтов, переговоров, или сочетания обоих методов – было в первую очередь установление и сохранение («международные гарантии») границ, определявших и выделявших территорию, на которой каждое государство обладало суверенитетом в законодательной и исполнительной сфере»⁴⁵.

Конечно, это положение вещей претерпело существенные трансформации после Второй Мировой войны с образованием блоковой геополитической

---

⁴³ Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 22.

⁴⁴ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. С. 33.

⁴⁵ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. С. 37.

системы, когда культурный суверенитет двух сверхдержав – США и СССР – распространился за пределы собственных границ на территории других государств, что явилось своеобразной торжеством гипертрофированного культурного суверенитета. Несмотря на то, что национальным государственным строительством факт существования блоков назвать нельзя, с процессом формирования национальных государств усматривается очевидная схожесть: «они относились к остальному миру точно так же, как участники гонки за государственное строительство и закрепление границ в XIX в. относились к «белым пятнам» на карте»⁴⁶.

С момента проигрыша СССР в Холодной войне блоковая система начинает разрушаться, и глобализация постепенно вступает в свои права. С развитием информационных технологий, международной трудовой миграции и обменов теперь уже хрупкий культурный суверенитет национальных государств рушится, и они больше не в состоянии обеспечивать единую культурную идентичность. Традиционно именно государство осуществляло функцию медиатора, однако именно благодаря глобализации и появлению Интернета оно полностью лишилось монополии на производство смыслов. Теперь, как отмечает М. Кастельс, благодаря сети Интернет легко и повсеместно возникают транснациональные сообщества людей, для которых вопрос объединения находится в плоскости свободного выбора и желания, но не является уже предметом усмотрения государства⁴⁷.

Экономические последствия глобализации выражаются в образовании крупных транснациональных корпораций и, как выразился британский экономист В. Кэйбл: «Теперь уже не настолько очевидно, что Midland Bank или ICL являются британскими компаниями (точно также, как British Petroleum, British Airways, British Gas и British Telecom). В мире, где капитал не имеет фиксированных границ и финансовые потоки в значительной степени находятся

---

⁴⁶ Там же. С. 38.

⁴⁷ Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. 2nd Edition. – Oxford: Blackwell Publishers, 2009. – Vol. 2. P. 23.

вне контроля национальных правительств, многие из рычагов экономической политики больше не работают»⁴⁸.

Политическая сфера, как отмечает З. Бауман, трансформируется во всевозрастающие добровольные попытки «растворить» свой суверенитет в рамках крупных надгосударственных образований, вроде Евросоюза или НАТО. При этом отмечается интересная тенденция к выходу локальных культур на глобальную арену как бы в обход стадии создания национального государства. В данном случае Э. Хобсбаум замечает, что: «если голос Сейшельских островов в ООН равен голосу Японии, то вскоре большую часть членов ООН, вероятнее всего, будут составлять современные (республиканские) аналоги герцогства Саксен-Кобург-Готского и Шварцбург-Зондерхаузена»⁴⁹. В данном случае, речь идет об усилении локальных культурных сообществ с одновременным понижением значимости национальных государств.

Рассуждая в терминах культурного суверенитета, можно сказать, что бывшие локальные культуры активно глобализируются и напрямую вступают во взаимодействие с различными надгосударственными комитетами, комиссиями и пр., в том числе по поводу своего права на использование и распространение языка. Соответственно, учреждаются различные международные механизмы в рамках ОБСЕ, Евросоюза и прочих, например, пост комиссара по делам национальных меньшинств и пр. С другой стороны, национальные государства неумолимо локализуют свое влияние, как в международных делах, так и на собственной территории. Современные государства, таким образом, все больше, по мнению З. Баумана, напоминают местных надзирателей, которые осуществляют контроль во имя стабильной работы мирового рынка⁵⁰.

Кроме того, международное сообщество с каждым годом все активнее вмешивается во внутренние дела государств, что вызывает подчас неоднозначную реакцию. Так, обращаясь к отечественным примерам, на волне укрепления

---

⁴⁸ Cable V. The World's New Fissures: Identities in Crisis. – London: Demos, 1996. P. 20 – 22.

⁴⁹ Hobsbawm E. Some reflections on the «break – up of Britain» // New Left Review. – 1977. – № 105. P. 5.

⁵⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. С. 38 – 40.

национального суверенитета власти РФ 15 декабря 2015 года президент РФ В.В. Путин подписал закон, позволяющий Конституционному суду полностью или частично игнорировать резолюции Европейского суда по правам человека, что выглядит весьма симптоматично – национальные государства вынуждены бороться за свою самостоятельность в глобализующемся мире.

Таким образом, постмодерн можно охарактеризовать как эпоху не просто возвращения терпимого отношения к локальной культурной инаковости в политический дискурс, но появление толерантности, которая способствовала развитию различных политик мультикультурализма. Как отмечает Г. Терборн мультикультурализм возникает только после успешного формирования национальных государств и только в их границах⁵¹. В эпоху глобализации локальные культуры начинают переживать своего рода второе рождение, в то время, как национальные государства «разлагаются». Следовательно, мультикультурализм глобализирует местные мелкие идентичности и разваливает национальные государства, и, как отметил В.С. Малахов: «без пяти минут ассимилированные этнические группы вновь заявляют о себе, вытесненные на периферию языки перемещаются в публичное поле, полузабытые обряды и музыкальные стили превращаются в предмет массового изучения»⁵².

Известны две страны, которые во второй половине XX века признали мультикультурализм и мультилингвизм в качестве официальных политик: Канада и Австралия. Пример Канады особенно интересен из-за языковой политики, которую вынуждено было проводить правительство, чтобы решить проблему квебекского сепаратизма.

Рассматривая указанную ситуацию, исследователь Кожемякина В.А. отмечает, что население Канады состоит из двух крупных языковых групп: англо-канадцев и франко-канадцев, отличающихся высокой степенью автономности существования. При этом, на территории Квебека установлено официальное

---

⁵¹ Therborn G. Globalizatsiya i neravenstvo: problemy kontseptualizatsii i ob'yasneniya [Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of Explanation] // The Russian Sociological Review, 2005. – Vol. 4. P. 43.

⁵² Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 29.

использование французского языка, тогда как на остальной территории государства господствует английский язык. Автор подчеркивает, что сущность всех языковых проблем Канады состоит в том, что английский и французский языки одновременно являются и языками меньшинств, и языками большинства в зависимости от провинции проживания. Так, французский является языком большинства в Квебеке, однако на остальной территории он используется мало. Несмотря на то, что по Конституции государство официально является двуязычным, английский очевидно является более престижным чем французский. Фактором усиливающим внутренне напряжение является также и то, что английский в Квебеке выступает в роли языка межкультурного общения, что также повышает его статус и провоцирует сепаратизм.⁵³

Еще начиная со второй половины XIX века в Канаде начинают активно пытаться решить проблему англо-французского двуязычия. В процессе было принято немало правовых документов, регламентирующих положение каждого из языков, среди которых центральное место занимает Акт о Британской Северной Америке, принятый английским парламентом в 1867 году, который впервые позволил использовать французский язык в официальной сфере (парламенте, судах и пр.) Далее был принят еще ряд мер, которые обеспечили «равноправие» языков: двуязычные надписи на почтовых марках (1927 год), государственное бюро переводов (1934 год), двуязычные денежные купюры (1936 год), двуязычные дебаты в палате общин (1959 год). Результатом деятельности стало создание королевской комиссии по билингвизму в 1970 году. Однако, действий по уравниванию только двух языков было недостаточно и постепенно утвердилась точка зрения о том, что аборигенное население, жившее на территории Канады до прихода европейцев, также заслуживают признания. Этническое и языковое разнообразие, составляющее актуальный общественный ландшафт Канады не может быть сведено к поддержке только двух культур⁵⁴.

---

⁵³ Кожемякина В.А. Языковая ситуация и языковая политика в Канаде // Решение национально – языковых вопросов в современном мире. – СПб., 2003. С. 170 – 178.

⁵⁴ Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 35.

Несмотря на то, что мультикультуралистский дискурс сегодня активно воспроизводится публичными институтами, вокруг самого понятия «мультикультурализм» не утихают споры. В.С. Малахов указывает, что, для того, чтобы избежать проблем в определении, мультикультурализм можно понимать термин в двух разных аспектах: как простой учет разнообразных культур, проживающих совместно на одной территории и как определенную политику регулирования культурного многообразия⁵⁵.

Так, во-первых, культурное разнообразие можно понимать, как некоторое множество определенным образом выделенных культурных групп, проживающих в рамках какой-то территории, например, в рамках государственных границ. Большинство современных государств хотя бы в некоторой степени отличается культурным разнообразием, например, в сферах торговли, туризма, международного сотрудничества исследователей и деятелей искусства, что приводит к тому, что в большинстве стран проживает значительное число людей, принадлежащих к другим культурам. Даже в относительно гомогенной культурной ситуации, практически везде можно встретить представителей «иных» культур, к которым относятся, конечно, туристы, бизнесмены и студенты. Кроме того, многие страны сегодня можно назвать многообразными в культурном плане уже только потому, что они просто открыты внешнему миру – представители любых народов могут туда свободно приезжать, уезжать, а иногда и оставаться, затрачивая на это не так много сил. В данном случае, эти страны можно назвать мультикультурными в том значении, что количественно в них проживают более одной культурной общности⁵⁶.

Так, если обращаться к языковому разнообразию, в рамках данного подхода, то, согласно справочнику Ethnologue, только шесть государств с индексом 0.000 и только четыре государства имеют максимум два неиммигрантских языка, среди которых Сан-Марино и Северная Корея⁵⁷.

---

⁵⁵ Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 96.

⁵⁶ Наумов Ф.В. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 1. С. 22.

⁵⁷ URL: <https://www.ethnologue.com/statistics/country>

Во-вторых, мультикультурализм может быть понят, как целенаправленная политика, стремящаяся регулировать сложные межкультурные отношения между представителями различных культур внутри государства, которые следуют разным традициям, исповедуют разные веры, могут сильно различаться в быту, личном общении и т.д. Мультикультурализм, понятый таким образом, представляет собой тем большую проблему в том случае, если помимо коренного населения, в стране также велико число мигрантов.

Языковые вопросы, естественно, также находятся в центре этих дискуссий и, к сожалению, являются поводом к возникновению культурных конфликтов, как показывает опыт многих государств. Регулирование языкового разнообразия касается таких вопросов, как язык публичных дискуссий, образования, массового вещания, и т.д.

Поскольку не существует универсального способа разрешить эти сложнейшие вопросы различные конфликты неизбежны. Языковое разнообразие, как часть культурного разнообразия, также, в случае отсутствия должного внимания, может привести ко многим неблагоприятным последствиям, о которых будет сказано ниже. Принимая это во внимание, международное сообщество уже давно занимается разработкой различных механизмов, позволяющих регулировать культурное разнообразие и предотвратить негативные последствия, связанные с ним.

Как уже отмечалось, в работе исследуются два класса языковых политик: утилитарная и нейтральная. В основе каждого класса политик лежит особое понимание свободы, как конституирующего принципа. Представленный социально-философский анализ развития отношения к культурному и языковому разнообразию будет неполным, если дополнительно не исследовать этическую тему свободы. Именно проблема обладания и реализации свободы позволяет сформулировать основные модели языковых политик, речь о которых пойдет ниже.

Сфера политического взаимодействия является важнейшим предметом философского анализа. Исходя из своего общего, субстанционального характера

анализа, социальная философия исследует общие законы формирования форм, типов и видов политического управления обществом. К числу наиболее важных проблем социального взаимодействия в политической сфере можно отнести роль государства в жизни общества, смысл и цели общественного управления и самоуправления и пр.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, особую важность сегодня приобретает проблема культурного и языкового разнообразия и негативные последствия халатного отношения к указанному общественному явлению. На основе системного анализа социальных феноменов, социальная философия в данном случае пытается сформулировать возможные способы рациональной организации социально-политической сферы общества в эпоху глобализации различий, приводящей к культурной неоднородности и разнообразию. Многочисленные попытки систематизации, если не рассматривать самые одиозные и радикальные способы общественной организации, присущие авторитарным и тоталитарным порядкам, в итоге привели к формированию множества идейно-политических течений, среди которых видное место занимает либеральная теория или либерализм. Тем не менее, нужно отметить, что, по меткому замечанию Дж. Грея, если взглянуть на либерализм в ретроспективе, то можно уверенно сказать, что сколько-нибудь единого понимания данного понятия просто не существует и он представляет собой скорее совокупность «...разрывов, случайностей, многообразия... мыслителей, безразличным образом смешанных в кучу под вывеской «либерализм»⁵⁸. Вместе с тем, это не мешает подвергнуть теорию либерализма сущностному анализу и выявить его наиболее общие характеристики, присущие любому из его отдельных вариантов.

В первую очередь нужно сказать, что либерализм, как очень широкое идейно-политическое течение имеет особое отношение с концептом «свобода», и само понятие «либерализм» происходит от латинского «liberalis» – свободный. В данной связи проблема разнообразия тесно связано с понятие свободы.

---

⁵⁸ Gray J. Liberalisms: Essays in Political Philosophy. – L.: Routledge, 1989. P. 262.

Свобода вообще является одной из центральных идей мировой философии. Концепт свободы предполагает определенное отношение действующего субъекта к своим поступкам, при котором его воля является их основной причиной, при отсутствии непосредственной обусловленности со стороны прочих факторов: природных или социальных⁵⁹. С точки зрения русской этимологии слово «свобода» в самом общем смысле может означать отсутствие ограничений и принуждения, возможность поступать в соответствии со своими желаниями. Таким образом, для философии либерализма характерно признание суверенитета человека, то есть естественной и неотъемлемой возможности управлять собственной жизнью и деятельностью в соответствии с целями, выбранными самостоятельно. Содержание основанной на идее автономии рационального субъекта свободы заключается в идее обладания субъектом самим собой или суверенности.

Нужно отметить, что тема свободы в социальной философии долгое время не была центральной в философии. Греческие философы-досократики, например, интересовались больше проблемой детерминизма и происхождения сущего, пытаясь свести множественное к единому. Такими были попытки найти первоначало всего в рамках ранних школ греческой философской мысли. Социальные аспекты понятия свободы были, таким образом, отодвинуты на второй план. Вместе с тем, именно древняя философия заложила фундамент различных взглядов на проблему общественной свободы, а также роли государства. Некоторые философские школы древности сознательно ограничивали свободу во имя общественного блага. Так, конфуцианство, например, решительно противилось проявлению свободы в социальной жизни, полагая, что это неизбежно ведет к ухудшению нравов и хаосу. Чтобы исправить нравы Конфуций предлагал обратиться к традициям, в которых, естественно, все социальные роли и практики были строго определены и статичны, что также не предполагало свободы действий для отдельного человека. Другим примером ограничения свободы является политико-философская идея Платона о

---

⁵⁹ URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH011d9ed0664e9ab2a7a95b1d>

государстве. Платон свою философскую концепцию общественного устройства строил на таком же принципе меритократической несвободы и жесткой стратификации, когда каждому индивиду определено свое место в общественной структуре.

Софистом старшего поколения и одним из первых мыслителей, которому принадлежит существенная роль в повороте греческой философской мысли от натурфилософии к антропоцентризму, был софист Протагор. Именно он сформулировал свое знаменитое правило о том, что человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют, которое приведено Платоном в диалоге «Таэтет»⁶⁰.

Другим философом, который оказал заметное влияние на становление либерализма был Эпикур. Ему принадлежит ряд идей, которые нашли отражение в последующих этических учениях (этический индивидуализм) и области политико-правовой философии (договорная теория общества и государства). Эпикур приходит к очень важному заключению для либеральной мысли в целом – чтобы обеспечить возможность автономии, необходим запрет на агрессивное насилие в отношении членов общества. Он пишет: «Безопасность от людей достигается до некоторой степени благодаря некоторой силе, удаляющей (беспокоящих людей), и благосостоянию»⁶¹.

Следует отметить также, что свободу часто рассматривали в отрицательном смысле, отождествляя ее со своеволием. Так, Платон, усматривавший в свободе независимость индивида в государстве, определял ее как крайнюю степень опасного для государства своеволия⁶². Позднее, как своеволие, расценивал независимость от государственных законов и Т. Гоббс, видя в ней источник порабощения и установления тирании⁶³.

---

⁶⁰ Антология мировой философии (в 4 – х томах). Том 1 (в двух частях).; Москва: Изд – во «Мысль». – 1969. С. 318.

⁶¹ Антология мировой философии (в 4 – х томах). Том 1 (в двух частях).; Москва: Изд – во «Мысль». – 1969. С. 355.

⁶² Платон: Сочинения в четырех томах. / Под общ. ред. Лосева А. Ф. и Асмуса В. Ф.; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд – во С. – Петерб. ун – та; «Изд – во Олега Абышко», 2006. – Т. 1. С.379 – 380.

⁶³ Гоббс Т. Сочинения в 2 – х томах.; М.: «Мысль», 1989 – 1991. Т.2. С. 234.

И. Берлин одним из первых проанализировал понятие «свобода» в рамках либеральной традиции, отчего его взгляд на проблему становится особенно ценным. Философ предложил отделять «негативную» свободу от «позитивной». Негативная свобода в его понимании представляет собой ответ на вопрос: «какова та область, в рамках которой субъекту — будь то человек или группа людей — разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?». Содержание понятия позитивной свободы раскрывается в вопросе: «что или кто служит источником контроля или вмешательства и заставляет человека совершать это действие, а не какое-нибудь другое, или быть таким, а не другим?»⁶⁴.

Обе концепции свободы лежат в основе разных либеральных теорий и сейчас необходимо исследовать понятие «позитивной свободы». В основе либеральных теорий, который опираются на четкое понимание общественного блага, находится позитивистское понимание свободы. Так, являясь главной целью, понимание блага не может быть «приватизировано» отдельным индивидом, а, следовательно, выступает объединяющим фактором, в соответствии с которым каждый отдельный человек соотносит свои действия. Родоначальником такого отношения к свободе и благу является Аристотель, который писал: «Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу»⁶⁵. В соответствии с этой точкой зрения, мнение Аристотеля о том, что любое этическое действие индивида имеет своим источником разум, приводит к тому, что собственно свобода выражается в возможности выбирать между добром и злом: «Следовательно, если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же — не совершать его, когда он постыден; и если не совершать поступок, когда он прекрасен, зависит от нас, то от нас же —

---

⁶⁴ Макеева Л.Б. Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тэйлор, Уолдрон. М.: Прогресс – традиция, 1998. С. 27.

⁶⁵ Аристотель: Сочинения: В 4 – х т. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. С. 54.

совершать, когда он постыден»⁶⁶. Таким образом, концепция позитивной свободы не отвергает свободы воли, но помещает ее в рамки телеологических рассуждений.

Одной из классических форм реализации позитивной свободы является философия утилитаризма. Сегодня, как правило, и политика поддержки культур, и политика единого культурного суверенитета опираются на положения, разработанные в рамках этой философской традиции.

Утилитаризм в его классическом понимании является чрезвычайно разнообразно по своему идейному содержанию этическим учением, которое формировалось в процессе развития взглядов двух его идейных основателей: И. Бентама и Дж. Ст. Милля. Утилитаризм при всей своей неоднородности рассматривает одно и то же множество ключевых концептов, в которое входят определенное понимание природы человека, счастья, условий его достижения и интерпретация субъекта «наибольшего счастья», а также алгоритма принятия моральных решений.

Дж. Роулз заметил, что политическая философия, начиная с определенного периода, стала придерживаться двух преобладающих концепций: утилитаризма и интуитивизма. Первый представляет из себя этическую теорию, которая замыкает проблему производства и распределения общественных благ, в сущности, на два понятия: определения счастья/блага и его максимизация. Таким образом, центральным концептом утилитарной этики является понятие «счастья». Идейные истоки такого отношения к счастью лежат, о чем уже упоминалось, в философии Аристотеля и Эпикура. Так, Аристотель, например, подчеркивал, что: «мы всегда избираем ради него самого и никогда ради чего-то другого»⁶⁷. Таким образом, квинтэссенция философии утилитаризма сформулирована именно вокруг понимания счастья, а главную цель определяет в достижение «наибольшего счастья наибольшего числа людей»⁶⁸.

---

⁶⁶ Там же. С. 105.

⁶⁷ Аристотель: Сочинения: В 4 – х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. С. 62.

⁶⁸ Этика: Энциклопедический словарь / Под общ.ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. С. 221.

Дж. Ст. Милль считал достижение счастья естественным стремлением человека, говоря: «существование, наивозможно свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями»⁶⁹.

Именно исходя из такого понимания концепта счастья в рамках философии утилитаризма возникает принцип полезности, который И. Бентам определял, как: «величайшее счастье всех тех, о чьем интересе идет дело, истинной и должной целью человеческого действия», причем «целью, единственно истинной и должной и во всех отношениях желательной»⁷⁰. В этой связи полезным можно назвать только то действие, которое приводит к счастью, а вредным – то, что ему препятствует. В связи с прямой зависимостью с счастьем принцип полезности выступает единственным объективным и необходимым принципом, который по праву признают характерной особенностью утилитарной философии. Например, нобелевский лауреат А.К. Сен данную ориентацию на полезность обозначает специальным термином «велферизм», т.е. позицию, подразумевающую оценку того или иного действия относительно достижения благосостояния в результате него⁷¹.

Таким образом, с точки зрения И. Бентама, человек стремиться к счастью и обладает рациональными предпосылками для определения его составных частей и способов его достижения. Под состоянием, которое можно назвать «счастьем» понимается в принципе любое состояние индивида, если только он осознает, что данное определенное положение вещей приносит ему максимальное удовольствие. И. Бентам в данном случае опирается на то, что в истории представление о счастье все время меняется в зависимости от различных обстоятельств, например, страны или поколения. Однако даже в том случае, если изменения в понимании счастья остаются относительно неизменными, это не проясняет сущности понятия. Вместе с этим, такое понимание не приводит к солипсизму, т.е. пониманию несомненно данным лишь собственного

---

⁶⁹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 9, 93

⁷⁰ Там же. С. 7.

⁷¹ Сен А. Развитие как свобода. Пер. с англ. Полецкой Е.; Ред. и послесл. Нуреева Р.М. – М.: Новое издательство, 2004. С. 77.

субъективного опыта, данного в индивидуальном сознании, касаясь понимания удовольствия или счастья. Принцип полезности накладывает, таким образом, ограничения на эвдемонический индивидуализм, предписывая заботиться об общем счастье. Поэтому, единственное, что в таком случае можно понимать под счастьем, – это то, что считает счастьем большинство, т.е. то самое «наибольшее счастье наибольшего числа людей».

Позиция Дж. Ст. Милля непосредственно опирается на философию Аристотеля, который писал о существовании разумных и нравственных добродетелей, являющихся отличительными особенностями человека⁷². При этом И. Бентам, например, не определял специфических свойств человеческой природы и, таким образом, не предполагал существования чего-то, коренным образом соответствующего или не соответствующего природе человека. Наоборот, Дж. Ст. Милль подчеркивал, что именно «благородство характера» отличает человека от всех других существ, а его развитие не только желательно, но и естественно для человека⁷³.

Ключевым моментом в понимании утилитаризма Дж. Ст. Милля является вопрос соотношения достижения счастья и совершенствование человека. Он, в отличие от И. Бентама, вводит дополнительный параметр человеческого благородства, при том, что очевидно, что даже не обладая им человек может быть счастлив в бентамовском смысле. В понимании Дж. Ст. Милля, правило «наибольшего счастья наибольшего числа людей» как раз и обязывает заботиться о качестве индивидов, а сам этот принцип он распространяет не просто на сообщества, но на человечество в целом. Поэтому, именно качественная характеристика человека, его благородство, по мысли философа, способствует достижению всеобщего счастья.

Таким образом, термин «счастье» в рамках утилитарной философии имеет значение отличное от общеупотребительного и И. Кант справедливо отмечал: «то, что приносит истинную и прочную выгоду, если она должна простираться на все

---

⁷² Аристотель *Эвдемова этика*. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 29 – 31.

⁷³ Милль Дж.С. *Утилитарианизм. О свободе*. – СПб., 1900. С. 102 – 103.

существование, всегда покрыто непроницаемым мраком», в связи с тем, что это результат «целокупности действительно бесконечного ряда причин»⁷⁴. Кроме того, помимо смешения обывательского и специального понимания счастья, трудно определить и специальный смысл, ведь не любое положение дел, приводящее к счастью, можно понимать в данном случае. Об этом будет сказано ниже в рамках общей критики утилитарного подхода к проблеме языкового разнообразия и языковой политики.

Кроме того, в философии утилитаризма выделяется также особое место правилу «наибольшего счастья наибольшего числа людей» или принципу максимизации счастья/блага. Она непосредственно связана с методологией принятия решений и их оценке. Подход И. Бентама основан на математизации этической проблематики, в связи с чем моральный поступок возможно рассчитать посредством суммирования получаемого удовольствия. После методология подсчета полезности предполагает сравнение и вывод о том, какое действие можно считать моральным.

Предложенная И. Бентамом своеобразная «моральная арифметика» предельно упрощает и рационализирует пространство этического выбора и, по мнению философа, дает основания для точного определения наилучшей из доступных альтернатив в процессе принятия решений⁷⁵. При этом, И. Бентам не считал, что подведение баланса удовольствий и страданий для каждого конкретного случая является необходимым⁷⁶. Учитывая особенности повседневной практики принятия моральных решений, когда часто расчет полезности сложно или невозможно произвести, подобная абстрактная процедура подсчета блага носят идеальный характер и позволяют лишь оптимально и рационально выявлять моральность отдельного поступка. Кроме того, И. Бентам подчеркивал, что при невозможности точного определения полезности действия,

---

⁷⁴ Кант И. Собрание сочинений в 8 – ми томах. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. С. 358.

⁷⁵ Сен А. Развитие как свобода. Пер. с англ. Полецкой Е.; Ред. и послесл. Нуреева Р.М. – М.: Новое издательство, 2004. С. 42 – 44.

⁷⁶Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 44.

когда трудности слишком очевидны, от его совершения вообще необходимо отказаться⁷⁷.

Дж. Ст. Милль придерживался иной позиции по поводу оценки моральности поступков и максимизации блага/полезности. Его подход можно обозначить, как утилитаризм правил. Философ критически относится простому суммированию полезностей в теории И. Бентама. С точки зрения утилитаризма правил выдвигается справедливая критика «наивного» бентамовского тезиса о расчете полезности того или иного действия каждый раз перед его совершением. Например, невозможно точно рассчитать, действительно ли переход дороги на красный свет будет всегда способствовать уменьшению полезности, особенно в экстремальной ситуации. Он также указывает на то, что сложно или практически невозможно сравнить полезность двух несоизмеримых деяний. Так, достаточно трудно сказать, всегда ли и в каких случаях полезность института семьи возможно сравнить с полезностью индивидуальной свободы. Или также сложно сделать вывод о предельной полезности того или иного блага в ситуации выбора, когда невозможно получить исчерпывающую информацию о них. Дж. Ст. Милль подчеркивает, что в большинстве жизненных ситуаций совершению того или иного действия предшествует не точный расчет, но обращение к своему или чужому опыту⁷⁸. В ситуации, когда невозможно апеллировать к опыту, философ обращался к калькуляции полезности И. Бентама⁷⁹.

Кажется, что позиция Дж. Ст. Милля о моральной оценке действий обладает большей практической применимостью, по сравнению с позицией И. Бентама, однако это не совсем так. Дело в том, что И. Бентам, формулируя ее рассматривал утилитарную процедуру максимизации блага, как способ решения преимущественно социально-политических проблем, в то время, как его ученик строил индивидуально ориентированную теорию достижения счастья. Такой подход государственного администрирования, обладая определенной

---

⁷⁷ URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/dc/Jeremy_Bentham%2C_A_Fragment_on_Government_%281891%29.pdf

⁷⁸ Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. – СПб., 1900. С. 124.

⁷⁹ Там же. С. 101 – 105.

интуитивной понятностью и простотой, таким образом, нашел активное применение в регулировании всех видов общественных отношений. Результатом развития этой идеи стало то, что сегодня политический дискурс, особенно в России, пронизан идеей достижения общественного блага.

Однако нужно учитывать тот факт, что утилитаризм – «дитя своего времени» и, как и любая философская традиция, в значительной мере отражает мироощущение людей определенного исторического периода. И. Бентам и Дж. Ст. Милль жили и работали в Европе в период нарастающей гражданской активности и попыток большинства ограничить власть привилегированного меньшинства. Поэтому, когда необходимо было сформулировать четкую и достаточно простую модель учета интересов большинства, утилитарная философия, по словам У. Кимлики, дала «ясный и прогрессивный ответ»⁸⁰. Однако в ситуации защиты меньшинства перед большинством утилитаризм, к сожалению, пасует и пытается выпутаться из существенных концептуальных трудностей усложнением процедуры подсчета полезности и определением сущности блага.

Таким образом, в рамках утилитарной этики невозможно примирить разнообразные интересы и в конечном итоге выбор будет сделан в пользу достижения блага для наибольшего числа людей. Такое положение вещей фактически сохраняет статус-кво для всех коллективов и групп, которые являются меньшинствами в конкретном обществе. Вместе с тем, нужно понимать, что меньшинством может быть и количественное большинство, лишенное прав и свобод активно изменять общественную жизнь. И если в этом случае утилитаризм с точки зрения повседневной интуиции и чувства справедливости оправдывается, предоставляя угнетаемому большинству взять власть в свои руки, то в случае, когда консервативное большинство не позволяет местным или пришлым меньшинствам отстаивать интересы свои и общества в целом, то социальная обстановка начинает провоцировать конфликты. Языковой конфликт также может

---

⁸⁰ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун – т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун – та – Высшей школы экономики, 2010. С. 76.

быть спровоцирован неравными возможностями участия в общественной жизни. В данном случае свобода использования своего языка ограничивается, а языковое разнообразие подвергается воздействию политики унификации. Может сложиться и противоположная ситуация, когда государство активно поддерживает локальные языковые сообщества, преимущественно местные, за счет дополнительного финансирования. На первый взгляд, этот подход соответствует негативному пониманию свободы, однако это по-прежнему утилитарный подход. Дело в том, что поддерживая культурную диверсификацию, государство точно также стремится активно организовывать и реорганизовывать общество с определенными целями, о которых будет сказано ниже. Поэтому, утилитаризм в языковой политике может обманчиво применять противоположные формы, оставаясь при этом одной идеологией, стремящейся увеличивать полезность директивными методами. Как будет показано ниже, этот подход не поддерживает концепцию негативной свободы и в целом основывается на противоречивых с философской точки зрения основаниях.

1.2. Анализ практики регулирования общественных отношений в рамках утилитарной модели

Очертив примерные исторические периоды формирования отношения к культурному и языковому разнообразию необходимо далее обратиться к анализу современных утилитарных языковых политик на большом корпусе нормативно-правовых источников.

Можно с уверенностью утверждать, что утилитарный тип языковой политики на сегодняшний день является чуть ли не единственным способом организации языкового разнообразия. Данный тезис подтверждается анализом

норм конституционного и специального языкового законодательства ряда современных государств⁸¹.

Данный анализ является в высшей степени репрезентативным, потому что конституционно-правовые нормы имеют ряд важных особенностей, которые заставляют в качестве примера рассматривать именно их, а именно: особую юридическую силу и также фундаментальную важность общественных отношений, регулируемых ими⁸². Поэтому, анализ законодательства в данном исследовании в основном сосредоточен на анализе конституционных норм, а там, где их недостаточно для уяснения смысла, привлекается специальное языковое законодательство. Между тем, необходимо отметить, что в рамках работы не рассматривались подробно многие нормативные акты, так или иначе касающиеся вопросов языковой политики, к примеру, законодательство об образовании, выборах и пр. Анализ этих областей не предполагался, по причине опасности лишней конкретизации, т.к. анализ конституционных и специальных норм достаточно репрезентативен в рамках исследования. Кроме того, данную выборку нормативно-правовых актов можно объяснить и с точки зрения коллизионного права, в том смысле, что достаточно будет рассмотреть только их.

Так, в теории государства и права выделяют несколько видов коллизий в праве⁸³: по основанию юридической силы, по специализации акта и пр. При выявлении элементов правовой нормы могут обнаружиться противоречия между установленными на разных законодательных уровнях условиями применения или определениями содержания нормы. В этих случаях применяются следующие правила: определения норм, содержащиеся в нормативных актах Российской Федерации, имеют преимущество по отношению к нормам, установленным в актах субъектов Федерации. Отсюда следует, что специальное федеральное законодательство или законодательство в унитарном государстве о языках, по

---

⁸¹ Наумов Ф.В. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 1. С. 21 – 30.

⁸² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. С. 23 – 27.

⁸³ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. С. 44 – 46.

юридической силе превалирует над языковым законодательством субъектов или регионов и автономий. Как уже отмечалось, языковые нормы Конституции обладают высшей юридической силой, из чего следует, что ни одни другие нормы любых уровней законодательства не могут им противоречить. Также, можно утверждать, что нормы языкового законодательства являются нормами специальными, по отношению к нормам регулирующими общественные отношения в других областях, таких как СМИ, образование и пр., что значит, что в случае противоречия, применяются положения диспозиций данных (языковых) норм.

Языковая унификация и фиксация на конституционном уровне только одного – государственного/официального/рабочего языка, сегодня уже не является распространенной⁸⁴. Государства, придерживающиеся такой политики можно, по аналогии с определениями Ч. Кукатаса назвать изоляционистскими в языковом плане, т.к. отсутствие надлежащей языковой компетенции у представителей меньшинств исключает возможность им интегрироваться в такие общества⁸⁵. В рамках этой модели языковой политики с негативными проявлениями диглоссии пытаются бороться, не признавая другие языки. Следовательно, эти языки не могут функционировать в официальных сферах и фактически остаются «низкими», что усугубляет языковую ситуацию. Некоторые государства, все же, допускают возможность введения в правовое поле новые языки, но при определенных обстоятельствах. Так, в Конституции Македонии допускается признание второго официального языка только при условии того, что на нем будет говорить не менее 20 % населения⁸⁶.

Другие конституции, например, австрийская, гватемальская и эквадорская, объявляют официальным языком только один язык, но обязуются защищать и недискриминировать языки меньшинств (однако, какие именно меньшинства и языки имеются ввиду в текстах не указано) и т.д. Данные примеры говорят о

---

⁸⁴ Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. – № 2 (12). С. 11 – 22.

⁸⁵ URL: http://econfaculty.gmu.edu/pboettke/workshop/fall04/theoretical_foundations.pdf

⁸⁶ URL: <http://www.volsu.ru/download.php?id=000025879-1.pdf>.

попытках конституционных компромиссах, хоть и явно дискриминируют некоторые языки. Хуже, когда наряду с политикой юридического непризнание реализуется политика языковой ассимиляции⁸⁷.

Прибалтийские государства являют собой современный пример, демонстрирующий дискриминационную языковую политику как бы «в ответ» на подобную же политику со стороны некогда Советского Союза⁸⁸. При этом, формально признаются права языковых меньшинств. Так, принятая в 1922 году Конституция Латвийской Республики с 6 ноября 1998 года устанавливает, что государственным языком Латвии является латышский язык (ст. 4), и это положение можно изменить лишь референдумом (ст. 77). Правда, в принятом в тот же день новом разделе Конституции «Основные права человека» за лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, признаются права сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность (ст. 114)⁸⁹.

Поправки от 30 апреля 2002 г. добавили в Конституцию еще две языковые нормы: парламентарии перед вступлением в должность должны приносить клятву «укреплять латышский язык, как единственный государственный язык» (ст. 18), и он же является единственным рабочим языком Сейма (ст. 21). Избиратели, имевшие право обращаться в государственные и местные учреждения и получать ответы по существу в результате поправок теперь имеют право получать ответы только на латышском языке (ст. 104).

Наконец, после вступления Латвии в Европейский Союз, одновременно с принятием 23 сентября 2004 года обязательных поправок к конституции о допуске к местным выборам граждан ЕС, было также установлено, что латышский язык является рабочим языком самоуправлений (ст. 101), что тем самым ограничивает право других языков на функционирование в официальной сфере.

---

⁸⁷ Катунин Д.А. Язык в зеркале мирового законодательства: статус языков в конституциях стран мира // Картины русского мира: образ языка в дискурсах и текстах. – Томск, 2009. С. 174 – 228.

⁸⁸ Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. С. 231.

⁸⁹ URL: <https://likumi.lv/ta/en/id/57980-the-constitution-of-the-republic-of-latvia>

Действующий закон «О государственном языке» («Valsts valodas likums») вступил в силу 1 сентября 2000 года и в полной мере реализует языковые ограничения для национальных меньшинств, вытекающие из статей 4, 101 и 104 Конституции, и не гарантирует тех их прав, которые провозглашены в статье 114. Закон (ст. 5) предусматривает, что все языки, кроме латышского языка, являются иностранными, не делая исключений для языков национальных меньшинств. Закон признает право использовать любой язык в частной сфере (ч. 3 ст. 2), однако допускает «пропорциональное» вмешательство государства в вопросы употребления языков в частной сфере, если это оправдано «законными интересами общества» (часть 2 ст. 2). Законодательство не гарантирует права использовать другие языки, кроме государственного языка, при устном общении с органами власти, а также прямо запрещает в большинстве случаев (ст. 10) использовать другие языки при письменном общении, не делая исключений для регионов со значительным или даже преобладающим нелатышским населением⁹⁰.

Прибалтика – это уникальный исторический регион с точки зрения исследования, поэтому представляется необходимым рассмотреть его конкретно. Общие исторические судьбы, общий географический регион и огромное взаимное влияние в том числе на уровне языков позволяет говорить о прибалтийском регионе: Латвии, Литве и Эстонии, как о специфических государствах, одноязычная языковая политика которых является абсолютно продуманной и целостной, в контексте социальной и культурной политики каждого из государств, а также, как было сказано выше, опирается на ряд принципов.

Как было показано на примере Латвии, стремясь к языковой унификации, особый правовой статус приобретают государственные/официальные языки. Одноязычие, таким образом, приводит к тому, что особый статус имеет только один, государственный язык, а прочим языкам отказывают (или существенно ограничивают) в определенных сферах функционирования. Государственные языки продвигаются и «навязываются» преимущественно через законодательно закрепленные ограничения и запреты, такие как языковые требования при

---

⁹⁰ URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740>

трудоустройстве, обязательное использование государственного языка в определенных сферах, а также установление ответственности за нарушение норм языкового законодательства и многое другое.

Так, правовой статус особого, государственного языка закреплен в конституциях всех трех прибалтийских государств, а также в специальных законах, посвященных государственному языкам.

Эстонская Конституция, в ст. 6 прямо устанавливает, что официальным (государственным) языком Эстонии является эстонский⁹¹. В соответствии со ст. 3 гл. 2 «Языковая политика и управление в языковой сфере» закона о языке – «Keeleseadus», также устанавливает эстонский в качестве государственного языка, а также уточняет, что государство также способствует сохранению и развитию (использованию) местных диалектов эстонского. Кроме того, в статье закрепляется статус эстонского жестового языка, который объявляется вариантом эстонского⁹².

Конституция Литвы в ст. 14 также признает литовский – единственным государственным языком⁹³. В соответствии со ст. 2 «Valstybinės kalbos įstatymas», литовского закона о государственном языке также ограничивает множество государственных языков до одного – литовского. Латвия, вслед за Эстонией и Литвой, также признает официальным (государственным) языком только один – латышский⁹⁴.

«Valsts valodas likums» определяет, что в Латвийской Республике государственным языком является латышский язык. Кроме того, как и в Эстонии, Латвия обеспечивает развитие латышского жестового языка, а также защиту и развитие латгальского письменного языка как исторического диалекта латышского языка. Ограничительный характер Прибалтийского языкового законодательства проистекает из конституционного статуса национальных языков, как единственных государственных/официальных языков. Отсюда

---

⁹¹ URL: <https://www.president.ee/en/republic-of-estonia/the-constitution/index.html>

⁹² URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/131122015022>

⁹³ URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm

⁹⁴ URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/www_tv.show?id=91765,6953,30

следует, что во всех наиболее значимых сферах, таких как занятость, публичное общение с органами государственной власти и др. государственный язык будет играть первостепенную роль, ограничивая или полностью исключая возможность другим языкам выполнять эту функцию. Имеет место классическое состояние диглоссии.

Сфера занятости в Прибалтике – одна из типичных сфер, в которых проявляется ограничительный характер языкового законодательства. Так, латвийский Закон о государственном языке предусматривает в 6 разделе, что все, устраивающиеся на работу на государственную и муниципальную службу, суды, государственные и муниципальные коммерческие и общественные организации, в уставном капитале которых преобладает доля государства, должны обладать соответствующим уровнем владения государственным языком⁹⁵.

Так, нанимающиеся в частные коммерческие и общественные организации, а также индивидуальные предприниматели обязаны использовать государственный язык если их деятельность связана с общественными благами, такими как: публичная безопасность, сфера здравоохранения, защита потребителей и трудовые права, а также область общественной нравственности. Работники частных учреждений, организаций, предприятий (предпринимательских обществ), а также самозанятые лица, которые на основании законов или иных нормативных актов выполняют определенные публичные функции, обязаны употреблять государственный язык в таком объеме, который необходим для выполнения соответствующих функций⁹⁶.

Для того, чтобы осуществлять контроль за соблюдением языкового законодательства на рабочих местах, в рамках языковой политики Латвии в первые постсоветские годы был учрежден Центр государственного языка (Valsts valodas centrs). В рамках центра же была создана Государственная языковая инспекция (Valsts valodas inspekcija), в обязанности которой входило встречаться

---

⁹⁵ Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. С. 231.

⁹⁶ Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. С. 230.

с чиновниками, индивидуальными предпринимателями и работниками, требовать прекратить нарушать языковое законодательство, вызывать человека в Инспекцию в случае установленного нарушения законодательства о языке, а также проверять подлинность специальных языковых удостоверений. Норма о проверке языковых удостоверений трактовалась, как право Инспекции без предупреждения проводить языковые экзамены. Так, в первое десятилетие государственной самостоятельности Латвии было проверено около 450 тысяч человек⁹⁷.

В п. 4 ст. сказано также об иностранных организациях, которые обязаны использовать государственный язык в объеме, необходимом для выполнения своих функций. Объем знаний государственного языка, необходимый для упомянутых в ч.ч. первой, второй и третьей настоящей статьи лиц, а также порядок проверки владения государственным языком устанавливает Кабинет министров.

Закон Эстонии содержит очень похожие положения в 5 главе, однако он также включает нормы касательно обязательных экзаменов и сертификации знаний языка. Согласно ст.ст. гл. 5, должностные лица и работники государственных органов и органов местного самоуправления, а также сотрудники юридических лиц и ведомств, члены юридических лиц в публичных правоотношениях, нотариусы, судебные приставы, присяжные, переводчики и сотрудники их бюро должны быть в состоянии понимать и использовать эстонский на уровне, который необходим для выполнения своих служебных или трудовых обязанностей. Если это оправдано в интересах общества, от сотрудников компаний, некоммерческих объединений и фондов, и индивидуальных предпринимателей, а также членов совета некоммерческих объединений с обязательным членством, требуется владеть эстонским на уровне, который необходим для выполнения ими своих трудовых обязанностей. Обязательные уровни владения языком устанавливаются в зависимости от уровня

---

⁹⁷ Богушевич Т.Б. Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии // Этническая политика в странах Балтии. Отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо – Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. С. 236 – 258.

владения языком, определенными Общей европейской структуре ведения. Языки, собранным Совета Европы, описания которых должны быть представлены в Приложении 1 к настоящему Закону⁹⁸.

Вместе с тем, требования к владению эстонским языком не применяется к лицам, которые работают в Эстонии временно в качестве иностранных экспертов или иностранных специалистов. Также, к иностранным преподавателям и исследователям, не должны применяться требования по владению эстонским, если они проработали в Эстонии менее пяти лет.

Эстонский закон более конкретен и предусматривает такие институты, как аттестация и сертификация по государственному языку. Знание эстонского языка оценивается специально организованной комиссией от министерства образования Эстонии. Если возникают сложности и испытуемый не удовлетворен результатом квалификационных экзаменов, он/она имеет право, в течение тридцати дней после того, как сообщается результат экспертизы, подать заявление в Министерство образования и науки для пересмотра результатов его экзаменов. Далее, специальная комиссия рассматривает поданную жалобу в течение тридцати дней и выносит одно из следующих решений: отклонить жалобу или удовлетворить ее и выдать сертификат о знании государственного языка. Закон также, в пар. 26, ст. 3, освобождает от сдачи квалификационных экзаменов лиц, прошедших основное, среднее или высшее образование на государственном языке и далее уточняет, что (ст. 4) образование считается пройденным на эстонском, если хотя бы 60 % учебной нагрузки было на эстонском языке.

Литовский Закон упоминает частные организации не конкретно в 6 статье. В статье сказано, что руководители, сотрудники и офицеры государственных и муниципальных учреждений, учреждений, служб, а также руководители, сотрудников и офицеров полиции, правоохранительные службы, учреждений связи, транспорта, здравоохранения и социального обеспечения и других учреждениях, оказывающих услуги населению должны знать государственный

---

⁹⁸ Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. С. 232.

язык в соответствии с категориями знания языка, учрежденный правительством Литовской Республики.

В итоге, политика одноязычия в области трудоустройства приводит к тому, что тысячи людей вынуждены сдавать экзамены на знание государственного языка. Подобные акции приводят к серьезным проблемам, которые касаются в первую очередь русскоговорящих, которые недостаточно полно, для крупного прибалтийского меньшинства, представлены в государственном управлении и муниципалитетах, особенно в Латвии. Свою деятельность они сосредотачивают, таким образом, преимущественно в частной сфере⁹⁹.

Публичное взаимодействие с органами государственной власти может служить еще одним примером ограничительной языковой политики. Использование языков в процессе коммуникации с органами власти и местного самоуправления имеет специфический характер в государствах, с изоляционистской политикой. Язык – символ государства, такой же как герб и гимн, а поэтому его использование обязательно. Законодательные органы всех трех Балтийских стран обязаны использовать в процессе своей деятельности только государственный язык.

В соответствии со ст. 52 Конституции Эстонии устанавливает, что официальным языком государственных учреждений и местного самоуправления является эстонский. Вместе с тем, статья 52 Конституции Эстонии определяет использование языка в местностях где язык большинства населения другой, нежели эстонский. В местностях, где языком большинства жителей не является эстонский, органы местного самоуправления могут, в той степени, и в порядке, установленных законом, использовать язык большинства постоянных жителей данной местности в качестве языка внутреннего делопроизводства.

Далее, ст. 11 закона Эстонии «О языке» от 2011 года также устанавливает гарантии использования местных языков в местностях, где большинством является миноритарная группа. В местных самоуправлениях, где большинство

---

⁹⁹ Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. С. 236.

постоянных жителей являются носителями эстонского языка, язык национального меньшинства, составляющего большинство постоянных жителей местного самоуправления может быть использован вместе с эстонским языком во внутреннем делопроизводстве органов местного самоуправления по предложению соответствующего совета местного самоуправления и по решению правительства Республики. Таким образом, хотя некоторая свобода и допускается, но окончательное решение ставится в зависимость от Правительства государства. Кроме того, если обратиться к действующему закону «Об организации местного самоуправления», то статьи параграфа 41, закона прямо предусматривают, в разделе 6, что языком обращений, а также рабочим языком местного самоуправления является только эстонский.

Литовский Закон определяет, во втором разделе «Учреждения, предприятия и организации», что законы республики и прочие правовые акты принимаются и продлеваются на государственном языке. Все институты, учреждения, предприятия и организации, функционирующие в республике, обязаны вести всю текущую работу, заполнять документацию, давать отчеты и пр. только на государственном языке.

Так, ст. 7 раздела также определяет, что главы государственных и муниципальных институтов, учреждений и организаций, а также главы отделов транспорта, коммуникаций, общественной безопасности, полиции и прочих учрежденных в государстве служб должны обеспечить контакты с населением на государственном языке:

Кроме того, в соответствии со ст. 21 Закона о государственном языке говорит о том, что требования к знаниям правильного государственного языка должны быть включены в правила оценки квалификации государственных служащих, педагогов, работников средств массовой информации и издательской деятельности и применяется с учетом квалификации и рабочего статуса.

В Латвии все муниципальные органы должны работать на государственном языке независимо от того, как много людей принадлежат к меньшинствам в данной местности. Таким образом, в Латвии установлены наиболее жесткие

требования. Так, ст. 7 Закона устанавливает, что в государственных и муниципальных учреждениях, в судах и относящихся к судебной системе учреждениях, на предприятиях государства или самоуправлений, а также в предпринимательских обществах, в которых большая часть капитала принадлежит государству или самоуправлению, языком заседаний и других рабочих собраний является государственный язык. Если организатор считает необходимым употребление во время собрания иностранного языка, то он обязан обеспечить перевод на государственный язык. Во всех других случаях на заседаниях и других рабочих собраниях при употреблении иностранного языка организатор обеспечивает перевод на государственный язык, если этого требует хотя бы один из участников собрания.

Далее, в соответствии со ст. 8, в государственных и муниципальных учреждениях, в судах и относящихся к судебной системе учреждениях, на предприятиях государства или самоуправлений, а также в предпринимательских обществах, в которых большая часть капитала принадлежит государству или самоуправлению, делопроизводство и документация ведутся на государственном языке. Исключение делается лишь для иностранных государств, переписка и иные контакты с которыми могут вестись на иностранном языке.

Наконец, ст. 10 Закона прямо устанавливает, что каждое учреждение, организация и предприятие (предпринимательское общество) обеспечивает прием и рассмотрение документов, оформленных на государственном языке. В государственных и муниципальных учреждениях, в судах и относящихся к судебной системе учреждениях, а также на предприятиях (в предпринимательских обществах) государства или самоуправлений принимаются от лиц и рассматриваются документы, составленные только на государственном языке. Исключение делается только для крайних случаев: на заявления лиц в учреждения полиции и лечебные учреждения, спасательные службы и иные учреждения в случаях срочного вызова медицинской помощи, совершения преступлений и иных правонарушений, а также, если вызывается неотложная помощь в случае пожара, аварии или в иных несчастных случаях.

Другое исключение делается в случае перевода иностранного текста на государственный язык или в случае контакта с иностранным государством. Составленные на иностранном языке документы принимаются от лиц, если к ним прилагается перевод на государственный язык, заверенный в установленном Кабинетом министров порядке или нотариально. Документы, выданные на территории Латвийской Республики до дня вступления в силу настоящего закона, не нуждаются в переводе на государственный язык. Государственные и муниципальные учреждения, организации и предприятия (предпринимательские общества) вправе принимать и рассматривать полученные из иностранных государств документы без перевода на государственный язык.

Приведенные примеры из разных сфер законодательства позволяют ясно увидеть, что Прибалтийские государства значительно ограничивают сферу функционирования языков в пользу лишь одного, государственного/официального, языка. Нормы общего и специального законодательства носят прежде всего обязывающий и императивный характер. Диспозитивных норм гораздо меньше, но даже они, в итоге, могут быть ограничены властным решением государственного органа.

Языковая политика в частности и весь околязыковой дискурс в прибалтийском регионе носит яркий эмоциональный окрас. Тема государственного языка рассматривается политическим истеблишментом как тема исключительной важности в контексте обретения и упрочения политической независимости. Так, Эстония, которая была одним из первых постсоветских государств, которая стала энергично проводить агрессивную языковую политику одноязычия (с 1989 года), создала благотворную почву для развития языкового конфликта. Молодое государство сразу признало одноязычие нормой, а многоязычие (особенно наделение равными правами русскоязычное население) вредным¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰ Михальченко В. Ю. Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. С. 225.

Во-первых, конституционное признание одного языка официальным/государственным – это уже политическое заявление, особенно в контексте истории и принимая во внимание огромное количество русскоязычного населения, эмигрировавшего в Прибалтику во времена СССР. Советская национальная политика была очень противоречивой. Так, с одной стороны, также, как и в США, СССР проводила политику так называемого «плавильного котла» на основе русского языка. Вместе с тем, принимая во внимание особенности национальных регионов, вплоть до 30-х годов советская национальная политика старалась преодолеть историческое наследие Российской империи и в рамках национальных регионов также поддерживала позитивную дискриминацию. Однако, в предвоенные годы национальная политика была пересмотрена в сторону усиления русификации и строительства единой нации¹⁰¹.

Во-вторых, введение языкового вопроса в политическое поле символически подтверждается, к примеру, в статье 18 Конституции Латвии: лицо, избранное в Сейм приобретает мандат члена Сейма, если такое лицо дает следующее торжественное обещание: «Я, принимая на себя обязанности депутата Сейма, перед народом Латвии клянусь (торжественно обещаю) быть преданным Латвии, укреплять ее суверенитет и латышский язык как единственный государственный язык, защищать Латвию как независимым и демократическим государством, и выполнять свои обязанности честно и добросовестно. Я обязуюсь соблюдать Конституцию и законы Латвии». Кроме этого, статья 4 Конституции ставит государственный язык в один ряд с государственным флагом – главным символом государства.

Вместе с тем, инструменты позитивного воздействия на языковую политику, такие как свободное обучение государственному языку для представителей меньшинств или иностранцев очень ограничены. Показательно,

---

¹⁰¹ Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. Полешук В.В., Степанов В.В. – М.: Наука, 2013. С. 39.

что начиная с 1991 по 2008 гг. число школ с русским языком обучения уменьшилось с 219 до 141, а число учащихся в них со 155 до 65 тысяч¹⁰².

Кроме этого, языковое законодательство, использующее преимущественно императивное регулирование общественных отношений, обязано, помимо надлежащего контроля, осуществлять еще и функции по привлечению к ответственности за различные нарушения, в языковой сфере. Эта необходимость порождает уникальный в своем роде правовой институт ответственности за нарушения норм языкового законодательства.

Эстонский Закон содержит особую 7 главу «Ответственность», посвященную ответственности за правонарушения в сфере языка. Глава состоит из составов административных правонарушений

В соответствии со ст. 33 регулирует ответственность за нарушение требований по использованию эстонского языка в сфере государственного управления, переписки, отчетности, связи с лицами или пересылкой информации, связанных с работой в пользу работников государственных учреждений, с юридическими лицами в публичном праве, органами местного самоуправления, органами компании, некоммерческими объединениями, фондами или индивидуальными предпринимателями, а также на печатях, штампах или бланках. В 34 статье предусмотрена ответственность за отсутствие перевода на государственный язык, при трансляции аудиовизуального контента на иностранном языке для публичного доступа. Нарушение требований по использованию эстонского языка и эстонского литературного стандарта, предусмотрено статьей 35. В статье указывается на нарушение требований по использованию эстонского языка и норм эстонского литературного языка на публичных вывесках и указателях, в наружной рекламе, в том числе наружной рекламы, установленной в общественном месте с целью политической агитации и на веб-страницы, рекламы и пр. Помимо прочего, в число деяний, за которые предусмотрена ответственность, попадают нарушение требований к

---

¹⁰² Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В.В., Никифоров И.В.; Предисл. Жданок Т.А.; Под ред. Демурина М.В., Симиндея В.В. Фонд «Историческая память». – Москва, 2009. С. 254 – 255.

использованию эстонского языка при обслуживании потребителей и нарушение требований языковой компетенции. Кроме того, в каждое из правонарушений предусмотрен квалифицирующий составом. Санкции статей абсолютно-определенные, а наказание по ним предусмотрено в форме штрафа.

Латвия, регламентирует ответственность в статьях Кодекса об административных правонарушениях¹⁰³. Четырнадцатый раздел «с» называется «Административные нарушения в сфере использования государственного языка» и предусматривает административную ответственность по 11 составам правонарушений, среди которых встречаются статьи, аналогичные эстонским, такие как ст. 20127 «Необеспечение перевода на заседаниях и других рабочих собраниях» или ст. 20132 «Необеспечение перевода на государственный язык передач радио, телевиденья и фильмов». Некоторые статьи подчеркивают позицию государства и его отношение к официальному языку – как к символу. Так, ст. 20136 «Неуважение к государственному языку» предусматривает ответственность за высказывание вопиющего неуважения к государственному языку. Все статьи по форме санкций также абсолютно-определенные, а наказание также выражается в форме штрафа.

Говоря о статусе негосударственных языков, нужно отметить, что несмотря на признание права на использование миноритарных языков *de jure*, фактически они обречены функционировать лишь в определенных обозначенных сферах: в деятельности этнических и, возможно также, религиозных сообществ, в процессе межличностной коммуникации и внутрисемейном общении, являясь, по сути, частным делом каждого человека. Вместе с тем, правовой статус миноритарных языков в Прибалтийских государствах имеет некоторые любопытные особенности, что можно продемонстрировать на конкретных примерах.

Речь идет в первую очередь о конституционном статусе миноритарных языков в Латвии и Эстонии. Так, согласно Конституции Латвии, ст. 114, каждый, кто принадлежит к этническому меньшинству имеет право сохранять и развивать свой язык и свою этническую и культурную идентичность. Вместе с тем, ст. 5

---

¹⁰³ URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=89648>

Закона прямо устанавливает, что любой другой употребляемый в Латвийской Республике язык, за исключением ливского, в толковании настоящего закона считается иностранным языком. Государство обеспечивает сохранение, защиту и развитие языка ливов как языка коренного (автохтонного) населения в соответствии со ст. 4 Закона. Таким образом, ливский – единственный миноритарный язык, который получает официальный статус в Законе, наряду с латышским.

Похожая ситуация в Эстонии. Закон о языке Эстонии, в п.п. 1, 2 и 3 ст. 5, называя эстонский, в качестве государственного, касается также понятия миноритарных языков, придавая им статус иностранных. Любой язык, кроме эстонского и эстонского языка жестов является иностранным языком. Язык национального меньшинства является иностранным языком, который граждане Эстонии, которые принадлежат к национальному меньшинству, исторически использовали в качестве родного языка в Эстонии. Меры по поддержке иностранных языков не должны повредить эстонскому языку.

В принципе, любое функционирование миноритарных языков (кроме ливского и диалектов эстонского) ограничено в силу их статуса иностранных. Кроме того, знание государственного языка является обязательным для государственного сектора, а это значит, что представители меньшинств обязаны, если они хотят получить доступ к государственной службе, показать свою лояльность, выучив государственный язык. Ситуация осложняется еще и обязанностью пройти тестирование государственного органа по контролю в сфере использования языка.

Данный подход свойственен как федеративным государствам, в которых прочие официальные языки функционируют на уровне субъектов федераций с предоставлением им возможности обслуживать законодательные органы, суды и администрацию субъектов, как это можно видеть на примере Российской Федерации, так и унитарным, где возможность функционирования местных языков предусмотрена и является правом автономных областей, как это происходит в Испании.

Устанавливая гарантии для региональных языков, тем не менее, также существует и общегосударственный язык. Как правило, это язык титульной нации, объединившей некогда территорию государства и продолжающей удерживать политическую власть в нем. Разрешая региональные языки, в государствах существует обязательное требование на знание государственного языка.

В качестве примера можно обратиться к имперскому периоду развития России, когда специального языкового законодательства о статусе русского языка не существовало. Именно это, по мнению исследователей, привело к особо острым обсуждениям именно языкового вопроса в общественно-политическом дискурсе периода Первой мировой войны¹⁰⁴. Особенно языковой вопрос волновал большевиков и В. И. Ленин в своей программной работе «Нужен ли обязательный государственный язык?» отразил два основных подхода по данному вопросу. Так, «либералы» и «реакционеры» считали, по его мнению, что обязательный государственный язык необходим, тогда как «марксисты» полагали, что: «...обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием... русский язык не должен объявляться государственным, да он в этом и не нуждается»¹⁰⁵.

Как отмечал В.М. Алпатов, только при СССР естественное для народа стремление к идентичности через язык впервые получило свое воплощение в достаточно последовательной языковой политике. Более того, взгляды советских реформаторов были настолько прогрессивны, что СССР стал первым в мире государством, обеспечивающим права языковых меньшинств на использование своих языков в частной и публичной сферах¹⁰⁶. Только в конце 1991 г. был принят

---

¹⁰⁴ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. – Санкт – Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». – 2004. С. 179.

¹⁰⁵ Ленин В.И. Нужен ли обязательный государственный язык? Из цикла «Статьи по национальному вопросу» // Пролетарская Правда. – 1914. – № 14 (32), 18 января 1914 г.

¹⁰⁶ Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. С. 11 – 24.

первый подобный закон – Закон РСФСР «О языках народов РСФСР», в котором русский язык впервые стал государственным языком РСФСР¹⁰⁷.

В соответствии с п. 1 ст. 3 Конституции РФ, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ¹⁰⁸. Таким образом, в Конституции не указывается на доминирование русского этноса прямо. Однако, п.1 ст. 68 устанавливает, что государственным языком, т.е. языком федерального значения. Является только русский язык, что косвенно доказывает приоритет в этой самой главной сфере, сфере коммуникации, русского этноса. Кроме того, Конституция РФ в ст. 26 устанавливает право каждого пользоваться своим родным языком. Каждый, согласно статье, вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Каждый, также, имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Далее, в ст. 2, ФЗ «О языках народов РФ» – специального нормативного акта, регулирующего правовой статус языков меньшинств - говорится о государственных гарантиях равноправия языков народов РФ¹⁰⁹. В соответствии со смыслом статьи, равноправие языков народов Российской Федерации – это совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. Российская Федерация, также, гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной

---

¹⁰⁷ Алпатов В.М. 150 языков и политика 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт, 2000. С. 146 – 147.

¹⁰⁸ URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html>

¹⁰⁹ URL: <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html>

принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Равноправие языков народов Российской Федерации охраняется законом. Никто не вправе устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Нормы, устанавливаемые настоящим Законом, распространяются на граждан Российской Федерации, а также на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

Признавая свободу регионов, в юридическом смысле, государственный и региональный языки равны только в границах субъектов. Так, Конституция Республики Татарстан, в ст. 8 устанавливает татарский и русский государственными языками на принципах равноправия. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях Республики Татарстан государственные языки Республики Татарстан употребляются на равных основаниях. Федеральный же уровень является монополией русского языка¹¹⁰.

Норма ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в п. 1 ст. 1, определяет, что государственным языком РФ на всей ее территории является только русский язык. Далее, в п. 2 устанавливается, что особый правовой статус русского языка как государственного языка РФ предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим ФЗ, а уже в ст. 3 определяет сферы обязательного использования: в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и т.д.

Нужно отметить, что сфера обязательного функционирования русского языка предельно расширена. Статус региональных языков и сфера их применения определены в первую очередь, в статьях ФЗ «О языках народов РФ», где, в соответствии со п. 2 ст. 3, предусматривается, что республики, в составе РФ могут

---

¹¹⁰ URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/

устанавливать свои государственные языки. При этом, уже в первом пункте подчеркивается, что на всей территории Федерации государственным языком является только русский.

Далее, принимая во внимание аналогичное положение ст. 1 ФЗ «О государственном языке РФ», следует обратиться к региональному законодательству, к примеру Республики Татарстан¹¹¹. Так, согласно ЗРТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан», а именно, в п. 2, ст. 1 предусматривается, что русский язык обладает статусом государственного и регулируется в первую очередь ФЗ «О государственном языке», в котором, как уже отмечалось ранее, статус русского, как государственного ясно прописан, а также прописаны самые широкие рамки его функционирования. В соответствии со ст. 2 ЗРТ определяет сферы функционирования татарского, а именно: получение образования на татарском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях; получение информации на татарском языке в государственных органах Республики Татарстан, учреждениях Республики Татарстан, органах местного самоуправления в Республике Татарстан; получение информации на татарском языке через республиканские и муниципальные средства массовой информации, в том числе сетевые издания, учрежденные для распространения информации на татарском языке как государственном языке.

Как отмечает Сулейманов Р.Р., при достаточно большой свободе на употребление в официальной сфере татарского языка, имеет место языковой конфликт, который подтверждает тезис о негативном проявлении диглоссии, не смотря на попытку уйти от ассимиляции. Так, обязательное преподавание татарского в школах для всех учащихся за счет сокращения часов, отводимых на русский язык, приводит к обострению межэтнического конфликта между татарами и русскими на почве языка¹¹².

---

¹¹¹ URL: <https://rg.ru/2013/02/19/tatarstan-zakon1-reg-dok.html>

¹¹² Сулейманов Р.Р. Этнолингвистический конфликт в современном Татарстане: борьба за русский язык в школах национальной республики // Языковая политика и языковых конфликты в современном мире: международная конференция. Москва, 16 – 19 сентября 2014 г. – М., 2014. С. 228 – 229.

С принятием Конституции 1931 г. и утверждением проекта Конституции 1873 г., которые формировавших «estado integral» (составное государство) с большой степенью автономии для Каталонии и Страны Басков Испания взяла курс на консолидацию языковых прав и создало современную систему особого испанского языкового регионализма¹¹³. Отличительной особенностью испанского регионализма является членение не на этнические, но скорее на исторические регионы, которые в том числе отличаются культурой и языком. Особенно остро языковой вопрос стоит в Стране Басков, которые 1950-х годов трактовали свою идентичность исключительно в терминах этничности и происхождения. Сегодня ситуация несколько изменилась, и баскская идентичность приобретает за лояльность общему языку и культуре. Более того, несмотря на то, что основных национальных меньшинств в государстве всего три, число регионов равно семнадцати и их границы четко соответствуют исторически сложившимся ранее¹¹⁴.

В ст. 2 Конституции Испании: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними». Кроме того, ст. 3 определяет, что из всех языков Испании только кастильский является официальным, а прочие языки признаются такими только в автономных регионах. При этом официально признано, что богатое языковое и диалектное разнообразие Испании является частью ее культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой.

Г. Погесччи отмечает важную особенность испанской национальной политики, основанной на примирении кажется противоположных принципов, исходя из ст. 2 Конституции: принципа сосуществования разных национальностей и принципа единой испанской нации¹¹⁵.

---

¹¹³ Poggeschi G. Linguistic Rights in Spain // *Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages.* – Hague, 2001. P. 86.

¹¹⁴ Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) *Национализм в мировой истории.* – М.: Наука, 2007. С. 234.

¹¹⁵ Poggeschi G. Linguistic Rights in Spain // *Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages.* – Hague, 2001. P. 90.

Попытки регулировать многоязычие в Испании вызвали активные законотворческие процессы на региональном уровне. Краеугольным камнем всей структуры языкового законодательства является Конституция государства, устанавливающая в ст. 3, что кастильский является официальным языком государства, а также, что другие испанские языки также считаются официальными в рамках местных, самоуправляющихся сообществ, в соответствии с их уставами. Эта правовая конструкция была разработана на основе идеи, что языковое разнообразие Испании является, в соответствии с п. 3 данной статьи, проявлением культурного богатства страны, которое требует особого уважения и защиты.

Таким образом, установленное в конституции правило породило соответствующие нормативные акты на региональном уровне, соответственно в Стране Басков (10/1982 Закон), Галисии (3/1983 Закон), Валенсии (1/1983 Закон), Каталонии (1/1998 Закон), Наварре (18/1998 Закон), Астурии (1/1998 Закон) и Арагоне (3/2013 Закон). Региональные языки работают в таких сферах, как школьное образование, доступ к государственным услугам и местной администрации, судам, органам здравоохранения и пр.¹¹⁶

Как уже отмечалось, для утилитаризма характерна ориентация на максимизацию того, что можно назвать благом или счастьем, которое чаще всего понимается, как некоторое общественное благо. Поэтому, не составляет труда понять, что в приведенных нормативных источниках подчеркиваются те общественные блага, которые предполагают достичь и которые следует укреплять. Так, в случае языковой политики унификации прибалтийских государств особенно подчеркивается в ряде первостепенных правовых актов особый статус национального/государственного языка для формирования единой идентичности. Данный подход характеризует политику возвращения культурного суверенитета в границы национального государства. Такое положение, как уже упоминалось, достаточно сильно влияет на престижность того или иного языка, в

---

¹¹⁶ Poggeschi G. Linguistic Rights in Spain // *Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages.* – Hague, 2001. P. 87.

зависимости от его правового статуса. Кроме того, не вызывает сомнений и то, что языковая унификация прибалтийских государств объясняется и политическим удобством т.к. регионы проживания языковых меньшинств, как правило, в этих странах малы, а их политические амбиции не велики. Одновременно с этим, в случае Прибалтики, языковая унификация носит характер своеобразной восстановительной справедливости, в связи с тем, что государства этого региона долго находились в политической зависимости. Введение в правовое поле составов административных правонарушений за несоблюдение норм языкового законодательства также указывает на стремление власти, пусть и репрессивными мерами, сохранить важнейший маркер идентичности – национальный язык.

В ситуации проведения политики мультилингвизма, которая была продемонстрирована на примерах России и Испании, мотив единой идентичности очевидно уступает необходимости идти на уступки многокультурному обществу. Правовое положение миноритарных языков в государствах, так или иначе придерживающихся мультилингвизма и укрепление позиций локальных языковых групп создает условия межгруппового консенсуса и значительно смягчает сепаратистские тенденции. Кроме того, признание миноритарных языков обеспечивает возможность для социальной мобильности, особенно на локальном уровне и не маргинализирует местные сообщества. Степень ограничения локальных сообществ может быть различной. Так, в России достаточно сильны позиции русского языка по сравнению с остальными языками и в этом смысле, политика России очень похожа на политику Испании, которая также не признает официально на общегосударственном уровне язык, равный по юридическому кастильскому испанскому.

Говоря об относительно стабильных случаях традиционных языковых политик можно назвать Швейцарию, которая предлагает интересный и перспективный подход к построению многоязычного общества. Как отмечал экономист и исследователь в области языковой политики Ф. Грин: «...ясно, что корни швейцарского способа регулирования языковым и культурным

разнообразие весьма отличаются от традиций других многоязычных стран, даже в западном мире»¹¹⁷.

Вообще, опираясь на Конституцию государства, а также на специальный федеральный закон «Legge federale sulle lingue nazionali e la comprensione tra le comunita linguistiche» («Федеральный закон о национальных языках и понимании между языковыми сообществами») 2007 года можно в общем охарактеризовать подход Швейцарии в отношении языкового многообразия как крайне необычный и достаточно интересный в практическом отношении¹¹⁸.

Как современное государство Швейцария образовалась к концу наполеоновских войн, а ее нынешние границы были признаны на Венском конгрессе 1815 года. Образованное государство было очень необычным по меркам современных ему государств модерна. Во-первых, по форме правления Швейцария была республикой, окруженной монархиями. Во-вторых, Швейцария была с самого начала многоязычным государством, в то время, как уже отмечалось в первой главе, этап формирования национальных государств предполагал однозначное соответствие границ государства и его культурного суверенитета.

Таким образом, Швейцария должна была как-бы «узаконить» свое существование и свои особенности, в следствии чего изначально дестабилизирующее государства модерна многоязычие превратили в преимущество. Именно многоязычие, которое воспринимается как внутренняя нестабильность и угроза культурному суверенитету, в Швейцарии стало выражаться через концепцию Willensnation – «воли нации»¹¹⁹. Именно многоязычие стало базой национального самосознания и выражением единства народа. Сделав три языка официальными и обеспечив поддержку ретороманскому Швейцария, опираясь на миф о изначальном национальном единстве Швейцария сумела добиться устойчивого и гармоничного положения. Ф. Грин отмечает, что в

---

¹¹⁷ URL: https://www.files.ethz.ch/isn/34164/brief_2.pdf

¹¹⁸ URL: <https://www.admin.ch/opc/it/classified-compilation/20062545/index.html>

¹¹⁹ Grin F. Swiss multilingualism and its relevance for Canada, Policy Options // Options politiques. – 1997. – № 18. P. 21.

последующем философия упорного труда, религиозность и бережливость существенно укрепили «национальный миф» швейцарцев. Завершающим этапом создание единой многоязычной швейцарской идентичности было принятие подавляющим большинством граждан в 1996 году изменений в ст. 116 Конституции что позволило федеральному правительству увеличить поддержку ретороманского и итальянского языков и культур, а также эффективно участвовать в мероприятиях по улучшению контактов между основными языковыми группами. Позднее, в Конституции 1999 года было установлено, что официальными языками государства являются немецкий, французский и итальянский, а в отношениях с лицами ретороманского языка официальным языком Союза является также ретороманский¹²⁰.

Можно выделить несколько особенностей швейцарского многоязычия. Так, во-первых, нужно отметить, что население Швейцарии никогда не было частью других государств (за исключением некоторых периодов частичного завоевания) и не является их потомками. Далее, во-вторых, административные границы кантонов не соответствуют языковым границам, что очевидно помогает избежать сепаратизма. Наконец, в-третьих, языковые границы в основном не соответствуют религиозным границам, что также отличает Швейцарию от прочих стран.

В качестве трех взаимосвязанных институциональных принципов, которые представляют собой столбы управления языковым разнообразием в Швейцарии Ф. Грин выделяет: территориальность, свобода языка и принцип субсидиарности¹²¹.

Принцип территориальности определяется в соответствии с ч. 2 ст. 70 Конституции, в соответствии с которой кантоны определяют свои официальные языки самостоятельно, а, чтобы сохранить взаимопонимание между языковыми сообществами, они уважают традиционный языковой состав территорий и принимают во внимание коренные языковые меньшинства. Другими словами, данный принцип заключается в том, что, например, франкоговорящее население

---

¹²⁰ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland_2002

¹²¹ Grin F. Language policy developments in Switzerland: needs, opportunities and priorities for the next few years // Revue suisse de science politique. – 1998. P. 111.

не может получать образование на своем языке в немецких кантонах. Тем не менее, кантоны также способны принимать более мягкое законодательство. В ч. 1 ст. 70 определено, что официальными языками государства являются немецкий, французский и итальянский. В отношениях с лицами ретороманского языка официальным языком Союза является также ретороманский. В соответствии со ст. 4 Конституция Швейцарии устанавливает, что национальными языками являются немецкий, итальянский, французский и ретороманский. Таким образом, понятие «национальные языки» шире понятия «официальные языки», поскольку признает языком общения еще и ретороманский. При этом кантональные власти сами устанавливают свои официальные языки в соответствии с принципом исторически сложившихся областей их употребления.

Таким образом, можно сказать, что благодаря территориальному принципу разделения языковых регионов, Швейцарской Конфедерации удалось защитить свои языковые общины и избежать языковых конфликтов: мирное сосуществование между несколькими языковыми группами в одном государстве, безусловно, является успехом для многоязычной страны. Возникает модель, минимально провоцирующая негативные последствия диглоссии, т.к. все языки юридически равны, установлены процедуры финансирования и т.д., но при этом, приоритет фактически отдается одному-двум языкам – в данном случае немецкому и французскому. С другой стороны, политика Швейцарии в отношении ретороманского языка также заслуживает внимания. Такой, полу-официальный статус также, предоставляет достаточный престиж языку, но, при этом, не перегружает делопроизводство переводами без на него необходимости. Главное – достаточно четко установлена процедура обращения на нем, а также правила господдержки.

Особенностью Швейцарии является то, что, фактически, только ретороманский язык, среди прочих миноритарных языков, получает усиленную государственную поддержку (также предусмотрены специальные процедуры для обращения на нем и т.д.). Раздел 5 ФЗ «*Legge federale sulle lingue nazionali e la comprensione tra le comunità linguistiche*» – основного федерального закона,

регулирующего языковое положение в государстве, устанавливает, что: «Защита и поощрение ретороманского и итальянского языка и культуры» в ст. 22 специально предусматривает в качестве целей сохранение и поддержку (в том числе и финансовую) ретороманскому и итальянскому языкам. Относительно прочих языков не говорится ничего. В соответствии со ст. 70 Конституция наделяет ретороманский официальный статусом только в момент контакта с носителями языка. Другой важной особенностью Швейцарии является то, что на территории государства не существует резких языковых различий между историческими языками, как это имеет место, например, в России. Практически все миноритарные языки – это диалектные формы того или иного крупного языка, употребляемого официально. Следовательно, в условиях такого многоязычия, граждане терпимо относятся к доминированию официальных, нормированных языков, продолжая в быту употреблять ненормированные диалектные варианты.

Принцип свободы языка признается важнейшим и входит в состав основных прав в том смысле, необходимых для осуществления других основных прав, таких как свобода выражения и пр. и гарантируется Конституцией в ст. 18. Данный принцип разрешает гражданам использовать любой язык по своему выбору в частной сфере, в том числе в сфере бизнеса и коммерции.

В свою очередь, право граждан на пользование любым из языков страны гарантируется возможностью обращения к представителям государственной власти на каждом из официальных языков и обязанностью государственных служащих исполнять свои функции также на любом из этих языков. Так, ст. 3 ФЗ определяет в п. 1, что при выполнении своих задач, Конфедерация особое внимание на следующих принципах: обеспечивает равное отношение к четырем национальным языкам. Кроме того, ст. 2 закона называет основные цели закона: укрепить четырехязычие в качестве важнейшего элемента Швейцарии; укрепить внутреннюю сплоченность страны; развить многоязычие и индивидуальное многоязычия на национальных языках; защищать и содействовать развитию ретороманского и итальянского в качестве национальных языков.

В соответствии со ст. 6 ФЗ устанавливается, что все, кто собирается обратиться к федеральной власти, могут сделать это на одном из официальных языков по своему выбору. Федеральные власти, при этом, обязаны отвечать на том же языке, на каком была подана просьба, а если обратившийся является носителем ретороманского, то также обязаны ответить на нем. Предусмотрена также процедура ответа лицам, не обладающим компетенцией ни в одном из официальных языков. В таком случае, по мере возможности, к ним обращаются на понятном для них языке, однако четкой процедуры нет.

Таким образом, анализ статей ФЗ дает право утверждать, что на уровне федерального законодательства признается два типа языков, один из которых по объему шире другого. Так, все четыре языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский) в ст. 4 Конституции и ст. 3 ФЗ признаются «национальными языками», к которым должно сохраняться равное отношение. Вместе с тем, в число официальных языков, согласно ст. 5 ФЗ входят только три: немецкий, итальянский и французский. Нет оснований считать ретороманский официальным, ввиду особых оговорок, относительно его употребления в ст.ст. 5 и 11 ФЗ.

Наконец, в условиях, когда федеральные власти обязаны поддерживать все национальные языки страны, проблематичной становится эффективность поддержки того языка, которым население больше не хочет пользоваться. Главным образом это касается ретороманского языка, носители которого все активнее стали осваивать другие языки, прежде всего немецкий. И все же государство продолжает оказывать ретороманскому языку исключительную поддержку. Кроме того, на примере Швейцарии, незавидна участь миноритарных языков, не имеющих официального статуса. Это одна из сложных проблем языковой политики: каким сообществам и языкам оказывать содействие? Хорошо, если число местных миноритарных языков, как в Швейцарии невелико, а сообщества относительно устойчивы и связаны общей мирной историей сосуществования. Хуже, когда в результате внутренней и внешней миграции в государстве образуются сообщества неукорененные и, по прошествии времени,

начинающие заявлять свои права на идентичность. И это только одна грань проблемы, но, сам принцип децентрализации языковой политики и предоставление всех полномочий местным и кантональным властям, безусловно, выделяют Швейцарию из ряда прочих государств.

Принцип субсидиарности, как отмечает Клоков В.Т., представляет собой правомочие кантонов делегировать некоторые сферы компетенции Конфедерации до тех пор, пока они не будут явно отнесены к юрисдикции федерального правительства Конституцией. Этот принцип особенно наглядно представлен в сферах образования и регламентации использования языков. Автор выделяет два интереснейших результата применения принципа субсидиарности: практически полное отсутствие централизованного языкового планирования на федеральном уровне (за пределами общего правоустановления в части определения статуса языков и принципов их поддержки), в отличие от языковой политики Канады, которая вынуждена централизованно вмешиваться в языковое планирование провинций и относительно легкое администрирование на одном языке при том, что фактически языков больше. Таким образом, в двуязычных кантонах кантональные власти обычно используют один из языков, а на локальном уровне (включая предоставления образовательных услуг) – в соответствии со сложившимися языковыми границами. Более того, в кантоне Граубюнден выбор официального языка входит в полномочия местных администраций, что фактически «спускает» языковую политику на уровень непосредственного самоуправления¹²².

В дополнение к принципу субсидиарности, Швейцария применяет особую систему под названием «федерализм исполнения»¹²³. Согласно этой системе, кантоны отвечают за выполнение некоторых обязанностей, отнесенных к юрисдикции федерального правительства. Это относится к тем обязанностям, которые требуют непосредственного контакта с местным населением на

---

¹²² Клоков В.Т. Развитие и применение языкового права в Швейцарии // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Т. 9. – Вып. 1. С. 30-35.

¹²³ URL: https://www.files.ethz.ch/isn/34164/brief_2.pdf

определенном языке. Например, сбор федеральных налогов находится в ведении кантональных властей, с тем же режимом языка, что и население кантона.

В целом, сама оценка основных принципов швейцарской языковой политики может быть предметом длительных дискуссий, однако можно уверенно утверждать, что в рамках сформированных языковых коллективов достигается относительная стабильность и эффективность, несмотря на то, что языковое законодательство государства постоянно претерпевает определенные изменения. При этом, следует учитывать, что пример Швейцарии – это пример языковой политики, которая очень успешно поддерживает историческое многоязычие, однако очень сложно представить исходя из приведенного анализа, как эта модель будет «работать» в случае, если количество иноязычного населения увеличится настолько, что будет требовать определенного политического признания. Успешно конституируя четырехязычие в рамках национального мифа Швейцария не может считаться современной многоязычной и многокультурной страной по той причине, что она негибка в отношении новых культур и новых языковых коллективов, сохраняя сатаус-кво текущей языковой ситуации.

Таким образом, утилитарный подход к языковой политике можно представить в двух различных вариантах: одноязычная языковая политика и языковая политика многоязычия. При том, что цели различны, методика достижения этих целей и принципы, на которых основывается оба варианта одинаковы. Отмечая основные достоинства утилитаризма в языковой политике можно сказать, что она достаточно эффективно через централизованное, упорядоченное законодательство регулирует и изменяет языковую ситуацию. Кроме того, она косвенно изменяет весь культурный ландшафт государства в целом. При этом, если соотнести ее с либеральным пониманием свободы очевидно, что она существенно ограничивает индивидуальную свободу. В случае одноязычного утилитаризма дискриминируются все языковые меньшинства, как автохтонные, так и пришлые. При этом государство обычно либо распространяет на них свой культурный суверенитет, запрещая в официальном дискурсе выражаться свою инаковость на другом языке либо просто не инкорпорирует их в

общество, расселяя за черты оседлости и т.д. С другой стороны, многоязычный утилитаризм форсирует ситуацию с меньшинствами проводя политику позитивной дискриминации, что ущемляет свободу уже большинства. Кроме того, большие преференции локальным сообществам, в том числе по использованию своего языка благотворно сказываются на формировании локальных территориальных элит, законодательство которых может также существенно ограничивать свободы прочих граждан на своей территории.

Эти и многие другие трудности реализации утилитарной языковой политики, на наш взгляд, являются результатом внутренних теоретических противоречий утилитарной этики, которые необходимо исследовать отдельно.

Глава 2 Социально-этическая критика утилитарной модели языковой политики и предпосылки создания альтернативной модели языковой политики нейтральности

2.1. Критический анализ утилитарной модели языковой политики

Как отмечалось ранее, согласно точке зрения И. Берлина, можно выделить две принципиально отличные друг от друга концепции свободы: позитивная и негативная. О позитивной свободе и ее связи с утилитарной этикой было сказано достаточно для того, чтобы перейти к ее критике.

Негативное понимание свободы находится в основе других теорий либерализма, восходящих к Дж. Локку, Т. Гоббсу, и пр. Так, Т. Гоббс писал: «Свободный человек тот, кому ничто не препятствует делать желаемое»¹²⁴. Кроме классиков либеральной философии, зачатки представлений об идее негативной свободы можно найти и у античных мыслителей.

Для того, чтобы критически исследовать применимость в рамках языковой политики того или иного вида свободы необходимо разобрать аргумент еще одного сторонника идеи позитивной свободы – Ч. Тэйлора. Исследователь пишет о том, что индивид в процессе осуществления своей свободы всегда сталкивается не только с внешними, но и внутренними препятствиями в процессе своей свободной деятельности. Кроме того, насколько вообще возможно говорить о независимом и вполне рациональном принятии решений, когда с самого рождения человек включен в целую систему общественных институтов, которые определяют его выборы, можно сказать, заранее. Философ говорит о том, что гобсианская модель свободы, когда свободным является лишь тот, кому «...ничто не препятствует делать желаемое» является грубым упрощением реальной проблемы индивидуальной свободы. Ч. Тэйлор пишет: «Свобода не может быть отсутствием внешних препятствий, ибо есть и внутренние. И внутренние

---

¹²⁴ Гоббс Т. Сочинения в 2 – х томах.; М.: «Мысль», 1989 – 1991. – Т.2. С. 163.

препятствия не исчерпываются теми, какие видит сам индивид, так что он не может быть последним судьей в этом вопросе. Он может глубоко ошибаться относительно своих целей и того, от чего он желает отказаться. Если это так, то он менее свободен в сколько-нибудь осмысленном понимании этого слова. Поэтому мы не можем настаивать на непогрешимости суждений субъекта о его собственной свободе и не можем исключать более зрелые суждения других...»¹²⁵.

Каким же образом можно опровергнуть эту идею сторонников позитивной свободы? Конечно, необходимо признать, что люди не всегда способны осознать подлинную ценность и масштаб своих желаний, ведь иногда побудительные мотивы иррациональны, а чего-то они могут просто не учитывать. Более того, нет никаких оснований отказывать окружающим в способности более здраво судить о собственных желаниях, на чем, собственно, строятся важнейшие общественные институты, например, воспитания и образования. Они помогают распределить приоритетность целей, на которых основывается индивидуальный выбор, о чем также говорит Ч. Тэйлор. Однако, утверждение «позитивистов», на наш взгляд, слишком очевидно противоречит повседневной интуиции, что можно продемонстрировать. В связи с этим, можно упомянуть об интересном историческом примере из жизни Д. Юма, который приводит М. Сэндел. Однажды, Д. Юм вынужден был уехать из города. Он сдал свой дом знакомому, который в его отсутствие произвел в нем ремонт. Когда же Д. Юм возвратился, то ему предъявили счет за ремонт дома. Дело дошло до суда, где философ с негодованием отмечал абсурдность ситуации, когда, даже руководствуясь, как кажется, благими целями, на стороннего человека может лечь дополнительная ответственность, что, по его мнению, является несправедливым положением дел. Дело в том, что в данной ситуации ответственность у одного порождается волей другого человека, что, согласно нашей интуиции, несправедливо в большинстве случаев. Более того, такое очевидное вторжение в частную жизнь может быть подвергнуто осуждению и наказанию. Кроме того, нельзя однозначно утверждать,

---

¹²⁵ Taylor C. What's Wrong with Negative Liberty, 1985. Law and Morality. 3rd ed. Ed. David Dyzenhaus, Sophia Reibetanz Moreau and Arthur Ripstein. – Toronto: U of Toronto P, 2008. P. 359 – 368.

что институты семьи и образования оказывают исключительно положительное влияние, ведь хорошо известны случаи, когда в рамках традиционного воспитания и образования нарушаются самые базовые права человека, а также наносится серьезный душевный и физический вред. Поэтому, именно такое понимание свободы, как невмешательства в частную жизнь, закреплено в правовых источниках большинства государств, в ряде правовых институтов, к которым в первую очередь относятся институты собственности, наследования, сделки и пр.¹²⁶

Таким образом, не нужно допускать расширительного толкования негативной свободы, распространяя его на психологические аспекты жизни людей. В таком случае есть риск прийти к всеобъемлющей этической теории свободы, многие положения, которые совершенно справедливо критикуют сторонники позитивной свободы. Это значит, что понимание негативной свободы должно оставаться в рамках социальной философии.

Также, нужно подчеркнуть, что реализация либерального общественно-политического курса предполагает не только теоретические поиски, но и практические мероприятия. Это значит, что даже если вероятность утверждения такого общесоциального блага, которое может привести к тоталитаризму, минимальна, все-таки необходимо предпочесть вообще отсутствие единой этической платформы и отдать предпочтение этическому релятивизму, что также становится особенно актуально в эпоху глобальной миграции населения, когда представители различных культур начинают сосуществовать на одной территории. Этот тезис предполагает и свое следствие: отсутствие единой общественной концепции блага возлагает особые надежды на общественное согласие и договорную модель социальной кооперации. И, несмотря на то, что стабильности гораздо легче добиться в рамках этически гомогенного общества, все же, как показывает опыт государств недалекого прошлого (в первую очередь СССР), неразвитая социальная практика договариваться о наиболее значимых

---

¹²⁶ Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / Майкл Сэндел; пер. с англ. Калинина А. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 174 – 175.

общественных отношениях может обернуться большими проблемами, с которыми в том числе сталкивается и современная Россия, в попытках решить проблемы гражданской интеграции и солидарности.

Еще дальше в размышлениях о природе свободы пошел Ч. Кукатас. В своей работе «Two Constructions of Libertarianism». Его точка зрения на свободу особенно интересна, потому как он прямо соотносит ее с понятием культурного разнообразия. С самого начала надо сказать, что философ понимает свободу в узком негативном смысле, о чем говорилось выше: «Либертарианцы полагают, что индивиды имеют право жить так, как они хотят, свободные от вмешательства других индивидов или государств»¹²⁷. Кроме того, свою аргументацию Ч. Кукатас основывает на тезисе Дж. Локка о «самособственности» индивидов, который писал: «Хотя Земля и все низшие существа являются общими для всех людей, все же каждый человек обладает правом собственности на самого себя: никто не имеет права на человека, кроме самого человека. Мы можем сказать, что работа его тела и работа его рук – это его собственность. Что бы тогда он ни создал из того материала, который предоставила природа, и оставил его, то он смешал свой труд и соединил с ним что-то свое, и тем самым сделал это новое своей собственностью»¹²⁸.

Исходя из понимания свободы, как свободы-от и концепции прав собственности, обращенной на самих себя, Ч. Кукатас предлагает представить две гипотетические модели общества. Обе модели признают два ключевых принципа: принцип недопущения агрессивного насилия и принцип права собственности индивидов на самих себя и приобретенных с помощью труда вещей.

Однако, существенным различием между ними является как раз понимание свободы в связи с многообразием этических установок. Одна модель, которую философ называет «Союз свободы», постулирует, что свобода не является предметом выбора, а значит никому не разрешено жить в условиях несвободы, если он сам четко не заявил о частичном отказе от нее. Таким образом,

---

¹²⁷ Kukathas C. Two Constructions of Libertarianism // *Libertarian Papers*. – 2009. – Vol. 1. P. 1 – 13.

¹²⁸ URL: <http://www.yorku.ca/comninel/courses/3025pdf/Locke.pdf>

запрещенными оказываются любые ассоциации, которые не основываются на согласии их членов «подчиняться определенному руководству». Это означает, что некоторые виды общественных коопераций в Союзе свободы места нет. На практике это может обернуться тем, что, например, определенные религиозные или этнические объединения, не предоставляющие в своих границах свободы выбора для своих членов добровольно выйти из них, оказываются вне закона, т.к. они явно нарушают принцип свободы. Продолжая мысль Ч. Кукатаса, можно сказать, что сегодня многие государства отказываются признавать и добровольный отказ индивидов от свободы, примером чему является запрет на рабский труд или занятие проституцией в ряде государств.

Исходя из того, что свобода является высшей ценностью, предполагается консенсус относительно ее сущности и меры, а также наличие определенной политической структуры, основной задачей которой являлось бы проверка тех или иных действий членов Союза на соответствие принципу свободы. Таким образом, нетрудно заметить, что в Союзе свободы «исповедуется» понимание свободы в позитивном смысле, как предустановленное условие реализации индивидуальной свободы индивидов.

Другая модель, – «Федерация свободы» – напротив утверждает, что свободным или несвободным человек может оказаться и вопреки своей воли, однако применять какие-либо ответные действия, стараясь вернуть ему свободу, запрещено, если этими действиями не наносится прямой ущерб остальным членам общества. Ситуация кажется более-менее приемлемой, когда речь идет о либеральном большинстве и консервативном традиционном меньшинстве, однако можно себе предположить и такую ситуацию, когда большинство в Федерации свободы будут составлять социальные объединения или страты, отрицающие принцип свободы. Причем, речь не идет об установлении гарантий коллективных прав, как может сначала показаться. Нет, в Федерации свободы, по мысли философа, не существует коллективных прав. Просто, не находясь в ситуации рабства *de jure*, человек может быть рабом *de facto*, ввиду того, что определенное воспитание или авторитет запрещают ему нечто. Таким образом, отказ от

агрессии на практике в рамках данной модели будет трактоваться как запрет на вмешательство в дела других за исключением самозащиты личности и имущества. Поэтому, несмотря на то, что самооборона допустима, никто другой не может действовать против тех, кто нарушает не его, а чужие права.

Получается, что интерпретация гоббсовской негативной свободы, как отсутствие препятствий «делать желаемое» может на практике, в рамках Федерации свободы, обернуться утверждением общественных институтов, которые принципиально отрицают свободу и фактически отказывают в ней человеку. Причиной этому является отсутствие, в отличие от Союза свободы, централизованных политических институтов, определяющих свободу и применяющих санкции в случае не следования ей.

Таким образом, Ч. Кукатас задается вопросом: какая из двух моделей понимания свободы будет приемлемой с точки зрения либерализма. На первый взгляд кажется, что Федерация свободы со своим правилом невмешательства в дела индивидов и сообществ может обернуться полностью несвободным обществом на практике. Наоборот, Союз свободы, постулируя высший принцип свободы, видится подлинно либеральным строем, ведь в его рамках возможно применять принуждение в тех случаях, когда отказ от свободы не доброволен, что означает активные действия общества против институтов дискриминации, рабства и т.п. Однако, здесь есть существенные трудности, анализ которых может прояснить важные особенности негативной и позитивной свободы.

Так, во-первых, очевидной проблемой Союза свободы будет являться сосуществование сообществ, которые не признают свободу, однако настолько традиционные и незаменимые, что их перестройка может обернуться непредвиденными последствиями. Например, мало свободы в рамках института семьи или образования, когда ребенку отказывают в ней ввиду возраста и, следовательно, отсутствия опыта и знаний. При том, что правоспособность обычно начинает течь с момента рождения, дееспособность начинается только после достижения определенного возраста. Это самое характерное нарушение принципа свободы, притом, не всегда можно считать необходимым, т.к.

возрастная граница дееспособности во многом условна и известно, что в более тяжелых условиях дети взрослеют раньше. В некоторых культурах понятия детства, например, нет вообще, а, следовательно, никто не ограничивает свободу человека лишь по возрастному критерию.

Далее, во-вторых, наличие политических институтов контроля за соблюдением принципа свободы очевидно усиливает публичную власть со всеми вытекающими последствиями. Конечно, роль государства в жизни общества является сегодня значительной и одного опасения увеличения централизации, конечно, не достаточно, чтобы однозначно признать данное положение спорным. Однако, если перефразировать Д. Норта, можно сказать: что касается роли государства в жизни общества, то суд удалился на совещание и пока не вернулся¹²⁹. Поэтому ясно, что либеральный подход предполагает максимально возможно расширение свободы индивидов. Это становится еще более важной проблемой еще и потому, что власть, созданная во имя свободы вообще, строго говоря, может и не обеспечивать ее и риск этого кажется довольно большим.

Наконец, в-третьих, общественное устройство, в котором свобода рассматривает в позитивном смысле, и является, кроме того, высшей ценностью, неизбежно образует противоречие следующего рода: общеобязательная свобода не есть свобода. Противоречие снимается, если понимать свободу в негативном смысле, что представляется более приемлемым, как было показано выше. В данном случае, понимание свободы смыкается с проблемой этического разнообразия, относительно которого свобода выступает лишь правилом реализации, но не высшим благом, которому обязательно следовать. Таким образом, концепция негативной свободы в значительной степени удаляет понимание раз и навсегда определенной истины из общественного процесса и философского дискурса. Основной особенностью общества негативной свободы, в котором принципиально невозможно всеобщее согласие по ключевым вопросам, является потенциальная возможность принуждения со стороны одних

---

¹²⁹ Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 31.

интерпретаций истины по отношению к другим. Таким образом, используя метафору Т. Гоббса, общество представляет собой своеобразную «войну всех против всех» по поводу ценностей и роулзовских ways of life, относительно которых возможны лишь временные договоренности и взаимные уступки.

Требования негативной свободы, таким образом, порождают плюрализм, который имеет особое значение в свете проблемы разнообразия, ведь такой подход соответствует принципиальному многообразию человеческих целей. И. Берлин справедливо отмечает, что многие из них просто несоизмеримы друг с другом. Кроме того, тезис Ч. Тэйлора об иерархии целей или блага, по его мнению, неизбежно уводит общественную дискуссию в метафизику и, по крайней мере, спорен с точки зрения практического применения. «В конечном счете, - пишет И. Берлин, - люди делают свой выбор между высшими ценностями так, как они могут, ибо фундаментальные категории и принципы морали определяют их жизнь и мышление и составляют — по крайней мере, в долгой пространственно-временной перспективе часть их бытия, мышления и личностной индивидуальности — всего того, что делает их людьми»¹³⁰. Поэтому, если либерализм стремится дать ответы на те вопросы, которые ставит перед ним культурное разнообразие, в его основе должна находиться именно свобода в «негативном» ее понимании.

Далее, необходимо перейти к более предметной критике утилитарного подхода, чтобы затем обратиться к анализу альтернативных моделей языковой политики.

Как было показано, в рамках утилитарного подхода к языковой политике государство может действовать двояко, определенным образом применяя позитивное представление о свободе к наличной ситуации языкового разнообразия. Так, во-первых, государство может попытаться «растянуть» свой культурный суверенитет по своей территории посредством унификации языкового разнообразия, как это происходит в Прибалтике и ряде других

---

¹³⁰ Berlin I. Two Concepts of Liberty // Berlin I. Four Essays on Liberty. London, Oxford Univ. Press, 1969. P. 118 – 172.

одноязычных стран. Во-вторых, оно может поддерживать языки локальных культур и попытаться поляризовать свой культурный суверенитет, как это было продемонстрировано на примерах России, Испании, Швейцарии и пр. И в том и другом случае в качестве главного блага находится навязанная концепция всеобщего блага, от которого, по мнению властей, выиграет все общество. Выигрыш может быть различным, но в целом он включает в себя устоявшиеся общественные ценности, вроде возможности на социальную мобильность, эффективную общественную коммуникацию по важнейшим вопросам и т.д.

Большинство современных государств не могут открыто пользоваться различными способами авторитарного или тоталитарного воздействия на общественную жизнь, за исключением ряда стран-изгоев. Поэтому, основываясь на либеральной идеологии («позитивно» понимающей свободу) и оперируя демократическими механизмами, в общем удается сформировать работающую систему норм и правоприменения, которая так или иначе регулирует проблемы языкового разнообразия. Как уже отмечалось, к основным проблемам языкового разнообразия относятся формирование диглоссных языковых ситуаций, в первую очередь, провоцирующих социальные конфликты по поводу языка, а также ряд других негативных последствий, которые в рамках двух вышеозначенных подходов могут оцениваться по-разному (языковой сдвиг, полуязычие, смерть языка).

Такой подход к формированию языковой политики кажется рациональным и очевидно достигает как минимум части своих целей, особенно тех, который касаются создания общей идентичности на основе языка. Так, например классическое социолингвистическое исследование, проведенное Е. Смоlichem убедительно показало, что язык является центральной ценностью и операции с его статусом абсолютно оправданы с точки зрения политики¹³¹. Точно также, политика, идущая навстречу локальным культурным сообществам, предоставляя им возможность использовать свой язык во всех сферах общественной жизни,

---

¹³¹ Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт – Петербурге. 2012. С. 406.

способствует интеграции на базе мультикультурного общества, а также в целом положительно оценивается лингвистами с точки зрения сохранения языкового разнообразия, как это имеет место в Канаде или Боливии.

Однако, признавая все плюсы такого подхода и принимая во внимание справедливую критику сторонников позитивной свободы, нельзя не отметить, что утилитарная философия обладает рядом существенных теоретических недостатков, на которые в свое время обратил внимание Дж. Роулз в своей знаменитой работе «Теория справедливости». В ней он очерчивает множество этических теорий, разделяя их на два класса: утилитаризм и интуитивизм¹³². Противопоставляя свои взгляды им обоим, он разрабатывает свою теорию справедливости, основанную на понимании либеральной нейтральности. Размышление о проблемах языковой политики с точки зрения методологии, предложенной Дж. Роулзом, на наш взгляд, может быть плодотворным и существенно усовершенствовать теорию и практику регулирования языкового разнообразия. Однако, в первую очередь необходимо рассмотреть ряд внутренних теоретических проблем в рамках самого утилитаризма, применительно к осуществлению языковой политики.

Критику утилитарной позиции можно сосредоточить на трех положениях: вопросе об определении блага, вопросе о максимизации блага, а также, на производном от него, вопросе о роли государства в языковой политике.

Так, во-первых, в рамках утилитарного подхода, как такового, невозможно точно определить общественное благо, а также возможные положительные эффекты. Утилитаризм, как политическая теория, предлагает определять, что такое общественное благо и стараться его максимизировать. Утилитаризм, таким образом, основан на этическом консеквенциализме, на этической оценке результатов некоторого действия. Таким образом, первая проблема возникает с трудностью определения понятия «благо», «счастье» или «польза».

---

¹³² Роулз Дж. Теория справедливости. Монография / Пер. с англ. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1995. С. 19.

Говоря о понятии блага необходимо начать с «проблемы заказа пиццы». Эта шуточная формулировка основана на тезисе У. Кимлики о том, что невозможно четко определить благо и потенциальные положительные эффекты от его достижения¹³³. У. Кимлика начинает с того, что пытается определить, что же в интуитивно понятном виде представляет собой идея блага? Сначала он обращается к определению блага, как к получению удовольствия здесь и сейчас, что вполне в духе вульгарных комментаторов И. Бентама и Дж. Ст. Милля. При такой трактовке получается, что максимизация блага приводит к постоянной стимуляции организма, приводящего к удовольствиям – «машине удовольствия». Как ни странно, но полный аналог данного эксперимента был проделан Дж. Олдсом над крысами, которым в мозг вживляли электрод, стимулировавший центр удовольствия, как только крыса нажимала на рычаг замыкания тока¹³⁴. Отвечая на вопрос, является ли такая трактовка блага справедливой, интуитивным ответом скорее всего будет нет¹³⁵.

Продолжая определять понятие блага можно расширить диапазон состояний сознания, включив в понятие блага не только удовольствие, но и страдание, переживание, томление, гнев, – т.е. все то, что нельзя назвать приятным. Но реконструированная машина, которая теперь называется «машина переживаний», демонстрирует тот же принцип работы, с тем лишь отличием, что теперь она обеспечивает весь спектр состояний сознания при стимуляции. Подходит ли данное определение теперь? Строго говоря, любой наркотик может вызвать целую гамму переживаний, однако мало кому придет в голову назвать наркоманию благом.

У. Кимлика соглашается с этим и переходит к наиболее продуманной трактовке, которая предполагает благом все, что соответствует предпочтениям людей. Таким образом понятие благо означает, что недостаточно просто симулировать спектр переживаний от, например, написания стихов, но нужно

---

¹³³ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 30.

¹³⁴ Olds J. Pleasure center in the brain // Sci. Am. – 1956. – Vol. 195. P. 105 – 116.

¹³⁵ Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 4. С. 66.

предоставить условия, в которых будет возможно писать стихи и получать от этого все возможные переживания. Именно здесь и появляется «проблема заказа пиццы» и суть ее в следующем. Предположим, имеет место общество, состоящее из пяти человек, которые решают, что им хочется заказать. Следуя принципу увеличения полезности, о котором будет сказано ниже, если хотя бы трое из пяти хотят заказать пиццу, а остальные китайскую еду и сэндвичи, они должны будут заказать пиццу на всех. Итак, пицца доставлена и начинается ужин. И вдруг выясняется, что пицца по неизвестной причине отравлена или протухла. Это, очевидно, испортит впечатления от вечера, как минимум. Как максимум это даст некорректное представление о благе, потому что не был учтен один важный аспект – возможность оценить последствие своего решения. Нельзя ведь сказать, что 100% заказов будет успешными и что какая-нибудь отравленная/несвежая пицца не попадет на стол. Тогда, в попытке решить данную проблему, придется дополнить понятие блага, как удовлетворения предпочтения, рациональной предпосылкой выбора.

Однако, данное допущение не сильно помогает. Дело в том, что теперь понятие блага должно подразумевать возможность человека или группы людей делать рациональные, т.е. с минимальной погрешностью обдуманые выборы каждый раз. И если в случае с пиццей можно предположить хотя бы минимальный шанс того, что можно быть уверенным в ее качестве, то в случае с общественным благом нам нельзя сделать никаких более или менее достоверных прогнозов. Не понятно, следовательно, как бы себя повела полностью информированная о благе личность при совершении того или иного действия. Так, например, каким образом можно понять, какая из гендерных ролей является полностью соответствующей благу личности, а не просто его привычкой? Какая религиозная точка зрения должна быть принята в качестве блага, если точно неизвестно, рационален ли ее выбор или это просто сложившаяся традиция – исповедовать определенные взгляды? Кроме того, проблема усугубляется, при попытке сравнить два несоизмеримых блага: например, успешная карьера или романтическая любовь. В данном случае нет надежного рационального метода

сопоставить их или сложить. Таким образом, главной проблемой является то, что согласно консеквенциональной ориентации утилитаризма, никогда нельзя точно определить степень полезности, извлеченной из тех или иных действий, т.к. результат любого действия всегда находится в будущем¹³⁶.

Переводя данную проблему в плоскость языковой политики получается, что нельзя заранее сказать, какая из языковых политик соответствует рациональным предпочтениям, а какая просто результат исторически сложившейся практики языкового планирования. Так, если предположить, что одноязычие определенно способствует единству, то как быть с многочисленными протестами по поводу неприятия языковой политики, например, в Прибалтике или регионах Испании? Да, поддержка одноязычия в долгосрочной перспективе при относительном согласии населения может способствовать интеграции. Однако, в случае активного сопротивления со стороны отдельных сообществ такая политика может только усугубить внутренние межкультурные проблемы, как это происходит в России, Испании, Прибалтике, Украине и пр.¹³⁷

Точно также непосредственная поддержка малых языковых коллективов может вызывать недовольство со стороны большинства населения, которое опасается несбалансированных преференций для локальных сообществ. Знаменитая инициатива об affirmative action, например, в Канаде прямо обязывает работодателей федеральных служб и учреждений предоставлять преференции при приеме на работу женщин, инвалидов, коренное население, расовые меньшинства и пр., в соответствии с Employment Equity Act 1995 года¹³⁸. Подобные меры принимаются во многих государствах мира, что не является бесспорно справедливой практикой и часто вызывает критические замечания. Так, философ Г. Шер полагает, что так называемая «позитивная дискриминация» в области трудоустройства, отличаясь анти-меритократизмом, обесценивает достижения людей, и предписывает выбирать кандидата на должность не по заслугам и

---

¹³⁶ Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 4. С. 65.

¹³⁷ Patten A. Language Rights and Political Theory // Annual Review of Applied Linguistics. – 2003. – Vol. 23. P. 4 – 5.

¹³⁸ URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/e-5.401/page-1.html>

профессиональному мастерству, но в зависимости от его самоидентификации и увеличивает социальную напряженность, не приводя к заявленному результату, предполагаемому благу¹³⁹.

Следовательно, исторический опыт и современные примеры показывают, что никогда нельзя быть уверенным в том, какой даст эффект то, что принято называть «благом» и столь желанные сопутствующие цели языковой политики могут просто не сработать. Как уже отмечалось, все современные политические режимы придерживаются одного из двух понимания того, каким образом увеличивать общественные блага в языковой политике. Так, одноязычные режимы рассматривают языковую конвергенцию, а многоязычные – поддержку языков, в качестве основных общественных благ в языковой сфере. При этом, например, языковая конвергенция в идеале должна привести к созданию единого коммуникационного пространства, в котором возможно эффективное демократическое обсуждение важнейших общественных проблем. Однако, как это видно на примере ряда политических режимов, (прибалтийские государства и проблемы русскоязычного населения, Россия, Испания и проблемы национальных регионов и пр.) утверждение одноязычия вызывает многочисленные конфликты и наоборот препятствует созданию единого коммуникативного пространства. Из чего можно сделать вывод, что процесс планирования ожидаемых благ невероятно сложен и зависит от огромного числа факторов, которые нельзя учесть сразу.

Так или иначе, беря на себя ответственность за утверждение той или иной концепции блага государство всегда будет объектом справедливой критики и нападков в связи с невозможностью удовлетворения противоположных тенденций. Эта проблема заставляет обратиться к следующей теме – проблеме максимизации блага.

Далее, следует анализ второй фундаментальной идеи утилитаризма, а именно идеи о том, что благо, какая бы трактовка не была избрана, нужно

---

¹³⁹ Sher G. Justifying Reverse Discrimination in Employment // *Philosophy and Public Affairs*, 1975. – Vol. 4. P. 162.

увеличивать в рамках общества. Увеличение блага возможно, как в рамках отдельной человеческой жизни, так и всего общества. При том, что сегодня утилитаристы скорее рассматривают свою теорию, как политическую, т.е. исследуют увеличение полезности в системе базовых общественных институтов, оба этих представления достаточно близки. Помимо прочего, при калькуляции общественного блага также необходимо, чтобы существовало определенное равенство рациональных предпочтений, чтобы их можно было легко учитывать. Этот подход имеет свои недостатки.

Так, наиболее очевидный вывод из этой идеи такой, что утилитарный подход в политической теории приводит к ситуации, когда калькуляция общественной полезности ставит под угрозу права меньшинств (т.е. любого меньшинства, интересами которого пренебрегают ради достижения блага) и отдельных индивидов, консолидирующихся ради отстаивания некоторых целей. Кроме того, попытка оправдывать уважение прав меньшинств с точки зрения утилитаризма приводит к тому, что он вступает в противоречие с самим собой, переставая быть этической основой общественной дискуссии.

Если исходить из изначального равенства всех предпочтений в обществе, а не равенства индивидов, получается, что единственно приемлемым вариантом действия является то, что приносит больше полезности количественно и проблема защиты прав индивидов просто не рассматривается, как моральная проблема. Утилитарный подход выводит за рамки морали любые действия, не основанные на признании равенства предпочтений при подсчете общей полезности, чем противоречит нашей повседневной интуиции. Так, У. Кимлика подчеркивает, что существуют исключительные моральные обязательства (такие, например, как уважение фундаментальных прав индивидов) и просто неподходящие предпочтения, чтобы их удовлетворять (например, различные дискриминирующие предпочтения большинства над меньшинством)¹⁴⁰.

---

¹⁴⁰ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 40.

В рамках одноязычной языковой политики, максимизация полезности, понятой как языковая унификация, очевидно существенно ограничивает коренное население, а также мигрантов выбирать и использовать свой язык как во внутригрупповом общении, так и в общении с государственными институтами. Причина заключается в том, что суммарная полезность от употребления одного языка-медиатора на первый взгляд значительно превышает полезность, которую извлекают от употребления своего языка меньшинства. Подобной ситуацией можно видеть в вышеописанных примерах, связанных с языковым законодательством Прибалтийских государств, когда языковых прав лишает огромное число как граждан, так и иностранцев, а также неграждан.

Далее, неочевидным следствием увеличения блага является то, что, учитывая невозможность точно определить благо, вполне может случиться так, что некоторые другие общественные блага будут дискредитироваться. Так, например, в обязательственной ситуации, когда один человек (заемщик) должен другому (кредитору) нечто (например, деньги), первый может быть принужден или он может самостоятельно решить, не отдавать деньги своему кредитору, но передать их государству, т.к. это суммарно увеличит уровень благосостояния в интересах всего общества. Однако, при этом, если подобные практики станут относительно регулярными, общественные отношения, основанные на доверии и свободе договора, будут дискредитированы и начнут отмирать. В данном случае, процедура максимизации общественного блага может свестись к принудительной национализации и отмене части фундаментальных прав.

Проблема справедливости тезиса об увеличении блага связана с тем, о чем говорил Дж. Роулз в своей работе «Теория справедливости»¹⁴¹. Занимаясь проблемой справедливого распределения общественных благ, он прибегнул к своему знаменитому мысленному эксперименту – абстрактному общественному договору между членами некоторого абстрактного же общества. Как известно, если с самого начала предположить, что никто из членов общества не знает своего

---

¹⁴¹ Роулз Дж. Теория справедливости. Монография / Пер. с англ. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1995. С. 27 – 28.

социального положения и своих личных качеств и, следовательно, никто из них заранее не объединен в группы, то каждый член общества проголосует за максимальную свободу и независимость в отношении каждого, опасаясь, что, утвердив неравенство, сам может оказаться в дискриминируемой группе. Кроме того, люди также скорее всего договорятся о поддержке тех членов общества, которые в силу природных особенностей, например, будут лишены объективной возможности получить доступ к большинству социальных благ (речь может идти об инвалидах, например). Таким образом, в результате получаем такое общественное устройство, которое максимально расширяет меру возможного поведения для его членов и создает нейтральное в моральном плане государство. Более того, в таком обществе невозможна идея об увеличении блага, потому как в случае ее принятия существует очень большая вероятность того, что во имя коллективного блага правомочия меньшинства будут пренебрегать. Таким образом Дж. Роулз противопоставляет максимизацию блага своей распределительной концепции блага¹⁴².

Если адаптировать данный тезис к проблеме языкового разнообразия, то получается, что каждый член общества, не знающий, в каком языковом коллективе он окажется, проголосует за равноправное возможное представление всех языковых коллективов вообще. Это означает, что государство, когда оно будет учреждено, останется нейтральным ко всем языковым коллективам, не создавая для каких-то из них привилегированного положения. Интуитивная справедливость данного утверждения целиком опирается на справедливость предположения Дж. Роулза о гипотетическом договоре в состоянии неведения, которая, не смотря на свою неординарную трактовку, довольно точно отражает типичную ситуацию, взятую из теории игр, а значит, достаточно обоснована. В данном случае стоит подчеркнуть, что именно договорная работа по определению необходимой сферы функционирования языков является справедливой, исходящей из потребностей самих индивидов. Кроме того, такая трактовка

---

¹⁴² Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 4. – С. 64.

распределения коммуникативных ресурсов не требует опоры на коллективные права того или иного языкового сообщества, а значит нивелирует существенные трудности данной концепции прав.

Развивая критику о невозможности конкретного определения блага и его максимизации в рамках языковой политики, следующим очевидным шагом будет попытка осмыслить место и роль государства в данной ситуации. При этом, необходимо оговорить с самого начала, что государство, в полном соответствии с «позитивным» пониманием свободы, выступает наиболее распространенным и очевидным моральным субъектом, которое формирует некоторую определенную этическую норму. Поэтому, государство само по себе является лишь одним из видов таких субъектов, но не единственным.

Дискуссия о месте государства в процессах управления обществом и распределения общественных благ остро стоит уже довольно давно. Как уже отмечалось, еще античные мыслители подчеркивали, что подлинная свобода несовместима с сильным государственным вмешательством не только в духовную жизнь, но и в экономику и политику. В этом смысле либерализм, как политико-философская доктрина, решительно противоречит и авторитаризму, и тоталитаризму. Появление теории либерализма Дж. Роулза, а также его комментаторов и творцов не менее интересных теорий, вроде Р. Нозика и М. Сэндела, было критическим ответом утилитаризму, который также сформировался, как либеральная критика в отношении жесткого позднефеодального государства и общества. Однако, позднее утилитаризм стал «обслуживать» интересы элит с отнюдь не либеральными (в смысле, отстаиваемом в настоящей работе) целями и методами. Дело в том, что, как отмечал У. Кимлика со ссылкой на С. Хампшира, утилитаризм, будучи когда-то прогрессивной философской теорией, призывающей бороться с феодальным неравенством, постепенно превратился в удивительно конформистскую доктрину, которая ставит общественные интересы выше индивидуальных¹⁴³. Кроме того,

---

¹⁴³ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 74.

будучи господствующей идейной основой политики возросла и роль государства в процессе регулирования общественной жизни.

Благодаря активной либерализации жизни сегодня некоторые сферы общественной жизни формально лишены активного государственного вмешательства, предоставляя широкие права индивидам. Так, например, большинство государств признают свободу совести, разрешая людям самостоятельно определять свою религиозную принадлежность и давая возможность в довольно широких правовых рамках проповедовать свое вероучение. Хотя, раньше представить себе такой уровень религиозной терпимости со стороны власти было просто невозможно, а тем более, вообразить себе «государство без алтарей».

Так, М. ван Кревельд связывает расширение функций государства в первую очередь с развитием бюрократии¹⁴⁴. Так, долгое время главными задачами государства было создание законов, объявление войны, сбор налогов, правосудие и чеканка монет. Однако, к 18 веку, по мере расширения государственных органов стали брать на себя новые функции, в том числе образование, здравоохранение, соцподдержку и пр. Как известно, до этого соцобеспечением занимались преимущественно местные самоорганизованные сообщества и церковь, но индустриальная революция привела к перемещению людей в города, и проблемы поддержки населения стали слишком сложны для местных сообществ¹⁴⁵.

Затем, с течением времени, государство стало терять свои позиции, что связано с несколькими причинами, на которые указывает М. ван Кревельд. Во-первых, прогресс в вооружении и создание оружия массового поражения, что делает ненужными крупные территориальные расширения и в целом делает любую экспансивную политику невозможной. Во-вторых, истощение невосполняемых ресурсов и отсутствие адекватной альтернативы природному топливу приводит к значительному сокращению соцобеспечения населения, что

---

¹⁴⁴ Кревельд М. Расцвет и упадок государства / Кревельд М.; пер. с англ. под ред. Кузнецова Ю., Макеева А. – М.: ИРИСЭН, 2006. С. 161 – 180.

¹⁴⁵ Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 4. С. 65.

существенно понижает значимость государства. В-третьих, из-за глобализации границы между государствами становятся все прозрачнее, а благодаря международным корпорациям все актуальней становится не национальная, но профессиональная идентичность. В-четвертых, ввиду серьезных внешнеполитических проблем, таких, как терроризм, все большую актуальность приобретают негосударственные охранные структуры, такие, как частные армии и охранные агентства. Наконец, в-пятых, само отношение к государству сильно изменилось. Если в начале XIX века Г.В.Ф. Гегель писал «государство – это звук шагов Бога, идущего по земле», то сегодня уверенно можно заключить, что государство растеряло кредит доверия перед обществом и воспринимается скорее, как бездушная многоликая бюрократическая машина, которой нет дела до нужд людей¹⁴⁶.

Со временем утилитарное понимание распределительной справедливости трансформировалось и стало частью проекта welfare state («государство всеобщего благоденствия»). Смысл этой новой формы общественного устройства, утвердившейся после Второй Мировой войны, стало централизованное перераспределение благ, социальные гарантии государства и, как следствие, сильное расширение зоны его влияния за счет проведения политик обязательного страхования, защиты труда и здравоохранения, а также образования. Как отмечает К. Оффе, исторически «государство всеобщего благосостояния» является результатом взаимодействия различных социальных процессов, например, социально-демократические реформы, солидаризация в рамках христианского социализма, активной правозащитной деятельности профсоюзов и т.п.¹⁴⁷. В последствии П. Розанваллон рассматривал три кризиса, с которыми столкнулось «государство всеобщего благосостояния»: экономический, идеологический и самый существенный – философский¹⁴⁸. Особенно критике подвергались растущая бюрократизация государственного аппарата и переоценка идеи социальных прав.

---

¹⁴⁶ Гегель Г. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Коримов Д. А. и Нерсесянц В. С.; Авт. вступ. ст. и примеч. Нерсесянц В. С. – М.: Мысль, 1990. С. 279 – 323.

¹⁴⁷ Offe C. Some Contradictions of the Modern Welfare State // Critical Social Policy. – 1982. – Vol. 2, № 2. P. 147 – 162.

¹⁴⁸ Розанваллон П. Новый социальный вопрос. – М.: Ad Marginem, 1997. С. 11.

Таким образом, можно сделать вывод, что с течением времени в традиционных сферах государственного управления постепенно все сильнее становятся тенденции, направленные на дерегулирование, из-за принципиальных изменений в обществе, все сильнее подтачивая авторитет государства, как незаменимого и всеобщего социального института, что подтверждает практики дерегулирования дорожного трафика, перинатальной медицины и фармацевтики, оборота гражданского оружия, местного самоуправления и пр.¹⁴⁹

По многим вопросам еще предстоит прийти к консенсусу, однако уже сейчас, в связи с усилением сепаратистских настроений во многих регионах мира, в том числе и в России, необходимо понять, возможно ли регулировать языковое разнообразие иначе, ведь государство, как кажется, не самым удачным образом справляется с этим. Однако, прежде необходимо рассмотреть распространенную практику языковой политики сегодня.

Языковая политика традиционно до сих пор остается в ведении государства, преимущественно из-за того, что она, помимо сугубо языковых вопросов, затрагивает ряд других, например, межнациональные отношения, которые для большинства регионов мира остаются болезненными и трудно разрешимыми. Попытки тем или иным образом регулировать языковое разнообразия неизбежно приводят к конфликтам, поэтому государства очень осторожно и расчетливо вносят изменения в сложившиеся отношения по поводу использования языков.

Если взглянуть на языковые политики большинства государств, то можно уверенно сказать, что государство рассматривает язык не только и даже, не столько, как средство коммуникации, но как средство построения идентичности. От государства к государству языковые политики, конечно, сильно отличаются, однако основа их остается неизменной – язык должен служить средством достижения определенных целей. Следовательно, любая языковая политика сегодня стремится увеличить сопутствующие эффекты от реализации многоязычия или одноязычия. Собственно, вопрос коммуникации остается на

---

¹⁴⁹ Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 4. С. 67.

втором плане. К таким эффектам обычно относят увеличение социальной мобильности, создание единого пространства политического обсуждения и предотвращение внутригосударственных конфликтов на языковой почве или этнической, или и того, и другого. Императивность языковой политики выражается в создании сводов нормативно-правовых актов и закреплении ответственности за их несоблюдение.

Таким образом, рассмотрев три основные проблемы, связанные с применением утилитарной философии к проблеме языковой политики, можно сказать, что она не в состоянии в современных условиях эффективно предотвращать негативные последствия языкового разнообразия, а также гарантировать сохранение свободы в негативном понимании. В современных условиях кризиса национальных государств и одновременно дискредитации политики мультикультурализма в Европе следует, что необходимо попытаться сформулировать альтернативную теорию языковой политики, которая бы обходила трудности утилитарного подхода и соответствовала либеральной трактовке свободы.

2.2. Модель языковой политики нейтральности как альтернатива утилитарному подходу к языковому разнообразию

А. Паттен прямо не указывает, что перечисленные трудности являются следствием политики утилитаризма, однако делает справедливый вывод о том, что альтернативой им должна служить теория, исходящая из иных моральных оснований и он, в качестве такой теории, выбирает идею либеральной нейтральности, впервые сформулированную Дж. Роулзом¹⁵⁰. Он, таким образом, критически относится к эффективности утилитарной языковой политики и обоих подходов в ее рамках, за то, что они не достигают своих целей и иронично замечает: «Единственным вариантом поддержать некоторый определенный

---

¹⁵⁰ Patten A. Liberal neutrality and language policy // Philosophy and Public Affairs. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. P. 356 – 386.

исчезающий язык будет вариант «заточения» его носителей в рамках собственного языкового коллектива, отказывая в доступе к другим языкам (путем ограничений свободы выражения или передвижения). А единственным вариантом установить один общий язык – принудительный возврат к ситуации национального строительства времен XIX в., что многие сегодня сочтут просто ужасным»¹⁵¹.

Таким образом, альтернативная модель языковой политики должна соотносить свободу в негативном смысле с либеральной нейтральностью государства – с другой. В данном случае, требование к государству оставаться нейтральным прямо следует из определения свободы, как возможности индивидов существовать так, как им захочется, не ограничивая при этом свободу других. Государство нейтрально таким образом, что не выступает в качестве морального сверх-субъекта и не стремится навязать некоторую определенную норму морального поведения. Его назначением, таким образом, является контроль за соблюдением справедливого распределения ресурсов и защита от внешней и внутренней агрессии. Во области языковой политики, таким образом, государство не должно директивно устанавливать одноязычие или мультилингвизм, ссылаясь на достижение некоторых положительных эффектов, т.к., как было показано, такая утилитарная ориентация сталкивается с непреодолимыми трудностями. В связи с этим, необходимым видится разработка такой модели языковой политики, которая бы соответствовала либеральному пониманию свободы и исключала бы теоретические трудности применения утилитарного подхода. Одну из таких моделей предложил А. Паттен. В связи с этим, он формулирует свой альтернативный вариант языковой политики, названный им пропорциональный государственный мультилингвизм (*prorated official multilingualism*)¹⁵².

Тем не менее, на современном этапе развития общественно-политического сознания, необходимо признать, что основную роль в осуществлении языковой

---

¹⁵¹ Patten A. Liberal neutrality and language policy // *Philosophy and Public Affairs*. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. P. 376.

¹⁵² Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 2016. – № 4. С. 66.

политики по-прежнему централизованно осуществляет государство¹⁵³. В данном случае, принципом, на основе которого оно может осуществлять администрирование, является нейтральность (или либеральная нейтральность).

В понимании Дж. Роулза, государство нейтрально тогда, когда оно не намерено продвигать или поддерживать какую-либо конкретную концепцию блага или конкретного образа жизни, но вместо этого направляет свое внимание на создание справедливых условий, при которых различные формы жизни смогут стремиться к успеху¹⁵⁴. В связи с этим, А. Паттен предлагает такой вариант языковой политики, которая направлена на выработку и реализацию справедливых условий, внутри которых все формы жизни (ways of life) могут бороться за свое благополучие: «В отношении языковой политики это означает создание таких справедливых условий, в которых разные языковые коллективы могут бороться за сохранение и успех своих языковых сообществ»¹⁵⁵. Говоря в общем, такой подход предполагает доступ, или «контекст выбора». При этом по мысли А. Паттена, носителям языка, необходимо предоставить равное признание их «языковых» прав на использование своего языка, т.е. он в данном случае также заимствует понятие равенства (equality) у Дж. Роулза. Данное правило применимо таким образом, что носитель одного языка может пользоваться для коммуникации с властями не только своим, но и любым другим языком, получившим признание.

Таким образом, во-первых, модель языковой политики А. Паттена, предполагает активное участие государства в распределении ресурсов. Далее, во-вторых, он признает невозможным полный отказ государства от официального языка, а также разрешение вообще всех возможных языков. Он указывает на определенные сходства нейтральности, в отношении языка с нейтральностью, в отношении религии. Так, он подчеркивает, что именно нейтральная позиция государства по невмешательству в духовную сферу смогла предотвратить незатихающие религиозные конфликты в Европе и оказалась крайне

---

¹⁵³ Patten A. Political Theory and Language Policy // Political Theory. – 2001. – Vol. 29, is. 5. P. 687.

¹⁵⁴ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун – т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун – та – Высшей школы экономики, 2010. С. 284.

¹⁵⁵ Patten A. Liberal neutrality and language policy // Philosophy and Public Affairs. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. P. 368.

продуктивной, когда предоставила подданным свободу совести и возможность самостоятельно выбирать свою религиозную принадлежность. Вместе с тем, он отмечает, что в отличие от религии, которую государство может не выбирать, язык ему придется выбрать, потому как без официального языка и норм его употребления невозможно никакое управление, особенно это касается исторически многоязычных регионов, а также государств, с постоянным притоком мигрантов.

Таким образом, он выделяет два подхода: подход дерегулирования (disestablishment) и подход равенства (even-handedness)¹⁵⁶. Дерегулирование, например, в сфере религии, представляет собой полный запрет на пропаганду религии в школе, в то время, как подход равенства означает равное представительство всех возможных религий, без преференций и дискриминации. В отношении языков дерегулирование, по мнению исследователя, неприменимо, но равное их представительство возможно.

Поэтому вводится условие, согласно которому необходимо принимать во внимание, сколько именно носителей языка нуждаются в таком признании. В данном случае речь идет о принципе «where numbers warrant», который является часто упоминаемой оговоркой в канадском языковом законодательстве, в соответствии со ст. 23 Конституционного акта 1982 г., предполагающий, что вопрос о преподавании на французском или английском в федеральных школах решается в соответствии с числом носителей того или иного языка и исходя из реальной необходимости в этом¹⁵⁷.

Следовательно, мультилингвизм в понимании А. Паттена не предполагает поддержку многоязычия, исходя из традиции или заботе о сохранении культурного наследия. Рассматривая языковую политику в инструментальном ключе, он принципиально не сводит ее к культурной политике протекционизма некоторого исторического наследия, что, в общем, соответствует либеральному взгляду на свободу, которая предполагает, что какой бы сильной не была

---

¹⁵⁶ Patten A. Liberal neutrality and language policy // Philosophy and Public Affairs. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. P. 370.

¹⁵⁷ URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/>

традиция, ее нельзя абсолютизировать и принудительно навязывать гетерогенному обществу. При этом, он подчеркивает, что обязанность непосредственно заботиться о сохранении своего языка практически целиком ложится на самих носителей языка. Государство при этом выполняет роль арбитра, которые задает стандарты равенства возможностей и честного распределения коммуникативных ресурсов.

Несмотря на то, что данный подход помогает устранить трудности утилитарного подхода в языковой политике, его можно подвергнуть критике. Отправной точкой критического анализа будет выступать полнота понимания свободы человека и степени ее ограничения со стороны государства.

Так, во-первых, А. Паттен подчеркивает, что, хотя политика языковой нейтральности, основанной на равенстве и отрицает планирование, некоторых существенных вопросов планирования все же не удастся избежать. Поэтому, в рамках пропорционального официального мультилингвизма уже требуется, чтобы четко определялись языки, в которых нуждается население. Кроме того, данная проблема усложняется, когда помимо местных языков, на территорию государства осуществляется активный приток иноязычных мигрантов. И тот и другой вопрос будет решаться официально и централизованно от имени государства с его бюрократическим аппаратом, что в итоге может привести к злоупотреблениям¹⁵⁸.

В данной связи уместно привести аргументы Ч. Кукатаса, которой обращает свою критику на теорию справедливости Дж. Роулза. Философ говорит, что вопрос, который в свое время поднял Дж. Роулз (и который продолжил исследовать А. Паттен) – это вопрос о социальной справедливости. Однако, по мнению Ч. Кукатаса, он не является первичным. Первым вопросом, таким образом, выступает вопрос о легитимности – кто может осуществлять управление в обществе? Признавая в качестве главного актора политического действия конкретное государство, пусть и действующего в рамках либерализма,

---

¹⁵⁸ Patten A. Liberal neutrality and language policy // Philosophy and Public Affairs. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. P. 363.

сообщества и индивиды могут терять возможность действовать, принимать важнейшие решения самостоятельно. Если задачу определения необходимого минимум языков будут решать государственные органы в лице различных комиссий и советов, то население теряет возможность прямо выражать свое мнение и свою заинтересованность в конкретных языках функционирования. Кроме того, само определение того, что такое язык будет прерогативой государства. В данной ситуации можно, в случае несовпадения мнения языковой группы и государства, только создать социальную напряженность и конфликт, что можно видеть сегодня на примере споров о статусе молдавского языка в Молдавии и Румынии¹⁵⁹.

Кроме того, данная система централизованного определения языковых потребностей населения негибка и очевидно плохо будет справляться с ситуацией резкого увеличения экзогенных языков, что можно наблюдать сегодня в Европе в связи с ближневосточным кризисом. Та же проблема возникает в ситуации формирования новых языков в результате спонтанной или планированной деятельности. Так, непонятно, как данный вариант политики будет регулировать функционирование смешанных и прочих «маргинализированных» форм коммуникативных систем в условиях, когда носители кода связывают свою идентичность именно с ним.

Опираясь на теорию Дж. Роулза о построении абстрактного общества, основанного на справедливости, как честности, А. Паттен также обосновывает свою модель языковой политики. Вместе с тем, модель Дж. Роулза не учитывает фактор глобализации и ее последствий. Принцип либеральной справедливости, предложенный Дж. Роулзом, предполагает, что общество, в котором он реализуется, закрытое, и что основной вопрос культурной и языковой политики – это вопрос о справедливом распределении благ в обществе, где имеется дефицит различных ресурсов. Ясно, что в условиях мультикультурализма, разные сообщества придерживаются разных концепций справедливости¹⁶⁰. В описанных

---

¹⁵⁹ URL: <http://www.pravda.ru/news/world/26-12-2016/1321182-moldova-0/>

¹⁶⁰ Наумов Ф.В. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 1. С. 26.

обстоятельствах, как отмечает Ч. Кукатас, возникает вопрос: «...как люди могут жить вместе и оставаться свободными, при наличии известного нравственного разнообразия?»¹⁶¹.

Нужно признать, что сегодня мир состоит не только из государств, а текущее развитие международного сотрудничества позволяет создавать международные сообщества, например, международные фонды, корпорации и союзы, по многим параметрам, превосходящим государство, как особый тип сообщества, ярчайшим примером среди которых является Европейский Союз. Кроме того, из тезисов о приоритете государства и действии внутри закрытого общества, следует, что в таком государстве будет сильная центральная власть, распределяющая ресурсы, основываясь на принципе справедливости. Однако, очевидно, что власть в таком государстве будет подконтрольна самыми влиятельными сообществами, которые будут неизбежно проводить политику в своих интересах и может так случиться, что предложенные им либеральные нормативные рамки, не будут признаны значительным числом сообществ. Кроме того, есть определенная вероятность, что проводимая ими политика будет вовсе нелиберальной, при сохранении либеральной риторики в публичном дискурсе¹⁶².

Таким образом, принимая во внимание активные глобализационные процессы, которые активно отодвигают государство на периферию политической жизни и наоборот способствуют выходу локальных коллективов на международную арену, необходимо учитывать важность международной кооперации и не преувеличивать значение государства в процессе распределения ресурсов в обществе.

Наконец, во-вторых, критике можно подвергнуть один из принципов теории справедливости Дж. Роулза, на котором также основывается А. Паттен, формулируя свою модель языковой политики – принцип различия. Фактически, в модели А. Паттена принцип различия формулируется, как официальное

---

¹⁶¹ Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Чандрен Кукатас ; пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А. В. Куряева. – Москва: Мысль, 2011. С. 23 – 31.

¹⁶² Наумов Ф.В. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 1. С. 28.

распределение возможности предоставления определенных официальных услуг на языках, в соответствии с числом и положением языковых коллективов. Для того, чтобы эксплицитировать суть проблемы, необходимо обратиться к пониманию данного принципа в теории Дж. Роулза.

Основной задачей, которую ставил перед собой Дж. Роулз, было формулирование нормативного критерия оценки распределения социальных благ. Однако, для обоснования данных принципов философ решил исходить не из реальных социальных обстоятельств, которые часто формируются случайно и легитимируются приверженцами «меритократической» справедливости, но из гипотетических, которые он назвал «первоначальным положением».

Первоначальное положение является базой выработки принципов справедливости на основе моральной нейтральности индивидов, а также их незнания относительно своего социального положения и природных способностей. Таким образом, первоначальное положение дополняется в теории Дж. Роулза «завесой неведения». Результатом такой гипотетической конструкции является предположение о том, что индивиды вынуждены будут принимать решения о справедливом распределении ресурсов исходя из рациональных предпосылок, согласно правилу «максимина», т.е. каждый выберет себе такой максимум благ, при котором риск обанкротится будет минимален. Именно после этого возможно экстраполировать данные правила на реальное общество, которому свойственно социальное и природное неравенство. Результатом будет являться принцип различия, согласно которому устанавливается определенный моральный стандарт, согласно которому «наименее удачливым» членам общества в силу тех или иных причин будет компенсировано неравное положение.

При этом, данное положение теории Дж. Роулза неоднократно подвергалось критике со стороны представителей различных политико-философских направлений: от неоконсерваторов до либертарианцев. Поэтому, можно выделить наиболее интересные точки зрения критики, которые, на наш взгляд, показывают трудности реализации данного принципа на практике.

Так, в первую очередь необходимо обратиться к критике Д. Белла, который отмечал, что, постулируя необходимость обеспечения «наименее удачливых» (к примеру, носителей миноритарных языков) набором некоторых первичных благ (в том числе возможностью коммуницировать на своем языке в публичном пространстве), не уточняется, кого следует считать «наименее удачливым» и в какой степени их необходимо снабдить благами.

Тезис А. Паттена о невозможности отказа от официального языка приводит его к выводу о том, что, в рамках языковой политики, в соответствии с принципом различия, необходимо компенсировать миноритарным языковым коллективам возможность пропорционально их численности использовать свой язык в публичном поле. Поэтому он придерживается не дерегулирования языковой политики (*disestablishment*) но подхода беспристрастного равенства (*even-handedness*). Однако, принимая данную позицию, приходится признать, что перед официальной властью будет стоять вопрос: как отобрать языковой коллектив, который нуждается в поддержке? Вопрос этот далеко не тривиальный, ведь на сегодняшний день в лингвистике не существует четких критериев отличия языка от диалекта или социолекта. Точнее, не существует собственно лингвистических критериев, в то время, как с точки зрения социолингвистики это различие очевидно. М. Вайнрайх остроумно и справедливо отмечал, что «язык – это диалект, у которого есть армия и флот», в том смысле, что в данном случае решающее значение оказывает именно экстралингвистический фактор – мера государственной поддержки¹⁶³. Число языков велико, а число диалектов языков, а также различных социальных вариантов еще больше. В связи с этим, возникает еще один вопрос: если нет надежных лингвистических критериев отличия языка от диалекта, каким образом в модели А. Паттена возможно предоставить равный доступ к публичным институтам? Так, в рамках, например, школьного религиозного обучения может быть установлена пропорциональная доля бюджетных средств, идущая на преподавание различных религиозных доктрин в

---

¹⁶³ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. – Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». – 2004. С. 43.

школе¹⁶⁴. Однако, если говорить о пропорциональной доле средств на преподавание языков, как технически возможно уместить их все в рамки тесной школьной программы и за счет каких средств это возможно сделать?

С другой стороны, как отмечает Д. Белл, невозможность четко определить круг «наименее удачливых», а также возможные способы компенсации их естественного состояния (что полностью относится к языковым меньшинствам, которые часто приобретают свой статус в связи со случайным развитием исторического процесса) приводит к тому, что придется прибегнуть к жестким административным методам определения и распределения, что неизбежно грозит санкционированным произволом со стороны администрации в ее решениях. Он подчеркивает также, что невозможно на формально-правовой основе разграничить тех, кто по личным мотивам отказывается приложить усилие и воспользоваться своими способностями, от тех, кто на самом деле не может этого сделать. Отсюда Д. Белл заключает, что невозможно, не прибегая к бюрократическим решениям, в масштабах всего общества установить рациональные стандарты упорядочения экономических и социальных неравенств¹⁶⁵.

Далее, можно отметить взгляд Ч. Кукатаса, который соответствует в целом общей направленности либертарианской критики. Если акцентировать внимание на том, что в основе либерализма или классического либерализма лежит понимание свободы, как возможности самостоятельно определять свои цели и не мешать делать это другим, то становится очевидно, что, исходя из этой установки, любой акт агрессии (принуждения) в отношении личности, если она не совершила соответствующий акт агрессии в отношении другого, недопустим, поскольку ни один человек или группа людей не имеет права посягать на чью-либо личность и собственность. Саму агрессию можно определить, как угрозу применения или попытку применения насилия против личности или собственности другого. Ч. Кукатас, ссылаясь на Дж. Локка, соглашается с тем, что каждый человек обладает

---

¹⁶⁴ Patten A. Liberal neutrality and language policy // *Philosophy and Public Affairs*. – 2003. – Vol. 31, is. 4; *Research Library Core*. P. 372.

¹⁶⁵ Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. – New York: Basic Books, Inc., 1976. P. 264.

абсолютным правом частную собственность – во-первых, в отношении своего тела, и, во-вторых, в отношении ранее не использовавшихся природных ресурсов и продуктов своего труда¹⁶⁶.

В данном контексте можно провести аналогию и заметить, что язык, хоть и не присущ индивиду от рождения, но приобретает достаточно рано и становится важнейшим средством постижения мира. Кроме того, человеку так или иначе свойственна коммуникация, как социальному существу. С этой точки зрения, владение языком мало чем отличается от владения рукой или ногой, а значит, он также отождествляется с человеческой личностью и насильственное изъятие или любое другое ограничение права на употребление языка можно сравнить, например, с насильственным изъятием органа или, что более очевидно, ограничением на свободу слова.

Если подходить с этих позиций, то любая языковая политика, которая предполагает централизованное распределение ресурсов и установление стандартов взаимодействия без непосредственного участия людей, заставляет их претерпевать определенные трудности. Так, в случае с языковой конвергенцией и одноязычной языковой политикой, всех не-носителей языка большинства вынуждают претерпевать определенные трудности и страдания, даже физические, в связи с насильственным отказом от собственной идентичности или насильственным изучением официального языка и т.д. В случае с поддержкой многоязычия, все граждане страдают от разной степени финансовых обременений, с помощью которых государство стремится сохранить «слабые» языки. При этом часто этнические элиты получают определенные финансовые преференции исходя из своего статуса и в том числе языковых особенностей, что может восприниматься большей частью общества, как несправедливое распределение ресурсов и полномочий.

Кроме того, такой подход не учитывает право индивидов по собственному желанию отказываться от своего языка в пользу другого (о таком прагматически обусловленном языковом сдвиге ранее уже говорилось). Поэтому нужно еще раз

---

¹⁶⁶ Kukathas C. Two Constructions of Libertarianism // *Libertarian Papers*. – 2009. – Vol. 1. P. 1 – 13.

подчеркнуть, что в ситуации директивного контроля над языковой ситуацией отдельные языковые коллективы, говорящие на диалектах, могут не получить возможность коммуницировать в публичном пространстве, не смотря на лояльность своему «непризнанному» языку, при том, что другие могут нейтрально или негативно относиться к своему языку и при этом разделять налоговое бремя, необходимое для функционирования многоязычных официальных институтов.

Также внимания заслуживает критика роли государства в процессе языкового планирования. Несмотря на достаточно ограниченные полномочия государства в рамках концепции либеральной нейтральности, представители различных направлений либеральной мысли по-разному предполагают степень ограничения последнего в вопросах управления обществом. Так, Д.Ф. Гаус отмечает, что несмотря на все разнообразие точек зрения по поводу места и роли государства, у сторонников либеральной традиции есть как минимум два общих методологических основания, которые и позволяют объединять разные доктрины в рамках либерального дискурса критики государства¹⁶⁷. Во-первых, общим для всех направлений либерализма выступает доктринальное единство (по крайней мере в основных методолого-теоретических аспектах) относительно положения дел в обществе и мире, основанное на совокупности теоретических и эмпирических фактов и мнений. Именно это единство приводит, во-вторых, к расхождению, но не по поводу того, должно ли государство быть ограничено (что объединяет либералов), но по поводу того, в какой степени оно должно быть ограничено. Именно тут можно наблюдать все многообразие вариантов: от левого анархизма до анархокапитализма¹⁶⁸.

Говоря о роли государственного принуждения, Д.Ф. Гаус отмечает, что в рамках либеральной традиции, какой бы вариант ее не рассматривался, достигается относительное единство взглядов на то, что считать допустимым и

---

¹⁶⁷ Gaus G.F. Liberal Neutrality: A Radical and Compelling Principle In Perfectionism and Neutrality / George Klosko and Steven Wall. – MD: Rowman & Littlefield, 2003. P. 140.

¹⁶⁸ Gaus G.F., Van Schoelandt C. Consensus on What? Convergence for What? Four Models of Political Liberalism. Ethics. – 2017. – Vol. 128. P. 147.

недопустимым вмешательством в личную жизнь. Выдвинутое еще Дж. Ст. Миллем, положение это формализуется таким образом, что некоторого индивида А законно может принудить сделать нечто другой индивид или институция В только в том случае, если это убережет от вреда со стороны А другого индивида – С (или исправит уже нанесенный С вред)¹⁶⁹.

Из этого фундаментального принципа выводится ряд случаев, при которых вмешательство (в том числе государственное) никогда не оправданно, а именно: В не может принуждать А не вредить самому себе; не может принуждать А действовать в соответствии с принимаемыми только им этическими максимами и правилами; не может заставить А передать или оказать некоторое благо С; не может заставить А не причинять некоторый дискомфорт С, если это не сопряжено с причинением вреда.

При этом, разумеется, что существенным вопросом в данном случае остается вопрос определения терминов «благо», «дискомфорт», «заставить/принудить», «вред/причинение вреда» и т.д. Однако, несмотря на некоторые смысловые сдвиги, в рамках либеральной традиции эти положения понимаются достаточно однозначно, а все «тонкости» толкования лишь зависят от конкретных обстоятельств, что не лишает указанные положения своей убедительной силы.

Таким образом, государство не может заставлять индивидов сделать нечто или воздержаться от действия, если к тому нет того, что у Д.Ф. Гауса называется «беспристрастное основание», оправдывающего принуждение. Беспристрастность в данном случае означает возможность рационально понять его по крайней мере допустимость в некоторой ситуации. Как легко можно видеть, в данном случае легитимация принуждения объясняется с позиций рационализма и свободы воли каждого отдельного индивида. Безусловно, в данной связи возникают вопросы о том, возможно ли рассматривать индивидов, как рациональных субъектов, наделенных свободой воли, т.к. это утверждение не самоочевидно. Однако с

---

¹⁶⁹ Gaus G.F. The Moral Foundations of Liberal Neutrality // Debates in Contemporary Political Philosophy // Thomas Christiano and John Christman, eds. – Oxford: Blackwell, 2009. P. 81 – 98.

объяснительной точки зрения это выступает скорее некоторой отправной точкой рассуждения, некоторой аксиомой, из которой в дальнейшем выводится все множество положений классического либерализма.

Поэтому, отдавая должное теории языковой нейтральности, основанной на равном представлении языков, предложенной А. Паттенем, и соглашаясь с тем, что она является одним из успешных ответов утилитарному пониманию языковой политики, нельзя не учитывать вышеперечисленные проблемы, связанные с ее реализацией. Языковая политика, основанная на дерегулировании, таким образом, представляется более соответствующей либеральному пониманию свободы и современным условиям глобального мультикультурализма. Помимо этого, утверждение в основе альтернативной языковой политики принципа либеральной нейтральности позволяет языковым коллективам самостоятельно сохранять и развивать свои языки, полностью отвечая за последствия своего выбора.

Кроме того, дополнительным основанием рассматривать политику языковой нейтральности, основанной на дерегулировании и государственном невмешательстве, является обширный зарубежный опыт в разных сферах общественной жизни, подтверждающий, что значительную долю государственных отраслей можно эффективно приватизировать, как это сегодня происходит в областях дорожного обслуживания, почты, пенитенциарной системы, социального обеспечения, усыновления детей и даже в области правоохраны и общественной безопасности.

Таким образом, основными проблемами на пути реализации утилитарной языковой политики является внутренние противоречия утилитарной этики, которые касаются определения блага и правило, согласно которому его нужно максимизировать. В соответствии с приведенным анализом, невозможно точно определить, что будет являться благом с точки зрения языковой политики. Сравнивая возможные положительные эффекты (социальная мобильность, общественная консолидация и интеграция и пр.) можно сказать, что и в рамках одноязычия, и при многоязычии можно ожидать одних и тех же эффектов. Так, и одноязычная языковая политика и многоязычная одинаково апеллируют к

созданию интегрированного общества разными способами. При этом, рассматривая языковую политику, как централизованную административную деятельность уполномоченных органов приходится признать, что, выбирая один из вариантов власть всегда действует вопреки чьим-то интересам, поддерживая одни языковые коллективы, что не может ни сказываться на благополучии других. Кроме того, возникает существенный риск политического злоупотребления и спекуляции на языковом вопросе с целью извлечения политических дивидендов. Самым очевидным недостатком утилитарного подхода является то, что индивиды и их добровольные ассоциации лишаются возможности самостоятельно решать судьбу своего языка в соответствии с негативным пониманием свободы действия. Именно поэтому подлинное языковое разнообразие в его, так сказать, естественной форме, когда судьба языка исходя из обычаев межличностного взаимодействия и текущей заинтересованности, возникает в связи с волеизъявлением участников коммуникации. В данном случае, неконфликтным способом сохранения языка является также ситуация формирования контактных и искусственных языков. Любая попытка конструировать языковую ситуацию директивными методами, таким образом, в любом случае будет сталкиваться с трудностями от частичного недовольства до полного неприятия.

Заключение

В представленной диссертационной работе было проведено исследование этических основ языковой политики в ситуации глобальных социальных процессов. Сегодня глобализация продолжает включать в себя все новые государства и продолжает оказывать сильное влияние на все общественные сферы. Международные обмены, создание транснациональных корпораций и свободных объединений, усиление международной коммуникации на основе глобальной сети Интернет приводят к тому, что государства начинают активно наполняться носителями различных языков, многие из которых меняют место жительства и оседают в новых местах. Кроме того, помимо добровольной миграции страны Европы сегодня переживают массовый приток мигрантов с Востока в связи с военными конфликтами.

Важной является и проблема глобализации локальных культур в рамках национальных государств, которая включает в себя усиление культурной автономности. В этих условиях, изучение основ реализации языковой политики является чрезвычайно актуальным предметом исследования.

Заявленный предмет исследования потребовал адекватного подхода, сочетающего в себе методологию не только социальных, но и этико-философских дисциплин. Поэтому в работе, помимо общенаучных методов исследования были использованы в качестве теоретико-методологической основы ряд базовых теоретических положений из различных областей знания, адекватных заявленной проблематике. Так, в первую очередь использовался методологический арсенал социолингвистики к которому относятся теория языкового разнообразия, языковых конфликтов, языкового сдвига. Также был подробно исследован феномен глобализации и смежные темы, такие как феномен мультикультурного общества, национализация и локализация культур и понятие культурного суверенитета, с привлечением необходимой литературы по социальной философии. Кроме того, особое значение в исследовании было уделено этико-философской методологии и проанализированы основные этические теории, к

которым можно отнести утилитаризм и различные теории либерализма в контексте проблемы соотношения культурного разнообразия и свободы индивидов.

На основе анализа соответствующей литературы, посвященной теме исследования были сформированы цель и задачи, ориентированные на то, чтобы изучить лежащие в сферах социолингвистики социальной философии и моральной теории теоретико-методологические положения и на их основе выработать методику подхода к проблемам определения этико-философских оснований языковой политики в ситуации глобализации.

Эти задачи в рамках исследования были успешно решены, а предложенные наработки были исследованы на обширном политико-правовом материале, относящемся к языковому законодательству ряда государств, проводящих различную языковую политику.

По результатам проведенного диссертационного исследования могут быть сделаны следующие выводы, соответствующие поставленным задачам:

1. Были выявлены основные проблемы культурного и языкового разнообразия в условиях современного глобализирующегося мира. Было показано, что глобализация в современном мире существенно трансформирует традиционную оппозицию локальное-глобальное. Было выделено три периода смены данной конфигурации. Так, общества домодерна представленные, в первую очередь империи, терпимо относились к локальному разнообразию, ограничивая свой культурный суверенитет рамками крупных доминантных культур. Общественный договор предполагал обмен политики культурной терпимости на безусловное подчинение метрополии, которая вмешивалась в жизнь локальных культур только путем экономического и административного регулирования. Образование национальных государств ознаменовало приход эпохи модерна и вместе с этим государство начинает активно распространять свой культурный суверенитет в рамках собственных границ. Результатом становится жесткая политика национальных государств по подавлению локального разнообразия и создания гомогенного субъекта международных отношений на основе институтов

унифицированного гражданства, а также, как правило, религии и языка. Апогеем развития политики модерна стало создание крупных геополитических блоков в рамках глобальной системы общества, включавших в себя несколько идеологически близких государств. Наконец, третий период, именуемый постмодерном, положил начало суверенизации локальных культур в рамках одного государства. При том, что часто локальные сообщества остаются под юрисдикцией одного государства, интенсифицируются культурные транснациональные обмены и связи. Результатом становятся возможность для локальных культур самостоятельно, без посредничества государства, объединяться и коммуницировать, что стало особенно легко благодаря созданию глобальной сети Интернет.

Таким образом, локальные сообщества впервые в истории получили возможность самостоятельно выступать акторами глобального политического процесса, участвовать в международной жизни самостоятельно, чего они не могли сделать раньше. В сложившихся обстоятельствах, с появлением крупных международных институций, наделенных контрольными, правотворческими и правоприменительными функциями, многие государства официально перешли к политике мультикультурализма с целью гармонизации и стабилизации общества в новых условиях. Как было показано в исследовании, политика мультикультурализма не является унифицированной и представляет из себя целый спектр разнообразных административных мер и идеологических установок относительно феномена культурного разнообразия. При этом, если говорить именно о политике мультикультурализма, то в нем культурное разнообразие выступает как ценность и как факт реальности, которые необходимо не подавлять или просто учитывать, но так или иначе регулировать.

Исследование особенностей языкового разнообразия в современном мультикультурном мире, а также основных проблем, связанных с ним, выявило, что языковое разнообразие является частью культурного разнообразия на планете и, таким образом, представляет собой особый термин, подчеркивающий количественную и качественную неоднородность языковой ситуации данного

региона. Языковое разнообразие, взятое в конкретном регионе, в условиях конкретных отношений, называю языковой ситуацией. Языковое разнообразие порождает различные типы языковых ситуаций, которые определяют, как совокупность форм существования одного языка или совокупности нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований. Языковые ситуации были классифицированы на количественные и качественные. Наличие в пределах определенного государства локальных культур, говорящих на разных языках неизбежно приводят к ряду проблем, вызванных диглоссией – устойчивой формы сосуществования различных языков, которая характеризуется их неравным функционированием в публичной сфере. К числу основных проблем, вызванных диглоссией, были отнесены языковой сдвиг, полуязычие, смерть языка и языковой конфликт. Языковой конфликт представляет собой особый социальный конфликт, который тем или иным способом связан с проводимой языковой политикой и который может иметь причины, лежащие в экономической, политической, социальной, религиозной и т. п. сферах, однако он приобретает конкретную форму в связи с проблемной языковой ситуацией. Таким образом, языковой конфликт часто выступает символическим поводом, усугубляющим уже имеющийся социальный конфликт.

Проблема полуязычия затрагивает непосредственно билингвальную личность, находящуюся в ситуации многоязычного общества, когда несбалансированный билингвизм приводит к тому, что общение с носителями своего родного языка ограничивается, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. Языковой сдвиг – это процесс утраты этносом своего языка, который начинается, когда к новому языку прибегают в тех сферах, где ранее использовался только родной. В результате, как было показано, языковой сдвиг может привести к гибели языка, т.е. полной утраты способности коммуницировать на языке в связи с прекращением его передачи новому поколению;

2. Рассмотрены социально-философские и этические предпосылки формирования утилитарных моделей языковой политики. В результате исследования было выделено два понимания либеральной свободы: «позитивная» и «негативная». «Позитивная» свобода предполагает наличие некоторого морального сверх-субъекта, который устанавливает нормативные границы, в рамках которых общество в целом и каждый индивид могут достигать счастья. «Негативное» понимание свободы предоставляет индивиду самостоятельно определять идею счастья и пути его достижения, если его действия не мешают окружающим добиваться того же. Обе точки зрения на свободу неоднократно были предметом осмысления в философские литературы со времен Аристотеля и, в целом, достаточно хорошо разработаны. Однако, принимая во внимание тот факт, что все современные общества мультикультурны в той или иной степени, нужно признать тот факт, что они также плюралистичны по вопросу определения и достижения счастья. В данном смысле, понимание «позитивной» свободы очевидно ограничивает волю отдельного человека, предустанавливая нормы должного поведения, с которыми он может быть не согласен.

Внутренние противоречия концепции «негативной» свободы, связанные с невозможностью однозначно определить, что для личности является настоящим счастьем, а также каким путем лучше его достичь является отчасти оправданными на уровне личности, однако на уровне общества не имеют значения и рассматриваются как результат личной ответственности индивидов за свои поступки, которые, какими бы они ни были, не должны посягать на свободу других членов общества. Попытка же сформулировать нормативные рамки в рамках общества приведет рано или поздно к формированию конформизма и злоупотреблений со стороны власти. В связи с этим, делается вывод о том, что адекватной для мультикультурного общества является «негативная» концепция свободы. Кроме того, в работе также был представлен анализ утилитарной этической доктрины, один из вариантов которой, - утилитаризм правила, - является одной из форм реализации принципа «позитивной» свободы;

3. Проведен анализ и систематизация политико-правового инструментария (законодательной и правоприменительной практики) регулирования языкового разнообразия в рамках утилитарной модели языковой политики. Исследование особенностей реализации языковой политики ряда современных государств позволило выделить два принципиально различных способа ее осуществления: утилитарная языковая политика, основанная на «позитивном» понимании свободы и языковая политика либеральной нейтральности, основанная на «негативном» концепте свободы.

В рамках утилитарного подхода, в свою очередь, было выделено два направления языковой политики: одноязычная и многоязычная. Оба варианта утилитарной языковой политики предполагают, в соответствии с утилитарной этикой, определение общественного блага и стремление его максимизировать в рамках всего общества. Было показано, что одноязычная языковая политика понимает в качестве блага сочетание культурной и языковой однородности, а также стремится создать эффективные механизмы социализации и общественного диалога с помощью утверждения одноязычия. Данный подход характеризует государства, периода модерна и в целом свойственен всем национальным государствам. Многоязычная языковая политика стремится посредством нескольких языков создать сбалансированные условия в ситуации мультикультурализма и языкового разнообразия. Для релевантного и полного анализа в исследовании привлекался обширный конституционный и специальный нормативно-правовой материал;

4. Проведен критический анализ социально-философских основания утилитарной модели языковой политики, в результате которого были установлены основные теоретические трудности утилитарной языковой политики, которые являются общими противоречиями утилитарной этики в целом, связанными с общей консеквенциалистской направленностью данной доктрины.

Так, первой проблемой является определение понятия счастья/блага. Было установлено, что наиболее совершенной формой представления о благе в утилитаризме является понимание блага, как удовлетворение рациональных

предпочтений. При этом, даже такой подход не лишен принципиальных недостатков, а именно того, что стараясь определить благо никогда нельзя обладать полной информацией о последствиях его осуществления, что делает любое благо только гипотетическим. В области языковой политики, принимая в качестве блага, например, социальную интеграцию в рамках одноязычной политики, вероятно, что принятые меры спровоцируют языковой конфликт и сопротивление со стороны языковых меньшинств, если язык для них является основным фактором идентичности. Кроме того, языковая лояльность всегда может стать таким фактором в зависимости от множества прочих факторов взаимодействия меньшинства и большинства населения.

Второй проблемой утилитарной политики является принцип максимизации блага. Так, принимая справедливость данного положения существует обоснованный риск того, что различные устойчивые социальные практики, например, институт займов или благотворительности, будут нарушаться в пользу некоторого общественного блага. Кроме того, применение данного принципа скорее всего обернется пренебрежением интересами меньшинства над большинством, за что утилитаризм неоднократно критиковался. В области языковой политики одноязычия или многоязычия следование принципу максимизации блага также очевидно приведет к умалению интересов меньшинства в пользу языкового большинства, что также чревато языковыми конфликтами.

Наконец, в качестве третьей (производной от первых двух проблем) проблемой является преувеличенная роль государства в процессе определения блага и правил его максимизации. Данная трудность также неустранима на уровне языковой политики и в целом противоречит пониманию «негативной» свободы.

5. Была выявлена и представлена альтернативная модель языковой политики, основанная на принципе либеральной нейтральности, как наиболее соответствующую модель языковой политики для решения проблемы языкового разнообразия. В рамках данного подхода выделяется два типа языковых политик: языковая политика равенства и языковая политика дерегулирования. Несмотря на

то, что обе модели могут в рамках либеральной традиции эффективно решать обозначенные проблемы, делается предположение о том, что языковая политика дерегулирования является более предпочтительной. Так, языковая политика равенства, представленная в исследовании концепцией А. Паттена «пропорциональный государственный мультилингвизм», противоречива по двум основным положениям, связанным с общей деонтологической направленностью данного подхода.

Так, во-первых, языковая политика пропорционального государственного мультилингвизма кладет в свою основу принцип «where numbers warrant», обязывающий учитывать при определении равного представительства различных языковых коллективов их число. Данный принцип не является удовлетворительным в связи с тем, что в условиях глобализации и постоянных международных обменов не учитывает быстрое изменение языковой ситуации и число носителей языков. Далее, он не учитывает возможность создания искусственных и новых, в том числе контактных языков. Исходя из этого он не является достаточно гибким механизмом регулирования языкового разнообразия. Наконец, самым большим недостатком данного подхода является невозможность исходя из четких лингвистических критериев отличать язык от диалекта и социолекта. Исходя из этого, можно ожидать различных внутриэтнических языковых конфликтов, например, по поводу признания одного из диалектов языком.

Во-вторых, положенный в основу языковой политики равенства принцип различия, заимствованный А. Паттеном из теории справедливости Дж. Роулза, не позволяет точно определить «наименее успешных» членов общества, в пользу которых необходимо проводить перераспределение ресурсов. Кроме того, принцип различия неизбежно будет способствовать увеличению роли бюрократии в процессе распределения благ, а значит потенциально грозит различными злоупотреблениями власти. Тот же вывод справедлив и для языковой политики, когда в рамках языковой политики равенства необходимо будет так или иначе определить и поддерживать языковые коллективы, которые будут признаны

неспособными на равных с прочими поддерживать и сохранять свою языковую идентичность. Общая критика принципа различия поднимает также вопрос о том, кто является субъектом языковой политики и в рамках исследования делается вывод о том, что приоритет государства в языковой политике не позволяет в полной мере реализовывать свободу в «негативном» понимании, а любое ограничение индивидов на использование языка сохраняет диглоссию. Таким образом, в исследовании делается вывод о том, что предпочтительным вариантом является языковая политика дерегулирования, которая полностью соответствует приоритету «негативной» свободы и максимально устраняет государство из процесса регулирования языкового разнообразия. Несмотря на теоретико-методологическую близость обоих подходов, языковая политика дерегулирования ориентирована на синтезе деонтологических и контрактарианистских подходов, отдавая большее предпочтение последним, что позволяет индивидам и коллективам самостоятельно и более оперативно решать вопросы использования языков при посредничестве государства, устанавливающего лишь справедливые рамки общественного взаимодействия. Именно в такой ситуации возможно одновременно предотвратить ограничение свободы всех языковых коллективов, давая им возможность бороться за сохранения своего языка самостоятельно без поддержки государства, а также минимизирует последствия диглоссии, в связи с тем, что ответственность за распределение сфер функционирования тех или иных языков лежит на самих носителях, а сами сферы языковой коммуникации определяются, так сказать, естественно, исходя из обычаев делового общения, традиций и пр.

Таким образом, несмотря на значительные достижения в области исследования проблем языкового многообразия, остается еще масса вопросов, как теоретического, так и практического свойства. Так, в теоретическом плане перспективным будет исследование философско-этических оснований языковой политики, основанной на принципе либеральной нейтральности, с позиций контрактарианских направлений либеральной мысли. Кроме того, интерес представляет исследование и в теоретико-методологическом ключе, заданном А.

Паттеном, с учетом тех критических замечаний, которые были изложены в работе. Так, для более глубокого исследование совершенно необходимо исследование большого массива эмпирических данных, касающихся определения судьбы языков, исходя из числа проживающих и в случае трансформации языковой ситуации. Несомненно, практический и теоретический интерес представляет более детальное исследование негативных последствий диглоссии, для чего необходим междисциплинарный подход и сотрудничество таких дисциплин, как социолингвистика, социальная философия и этика.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые источники

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]: принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
2. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [Электронный ресурс]: принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
3. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
4. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс]: принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
6. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [Электронный ресурс]: принята 20 октября 2005 года

- Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
7. Кодекс об административных нарушениях Латвийской Республики [Электронный ресурс]: по состоянию на 26.03.2014 год. – URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=89648> (дата обращения: 10.06.2019).
  8. Конституция Испанского Королевства [Электронный ресурс]: принята на референдуме 6 декабря 1978 года. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Spain_2011____ (дата обращения: 10.06.2019).
  9. Конституция Латвийской Республики [Электронный ресурс]: принята Учредительным собранием 15 февраля 1922 года. – URL: <https://likumi.lv/ta/en/id/57980-the-constitution-of-the-republic-of-latvia> (дата обращения: 10.06.2019).
  10. Конституция Республики Литва [Электронный ресурс]: принята всенародным референдумом 25 октября 1992 года. – URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 10.06.2019).
  11. Конституция Республики Татарстан [Электронный ресурс]: введена в действие Законом РТ от 30 ноября 1992 года. N 1665–XII. – URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/ (дата обращения: 10.06.2019).
  12. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (дата обращения: 10.06.2019).
  13. Конституция Швейцарской Конфедерации [Электронный ресурс]: принята на народном референдуме 18 апреля 1999 года. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland_2002 (дата обращения: 10.06.2019).

14. Конституция Эстонской Республики [Электронный ресурс]: принята на референдуме 28 июня 1992 года. – URL: <https://www.president.ee/en/republic-of-estonia/the-constitution/index.html> (дата обращения: 10.06.2019).
15. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
17. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]: принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
18. «О государственном языке Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 01.06.2005 N 53–ФЗ (ред. от 02.07.2013). – URL: <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (дата обращения: 10.06.2019).
19. «О государственном языке» [Электронный ресурс]: Закон Республики Латвия: принят в 1999 году, вступил в силу в 2000 году. – URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740> (дата обращения: 10.06.2019).
20. «О государственном языке» [Электронный ресурс]: Закон No. IX–954 принят 31 января 1995 с поправками от 12 июня 2002 года. – URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/www_tv.show?id=91765,6953,30 (дата обращения: 10.06.2019).
21. «О национальных языках...» [Электронный ресурс]: Федеральный закон Швейцарской Конфедерации принят 5 октября 2007 года; по состоянию на 1

- января 2010 года. – URL: <https://www.admin.ch/opc/it/classified-compilation/20062545/index.html> (дата обращения: 10.06.2019).
22. «О языке» [Электронный ресурс]: Закон Республики Эстония: принят 23 февраля 2011 года, вступил в силу с 1 июля 2011 года. – URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/131122015022> (дата обращения: 10.06.2019).
23. «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Закон РФ от 25.10.1991 N 1807–1 (ред. от 02.07.2013). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148830> (дата обращения: 10.06.2019).
24. «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан» [Электронный ресурс]: Закон Республики Татарстан от 12 января 2013 года №1–ЗРТ принятый Государственным Советом Республики Татарстан 24 декабря 2012 года. – URL: <https://rg.ru/2013/02/19/tatarstan-zakon1-reg-dok.html> (дата обращения: 10.06.2019).
25. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству [Электронный ресурс]: принята 15 октября 2003 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
26. Committee on Economic, Social and Cultural Rights, General Comment 14, The right to the highest attainable standard of health (Twenty–second session, 2000), U.N. Doc. E/C.12/2000/4 (2000), reprinted in *Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies*, U.N. Doc. HRI/GEN/1/Rev.6 at 85 (2003).
27. Constitution acts 1867 to 1982 [Электронный ресурс]: 30 & 31 Victoria, с. 3 (U.K.) (29-th March 1867). – URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/> (дата обращения: 10.06.2019).
28. Employment Equity Act 1995 S.C. с. 44 [Электронный ресурс]. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/e-5.401/page-1.html> (дата обращения: 10.06.2019).

29. European Charter for Regional or Minority Languages 1992 [Электронный ресурс]: ETS No. 148: Chart of signatures and ratifications. – URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/default_en.asp (дата обращения: 10.06.2019).
30. Gaelic Language (Scotland) Act 2005 asp 7 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/asp/2005/7/contents> (дата обращения: 10.06.2019).
31. Language Vitality and Endangerment UNESCO [Электронный ресурс]: Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages Document adopted by the International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages Paris, 10–12 March 2003. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001836/183699E.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).
32. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/biodiversity-and-linguistic-diversity/?q=fr%2Fculture%2Fthemes%2Fendangered-languages%2Fbiodiversity-and-linguistic-diversity%2F> (дата обращения: 10.06.2019).
33. Welsh Language Act 1993 с. 38 (U.K.) (21-st October 1993) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents> (дата обращения: 10.06.2019).

Научная литература

34. Алок К. Дас Языковые конфликты и контакты в Индии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – СПб., 2003. – С. 130–136.
35. Алпатов В.М. 150 языков и политика 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт, 2000. – 223 с.
36. Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11–24.

37. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 8–28.
38. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. – № 2 (12). – С. 11–22.
39. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003. – 208 с.
40. Антология мировой философии (в 4-х томах). Том 1 (в двух частях); М.: Мысль, 1969. Ч. 1 – 578 с.; ч. 2 – 361 с. (Сер. Философское наследие).
41. Аристотель Евдемова этика. М.: Институт философии РАН, 2005. – 448 с.
42. Аристотель: Сочинения: В 4-х т. / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
43. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
44. Баккер П. Смешанные языки, их общие черты и типы (отрывок) // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 548–565.
45. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
46. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.
47. Бентам И. Тактика законодательных собраний. – Челябинск: Социум, 2006. – 199 с.
48. Богушевич Т.Б. Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии // Этническая политика в странах Балтии. Отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – С. 236–258.
49. Бурас М.М., Кронгауз М.А. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности [Электронный ресурс] // Наука и жизнь, 2011. – № 8. – URL: <https://elementy.ru/nauchno->

populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (дата обращения: 10.06.2019).

50. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. – М, 1972. – С. 25–60.
51. Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 11–16.
52. Вахтин Н.Б. Язык сиренинских эскимосов: Тексты, грамматические и словарные материалы. – München: Lincom–Europa, 2000. – С. 25–28.
53. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. – Санкт–Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия». – 2004. – 336 с.
54. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
55. Гамперц Дж. Речевая общность // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2012. – С. 84–97.
56. Гегель Г. Философия права / Пер. с нем.: ред. и сост. Коримов Д. А. и Нерсесянц В. С.; Авт. вступ. ст. и примеч. Нерсесянц В. С. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
57. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – С. 115–128.
58. Гоббс Т. Сочинения в 2–х томах. – М.: Мысль, 1989–1991. – Т.1 – 627 с.; Т.2 – 736 с. – (Сер. Философское наследие).
59. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; Ред. Л. Б. Макеева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 392 с.
60. Дориан Н. Утрата и сохранение языка в ситуации языкового контакта // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред.

- Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2012. – С. 382–402.
61. Зассе Х.–Ю. Теория языковой смерти // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге. 2012. – С. 433–459.
62. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография / Под редакцией доктора филологических наук М.И. Исаева; Северо–Осетинский государственный университет. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – 290 с.
63. Кант И. Собрание сочинений в 8–ми томах. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – 630 с.
64. Катунин Д.А. Язык в зеркале мирового законодательства: статус языков в конституциях стран мира // Картины русского мира: образ языка в дискурсах и текстах. – Томск, 2009. – С. 174–228.
65. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун–т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом гос. ун–та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
66. Клоков В.Т. Развитие и применение языкового права в Швейцарии // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 30–35. – (Сер. Филология. Журналистика).
67. Кожемякина В.А. Языковая ситуация и языковая политика в Канаде // Решение национально–языковых вопросов в современном мире. – СПб., 2003. С. 170–182.
68. Кондрашкина Е.А. Языковые конфликты и их последствия в современном мире // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 2 (104). – С. 65–68.
69. Кревельд М. Расцвет и упадок государства / Пер. с англ. под ред. Кузнецова Ю., Макеева А. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
70. Крючкова Т.Б. Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994. – С. 125–130.

71. Крючкова Т.Б., Нарумо Б.П. Зарубежная социоллингвистика. Германия, Испания. – М.: Наука, 1991. – 157 с.
72. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А. В. Куряева. – М.: Мысль, 2011. – 482 с.
73. Ленин В.И. Нужен ли обязательный государственный язык? Из цикла «Статьи по национальному вопросу» // Пролетарская Правда. – 1914. – № 14 (32), 18 января 1914 г.
74. Макеева Л.Б. Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тэйлор, Уолдрон. – М.: Прогресс–традиция, 1998. – 248 с.
75. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. – 232 с.
76. Милль Дж. С. Утилитарианизм. О свободе. – СПб., 1900. – 414 с.
77. Михальченко В. Ю. Национально–языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. – С. 221–235.
78. Михальченко В.Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. Москва, 16–19 сентября 2014 г. – М., 2014. – С. 209–213.
79. Молдавия объявила «символическую» войну Евросоюзу [Электронный ресурс] // Pravda.ru. – URL: <http://www.pravda.ru/news/world/26-12-2016/1321182-moldova-0/> (дата обращения: 10.06.2019).
80. Найман Е.А., Гураль С.К., Смокотин В.М. Английский язык в статусе языка всемирного общения в сфере образования // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 367. – С. 158–164.
81. Наумов Ф.В. Правовое регулирование многоязычия на конституционном уровне // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: межрегиональная конференция по вопросам функционирования русского языка как

- государственного языка Российской Федерации. Саранск, 22 – 24 мая 2013 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.volsu.ru/download.php?id=000025879-1.pdf>. (дата обращения: 10.06.2019).
82. Наумов Ф.В. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2016. – № 1. – С. 21–30.
83. Наумов Ф.В. Одноязычная языковая политика: нормативная и социолингвистическая характеристики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 2. – С. 229–236.
84. Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 4. – С. 61–67.
85. Нерсисянц В.С. Политические учения Древней Греции. – М.: Наука, 1979. – 264 с.
86. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.–науч. фонд; Предс. научно–ред. совета В. С. Степин. – 2–е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH011d9ed0664e9ab2a7a95b1d> (дата обращения: 10.06.2019).
87. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик; пер. с англ. Пинскера Б. под ред. Кузнецова Ю. и Куряева А. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
88. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
89. Оганесян А.К. Равенство и справедливость (Концепция Д. Роулса и Д. Белла) // Этическая мысль. – М.: Политиздат, 1990. – С. 214–229.
90. Платон: Сочинения в четырех томах. / Под общ. ред. А. Ф Лосева. и В. Ф.Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд–во С.–Петербур. ун–та; «Изд–во Олега Абышко», 2006. – Т. 1. – 632 с.
91. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. – М.: Ad Marginem, 1997. – 188 с.

92. Роулз Дж. Справедливость как честность // Логос. – 2006. – № 1. – С. 35–60.
93. Роулз Дж. Теория справедливости. Монография / Пер. с англ. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун–т, 1995. – 500 с.
94. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. Полецкой Е.; Ред. и послесл. Нуреева Р.М. – М.: Новое издательство, 2004. – 425 с.
95. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
96. Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // Социалингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге. 2012. – С. 402–433.
97. Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Предисл. Жданок Т.А.; под ред. Демурина М.В., Симиндея В.В. Фонд «Историческая память». – М., 2009. – 280 с.
98. Смокотин В.М. Европейское многоязычие: от государств–наций к многоязычной и поликультурной Европе: монография. – Томск: изд–во Том. ун–та, 2010. – 178 с.
99. Сулейманов Р.Р. Этнолингвистический конфликт в современном Татарстане: борьба за русский язык в школах национальной республики // Языковая политика и языковых конфликты в современном мире: международная конференция. Москва, 16–19 сентября 2014 г. – М., 2014. – С. 226–234.
100. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / Пер. с англ. Калинина А. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.
101. Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – 601 с.
102. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3–е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
103. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. – Т. 1. – 448 с.

104. Фуллер Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 306 с.
105. Хауген Э. Язык, диалект, нация // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 97–115.
106. Этика: Энциклопедический словарь / под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
107. Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. Полещук В.В., Степанов В.В. – М.: Наука, 2013. – 407 с.
108. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
109. Bauman Z. Gamekeepers turned gardeners / Bauman Z. Legislators and Interpreters. On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals // Cambridge: Polity Press, 1987. – P. 51–67.
110. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – New York: Basic Books, Inc., 1976. – 300 p.
111. Bentham J. A Fragment on Government [Электронный ресурс] – URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/dc/Jeremy_Bentham%2C_A_Fragment_on_Government_%281891%29.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
112. Berlin I. Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty. – London, Oxford Univ. Press, 1969. – P. 118–172.
113. Cable V. The World's New Fissures: Identities in Crisis. – London: Demos, 1996. – P. 20–22.
114. Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. 2nd Edition. – Oxford: Blackwell Publishers, 2009. – Vol. 2. – 585 p.
115. Ferguson C. Diglossia. 1959. – Vol. 15, – P. 325–340.
116. Gaus G.F. Liberal neutrality: a compelling and radical principle // Critical Review, 1994. – № 8. – P. 217–234.

117. Gaus G.F. Liberal Neutrality: A Radical and Compelling Principle In Perfectionism and Neutrality / George Klosko and Steven Wall. – MD: Rowman & Littlefield, 2003. – P. 137–165.
118. Gaus G.F., Van Schoelandt C. Consensus on What? Convergence for What? Four Models of Political Liberalism. *Ethics*. – 2017. – Vol. 128. – P. 145–172.
119. Gaus G.F. The Moral Foundations of Liberal Neutrality // *Debates in Contemporary Political Philosophy* // Thomas Christiano and John Christman, eds. – Oxford: Blackwell, 2009. – P. 81–98.
120. Gray J. *Liberalisms: Essays in Political Philosophy*. – L.: Routledge, 1989. – P. 77–112.
121. Grin F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments [Электронный ресурс]. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/34164/brief_2.pdf (дата обращения: 10.06.2019)
122. Grin F. Language policy developments in Switzerland: needs, opportunities and priorities for the next few years // *Revue suisse de science politique*. – 1998. – P. 108–113.
123. Grin F. Swiss multilingualism and its relevance for Canada, *Policy Options* // *Options politiques*. – 1997. – № 18. – P. 19–24.
124. Haugen E. The ecology of language. *The Linguistic Reporter*. Supplement 25, 19–26. Reprinted in Haugen 1972. – P. 324–329.
125. Hobsbawm E. Some reflections on the «break-up of Britain» // *New Left Review*. – 1977. – № 105. – P. 3–23.
126. Kukathas C. Theoretical Foundations of Multiculturalism [Электронный ресурс]. – URL: http://econfaculty.gmu.edu/pboettke/workshop/fall04/theoretical_foundations.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
127. Kukathas C. Two Constructions of Libertarianism // *Libertarian Papers*. – 2009. – Vol. 1. – P. 1–13.

128. Locke J. Two Treatises of Government. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.yorku.ca/comminel/courses/3025pdf/Locke.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).
129. Loh J., Harmon D. Biocultural Diversity: threatened species, endangered languages. – WWF Netherlands, Zeist, The Netherlands, 2014. – 60 p.
130. Offe C. Some Contradictions of the Modern Welfare State // Critical Social Policy. – 1982. – Vol. 2, № 2. – 306 p.
131. Olds J. Pleasure center in the brain // Sci. Am. – 1956. – Vol. 195. – P. 105–116.
132. Patten A. Language Rights and Political Theory // Annual Review of Applied Linguistics. – 2003. – Vol. 23. – P. 3–21.
133. Patten A. Liberal neutrality and language policy // Philosophy and Public Affairs. – 2003. – Vol. 31, is. 4; Research Library Core. – P. 356 – 386.
134. Patten A. Political Theory and Language Policy // Political Theory. – 2001. – Vol. 29, is. 5. – P. 683–707.
135. Poggeschi G. Linguistic Rights in Spain // Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages. – Hague, 2001. – P. 85–102.
136. Sher G. Justifying Reverse Discrimination in Employment // Philosophy and Public Affairs, 1975. – Vol. 4. – P. 159–170.
137. Skutnabb–Kangas T. The stakes: Linguistic diversity, linguistic human rights and mother-tongue-based multilingual education - or linguistic genocide, crimes against humanity and an even faster destruction of biodiversity and our planet. Keynote presentation at Bamako International Forum on Multilingualism, Bamako, Mali, 19–21 Jan 2009 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tove-skutnabb-kangas.org/pdf/Tove_Skutnabb_Kangas_Keynote_presentation_at_Bamako_International_Forum_on_Multilingualism_Bamako_Mali_19_21_Jan_2009.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
138. Skutnabb–Kangas T., Phillipson R. A human rights perspective on language ecology In Volume 9, Ecology of Language, eds Angela Creese, Peter Martin &

- Nancy Hornberger. Encyclopedia of Language and Education, 2nd edition. New York: Springer. – P. 3–14.
139. Taylor C. What's Wrong with Negative Liberty, 1985. Law and Morality. 3rd ed. Ed. David Dyzenhaus, Sophia Reibetanz Moreau and Arthur Ripstein. – Toronto: U of Toronto P, 2008. – P. 359–368.
140. Therborn G. Globalizatsiya i neravenstvo: problemy kontseptualizatsii i ob"yasneniya [Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of Explanation] // The Russian Sociological Review, 2005. – Vol. 4. – P. 31–62.
141. Ethnologue: Languages of the World. SIL International Publications [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ethnologue.com/statistics/country> (дата обращения: 10.06.2019).